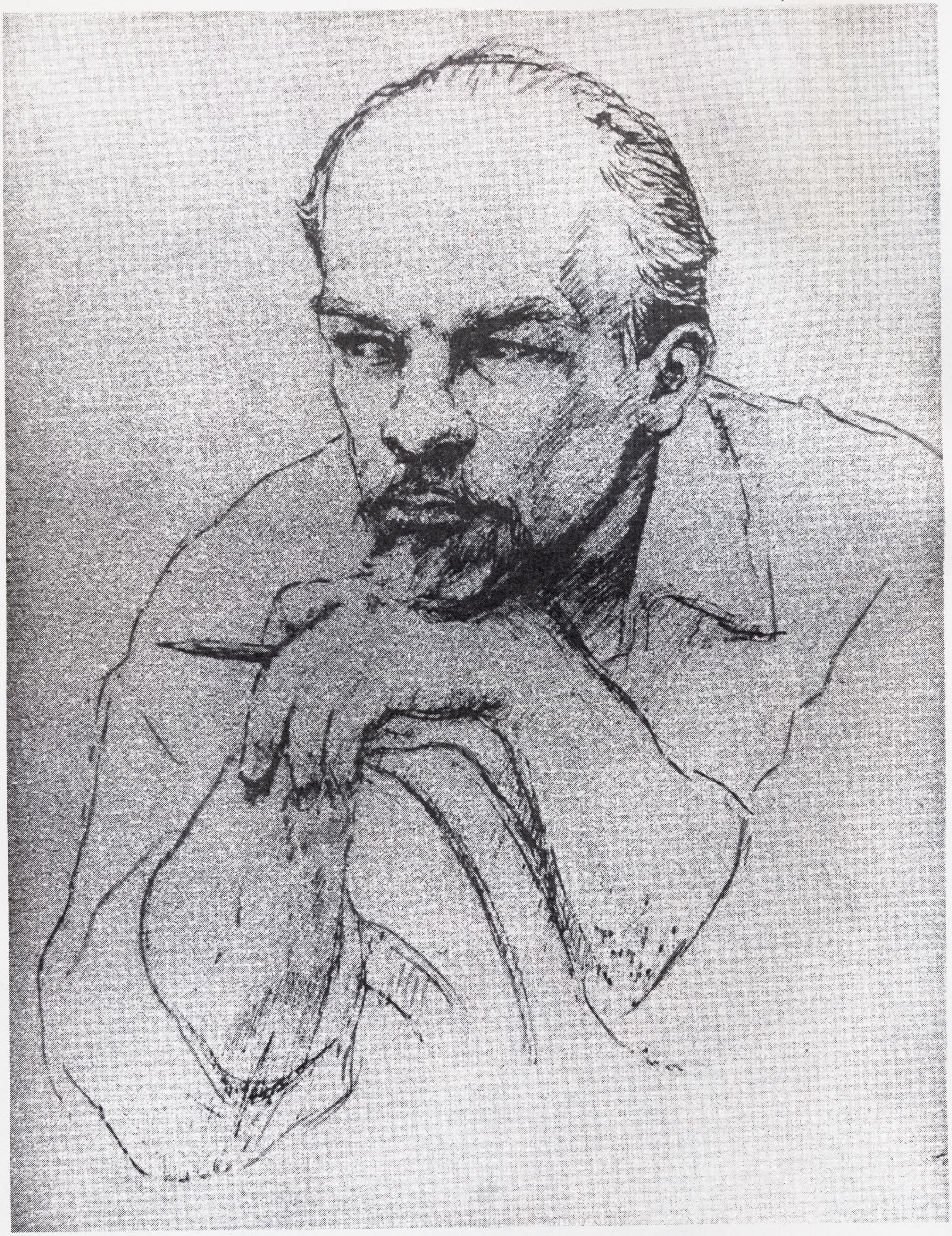
60

ПИОНЕР 10

1983



«НЕ ОТСТУПАТЬ!» **Рисунок Н. Н. Жукова.**

В рядах Коммунистической партии Советского Союза состоит 18 117 903 человека (на 1 января 1983 года). В составе КПСС действуют 425 897 первичных партийных организаций.

МОЛЧАЛИВАЯ КЛЯТВА

В этом году наш народ, все прогрессивное человечество отмечают событие огромной исторической важности — 80-летие II съезда Российской социал-демократической рабочей партии, рождение большевизма.

Многие годы лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола **Зоя Ивановна ВОСКРЕСЕНСКАЯ**, чьи книги о Владимире Ильиче Ленине, Надежде Константиновне Крупской вы хорошо знаете, посвятила изучению истории ленинской партии. Корреспондент «Пионера» встретился с писательницей и попросил ее ответить на несколько вопросов.

— Зоя Ивановна, Вы вступили в партию в январе 1927 года. Более полувека прошло с той радостной минуты, когда Вам был вручен партийный билет. Читателей нашего журнала интересует: приходилось ли Вам бывать в Лондоне и Брюсселе, где проходили исторические съезды партии, в том числе и II съезд РСДРП?

— В Брюсселе я не была, но в Лондоне довелось быть дважды во время Великой Отечественной войны. Первый раз — в конце 1941 года. Город произвел на меня тогда ужасающее впечатление: я еще не видела разбомбленных фашистской авиацией городов.

В центре Лондона — Сити — по обе стороны расчищенных улиц черные остовы обгоревших зданий, глыбы бетона, ощетинившегося арматурными прутьями, скрюченные стальные балки, повисшие пролеты лестниц с кусками мраморных ступеней — все это следы гитлеровских бомбардировок Лондона в 1940—1941 годах. В лучах редкого для Лондона солнца сиял купол собора святого Павла, чем-то напоминавшего Исаакиевский собор. На куполе зияла большая черная пробоина, как рана на черепе.

Темза тоже чем-то напоминала Неву, но не такая светлая и широкая, а забитая дымными пароходами, баржами, плавучими кранами... На набережной сфинкс, с дырой на бедре, с изрешеченным осколками лицом и отбитыми лапами, печально взирал на взорванные верфи. Палата общин парламента походила на открытую сцену, на заднике которой изображены изуродованные ниши, балконы, обитые красной кожей стулья, заваленные обломками балок, лепных украшений... И только стрелки циферблата Биг Бена бесстрастно и точно отсчитывали время...

Но самое гнетущее чувство охватывало в подземных станциях метро. Сами станции, так непохожие на светлые московские подземные дворцы,— мрачные, прокопченные. На каждой станции были сооружены двух- и трехъярусные деревянные нары, и на них копошились люди — матери с детьми, целые семьи. Многие спали, укрывшись одеялами, сшитыми из толстых газет «Таймс», спали, обхватив руками узлы с имуществом...

Гитлеровская авиация уничтожила огромное количество коттеджей и жилых зданий в Лондоне, и люди, потерявшие кров, заполнили станции метро. Конечно, среди них не было ни лордов, ни графов, которые укрылись в своих поместьях и не пользовались городским подземным транспортом...

— У молодой Советской республики было немало явных и тайных врагов, которые стремились задушить революцию. Приходилось ли Вам лично встречаться с теми политиками, которые стремились уничтожить завоевания народа, организовать интервенцию?

— В первый приезд в Лондон у меня была любопытная встреча, имевшая отношение к истории нашей страны, к Ленину.

Советский посол в Англии Иван Михайлович Майский спросил, не хочу ли я повидать Ллойд Джорджа, который будет сегодня на завтраке в посольстве вместе с супругой. «Как? — удивилась я.— Тот самый Ллойд Джордж, бывший премьер-министр Англии, один из вдохновителей и организаторов интервенции и блокады, направленной против нашей молодой Советской республики, душитель революционного и национально-освободительного движения? Тот самый Ллойд Джордж, про которого мы, комсомольцы, слагали не очень-то вежливые частушки?»

— Да, да, тот самый,— рассмеялся Иван Михайлович.— Но времена меняются, теперь он занял антигитлеровскую позицию и хоть стар и немощен, но его имя пользуется известностью, и он имеет влияние в либеральных кругах.

И вот я увидела восьмидесятилетнего невысокого старца с белыми клочковатыми бакенбардами и усами, с коком надо лбом. Ллойд Джордж плохо слышал и еще хуже говорил. Переводчиком с английского на английский служила ему его моложавая супруга. Это был поверженный Ллойд Джордж. Недаром после победоносного завершения советским народом гражданской войны и изгнания интервентов из Советской России истинные хозяева Великобритании убрали его с поста премьер-министра.

Умудренный опытом, Ллойд Джордж возлагал теперь все надежды на Красную Армию и советский народ. После завтрака Иван Михайлович пригласил Ллойд Джорджа с супругой в посольский кинозал, где гостям показали кинофильм о предвоенной Москве — много детей, улыбок, счастливых

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Москва 1983 г.

Издательство «Правда»

лиц... А в те самые дни шла великая битва за Москву. Некоторые реакционные английские журналисты пророчили падение нашей столицы...

— Советский народ отстоит Москву, можете быть уверены! — кричал на ухо Ллойд Джорджу Иван Михайлович. Тот кивал в знак согласия головой...

— Как и когда удалось Вам осуществить свою заветную мечту и своими глазами увидеть места Лондона, где бывал Владимир Ильич?

— Второй раз я была в Лондоне в 1944 году. Ожидая, пока в Глазго соберутся корабли для похода в Мурманск, я разыскивала ленинские места.

В Лондоне, как известно, состоялось три съезда нашей партии: II съезд, в 1903 году, на котором оформилась большевистская партия, III съезд, проходивший в горячие дни революции 1905 года, и V съезд, в 1907 году, после поражения революции. На всех этих съездах В. И. Ленину принадлежала руководящая роль.

По свидетельству участников съездов, заседания II и III съездов партии проходили в целях конспирации в разных помещениях, главным образом в кабачках и пивных залах в рабочих районах Лондона (эти съезды были немногочисленны — 38—41 делегат). А V съезд, на который съехались 336 делегатов, заседал в церкви Братства.

Адреса заседаний II и III съездов не сохранились. Но некоторые излюбленные Лениным места в Лондоне можно было увидеть.

Прежде всего это Читальный зал (Ридинг рум) библиотеки Британского музея.

Несколько лет В. И. Ленин под именем Якоба Рихтера был читателем этой уникальной библиотеки. Множество книг на многих языках (Ленин читал иностранные книги только в подлиннике) прошло через его руки. Он очень ценил это уникальное книгохранилище и восхищался организацией работы Читального зала, где моментально можно было получить любую нужную книгу. Здесь много лет работали Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые тоже влюбленно относились к этому вместилищу знаний.

У Владимира Ильича в Читальном зале было свое место, обозначенное «L-13».

Не так-то просто было стать читателем библиотеки Британского музея. Потребовалось ходатайство, и не одно, генерального секретаря Всеобщей федерации тред-юнионов И. Х. Митчелла. А возможно, Якоб Рихтер получил читательское кресло, потому что оно было под номером 13, а англичане, как известно, избегают иметь дело с этой цифрой. Ульянов — Рихтер был без предрассудков. Он рвался к книгам. И каждый раз, приезжая в Лондон, Владимир Ильич снимал комнату на Холфорд-сквер, поблизости от Британского музея, чтобы не тратить время и пенсы (а лишних денег у него никогда не было) на поездки до музея.

Владимир Ильич любил Лондон именно за эту библиотеку. И еще он любил в Лондоне бывать на «дикой природе» в Праймроуз Хилл (на Холме Первоцвета), что примыкает к великолепному Риджерс-парку и откуда виден весь Лондон.

На Холме Первоцвета весной цветут баранчики, подснежники и фиалки, ландыши и иван-чай, так напоминающие родные места в России.

Но скорее всего Холм Первоцвета привлекал Владимира Ильича и Надежду Константиновну тем, что в этом районе в свое время жили А. И. Герцен и Фридрих Энгельс. Они тоже любили с Холма наблюдать великолепные вечерние зори... Во всяком случае, Владимир Ильич каждого приехавшего из России единомышленника «тащил» на этот Холм, выполняя обязанности экскурсовода по городу, который он отлично знал...

— Программа партии — главный документ, составление которого требует гигантских усилий. Как работал Владимир Ильич Ленин над Программой партии?

— Владимир Ильич дал высочайшую оценку II съезду партии, говоря: «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года». На этом съезде были определены цели и задачи революционной партии рабочего класса. Были приняты Программа и Устав партии.

Программа партии готовилась Лениным в течение восьми лет. Первый вариант Программы был написан в камере № 193 в петербургской тюрьме на Шпалерной в декабре 1895 года. Камера была длиной в 12 ступней и шириной в 5 (я сама измерила ее). Ленин писал стальным пером, макая его в хлебную чернильницу с молоком. Писал набело и передавал книги через мать или сестер Надежде Константиновне.

С каким волнением вырезала она страницы и прикладывала их к горячему стеклу керосиновой лампы — вдруг не проявятся строчки или истлеет бумага и исчезнут буквы! Бывало, что какая-то страница и не проявлялась и Владимиру Ильичу приходилось восстанавливать текст по памяти. Переписав тайнопись в тетрадь, Надежда Константиновна с болью в сердце сжигала проявленные листки в голландской печке. Этого требовали условия конспирации.

Листки превращались в пепел, рассыпались буквы, но выраженная однажды идея обретала материальную силу. Царская полиция упрятала Ленина в каменный колодец, мысли же Ленина, его идеи, планы не признавали каменных стен, замков, железных засовов, не знали границ и расстояний.

Когда прослеживаешь жизнь Ленина день за днем, понимаешь, что в этой жизни не было ни секунды вынужденного отхода от революционной борьбы, — ни в тюрьме и ссылке, ни в годы эмиграции, ни в месяцы подполья...

В 1900 году Владимир Ильич выехал за границу не в эмиграцию — он мог бы спокойно жить в России, но он поставил перед собой задачу создания революционной партии. Для этого необходимо было собрать воедино передовые силы России, определить цель борьбы. Это могла сделать газета, которую можно было печатать только за границей. Три года газета «Искра» готовила создание марксистской социал-демократической партии в России.

На II съезде партии (I съезд только издал Манифест партии, но не имел возможности подготовить Программу и Устав) в тяжелейшей борьбе с маловерами-оппортунистами была принята Программа партии в ленинской редакции. Делегатов, которые шли за Лениным, стали называть большевиками (их было большинство), а тех, кто шел с оппортунистами, прозвали меньшевиками.

Ленин вступил в борьбу с дорогими его сердцу людьми — Юлием Мартовым, Верой Засулич, Аксельродом... Особенно тяжел был разрыв с Мартовым. С ним Ленина связывали многолетняя дружба и совместная борьба. Но Мартов стал на путь приспособленчества и соглашательства, разногласия привели к расколу партии. Рухнула и личная дружба. Ленин страшно тяжело переживал этот разрыв. «Если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано», — писала в своих воспоминаниях Надежда Константиновна. Но, порывая с человеком политически, Ленин рвал и личные связи.

— Какое событие взволновало всех делегатов после окончания работы съезда?

— Съезд закончил свою многодневную и многотрудную работу. Владимир Ильич, по выражению Надежды Константиновны, дошел до точки — изустал, замучила бессонница, но после закрытия съезда он предложил большевистской фракции посетить могилу Карла Маркса.

Хайгетское кладбище было самым излюбленным местом Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Бывая в Лондоне, Владимир Ильич не упускал случая, чтобы пойти «посоветоваться» с Марксом...

Нелегко было раньше разыскать могилу Карла Маркса. Я проблуждала там несколько часов, и даже служители не могли мне сказать, где эта могила. Кладбище отражало лицо города. В центре — широкие проспекты, по обе стороны громоздятся мрачные склепы, кружевные мраморные часовни, белокрылые ангелы и высеченные из мрамора и гранита портреты именитых людей города, нашедших здесь покой. Все они застыли в своем холодном величии. Чем дальше от центра и чем выше по косогору, тем однообразнее могилы.

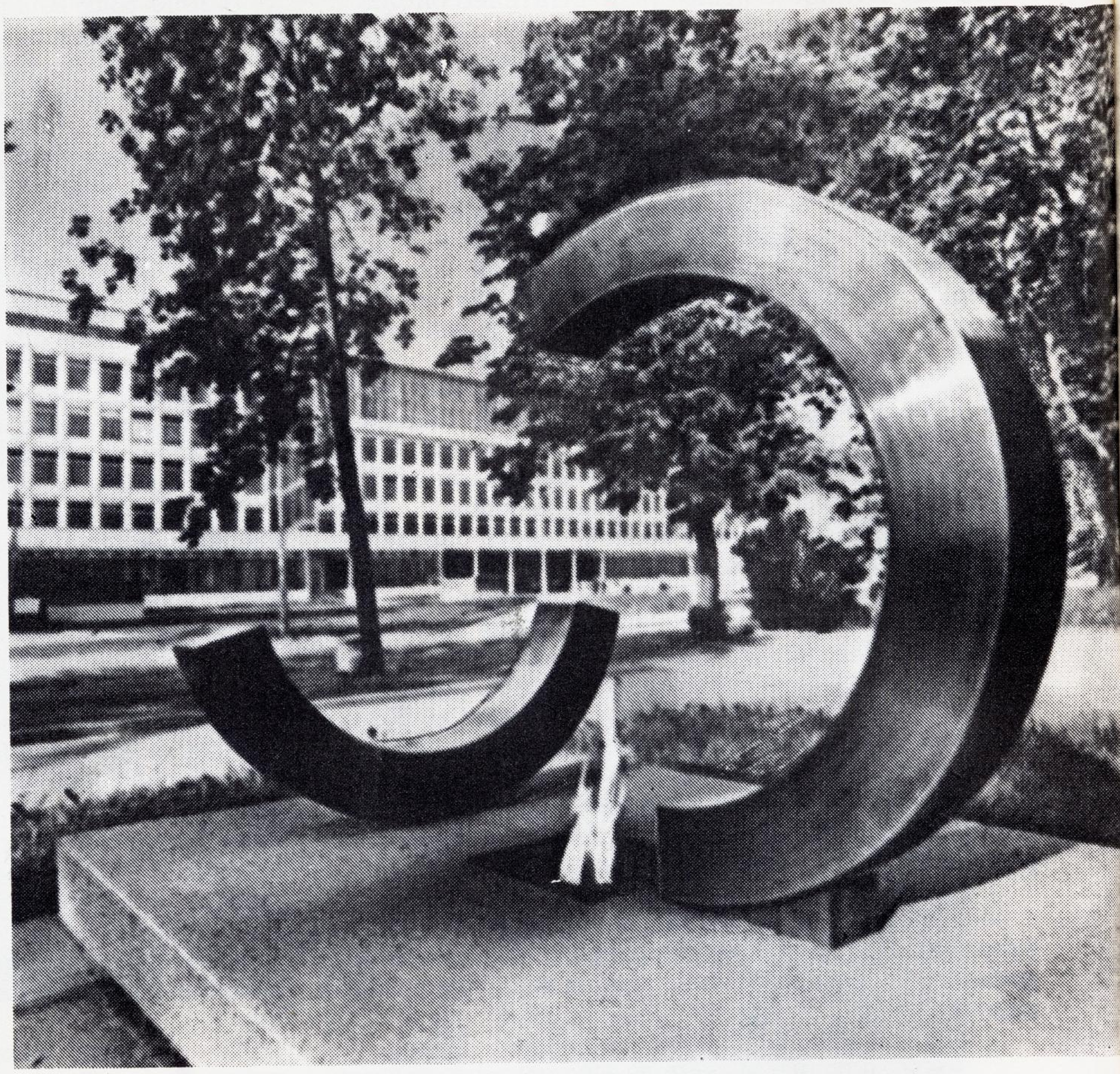
Карл Маркс похоронен в длинном ряду небольших холмов, тесно прижатых друг к другу. Похоронен как рядовой, похоронен вместе со своими родными и любимыми. На его могиле — маленькая серая гранитная плита.

Большевики, сняв картузы и кепки, сдвинулись вместе возле могилы Карла Маркса, склонили головы. Владимир Ильич развязал букетик полевых гвоздик и рассыпал их на могиле. Большевики молча отдавали рапорт великому Учителю о том, что в России создана революционная партия, и также молча давали клятву достойно выполнить свой партийный долг.

Рисунки В. ДУДКИНА

О. ТИХОМИРОВ

БРИГАДИР С ИЖОРСКОГО



Неподалеку от Ленинграда на реке Ижоре, что впадает в Неву, есть город Колпино. Там находится знаменитый Ижорский завод. Он выпускает шагающие экскаваторы, огромные валы для турбин гидростанций...

Тысячи людей трудятся на Ижорском. Тысячи людей нашли здесь свою судьбу, любимую профессию, стали настоящими «питерскими» рабочими. Нам хочется рассказать об одном из них — о бригадире слесарей-сборщиков Александре Брандукове.

Наш завод

Саша пришел на завод после школы, в семнадцать лет стал к токарному станку. Десятилетие минуло с того времени.

В истории завода это срок вроде бы и небольшой. Но сколько рекордов, сколько славных дел и побед вписано в его летопись за эти годы! Завод был удостоен еще одной (четвертой по счету!) правительственной награды: к двум орденам Ленина и ордену Трудового Красного Знамени прибавился орден Октябрьской Революции.

И Саша Брандуков стал за это время знаменитым бригадиром. ЦК ВЛКСМ наградил его бригаду Красным знаменем. На знамени памятные слова: «Герои пятилетки, ветераны труда — лучшему комсомольско-молодежному коллективу». У самого бригадира заблестел на груди орден Трудовой Славы. Саша был делегатом XIX съезда комсомола, вносил в зал знамя.

...Ижорский завод огромен, это целый город. И история его давняя. Саша хорошо ее знает.

— Наш завод,— рассказывает он,— старейший. Недавно двести шестьдесят лет ему исполнилось. Еще при Петре начал работать. Поначалу это, правда, были лесопильни на Ижоре. Лес отправляли водным путем в Петербург для строительства кораблей. Затем на месте лесопилен открыли якорный завод, тут же ковали и медные листы, которыми обшивались корабли. Производство росло, стало называться Адмиралтейскими Ижорскими заводами. А примерно через сто лет здесь уже все делали для русского флота — от оловянных матросских пуговиц до сложных компасов, барометров и тяжелых корабельных пушек. В 1816 году ижорцы первые изготовили русский колесный пароход «Скорый». Его мощность была небольшой, всего 32 лошадиные силы — в два раза меньше, чем у автомобиля «Жигули»...

Новые и новые мастерские появлялись на заводе: котельная, чугонолитейная, железопрокатная. В конце прошлого века со стапелей судостроительной мастерской сходят миноносцы, тральщики. На заводе строят дирижабли, начато производство аэропланов.

В ночь с 24 на 25 октября 1917 года отряд ижорских рабочих со своими броневиками отправился в Петроград. Ижорцы стали верными солдатами революции. Они помогли большевикам захватить вокзалы, охраняли Смольный, штурмовали Зимний дворец.

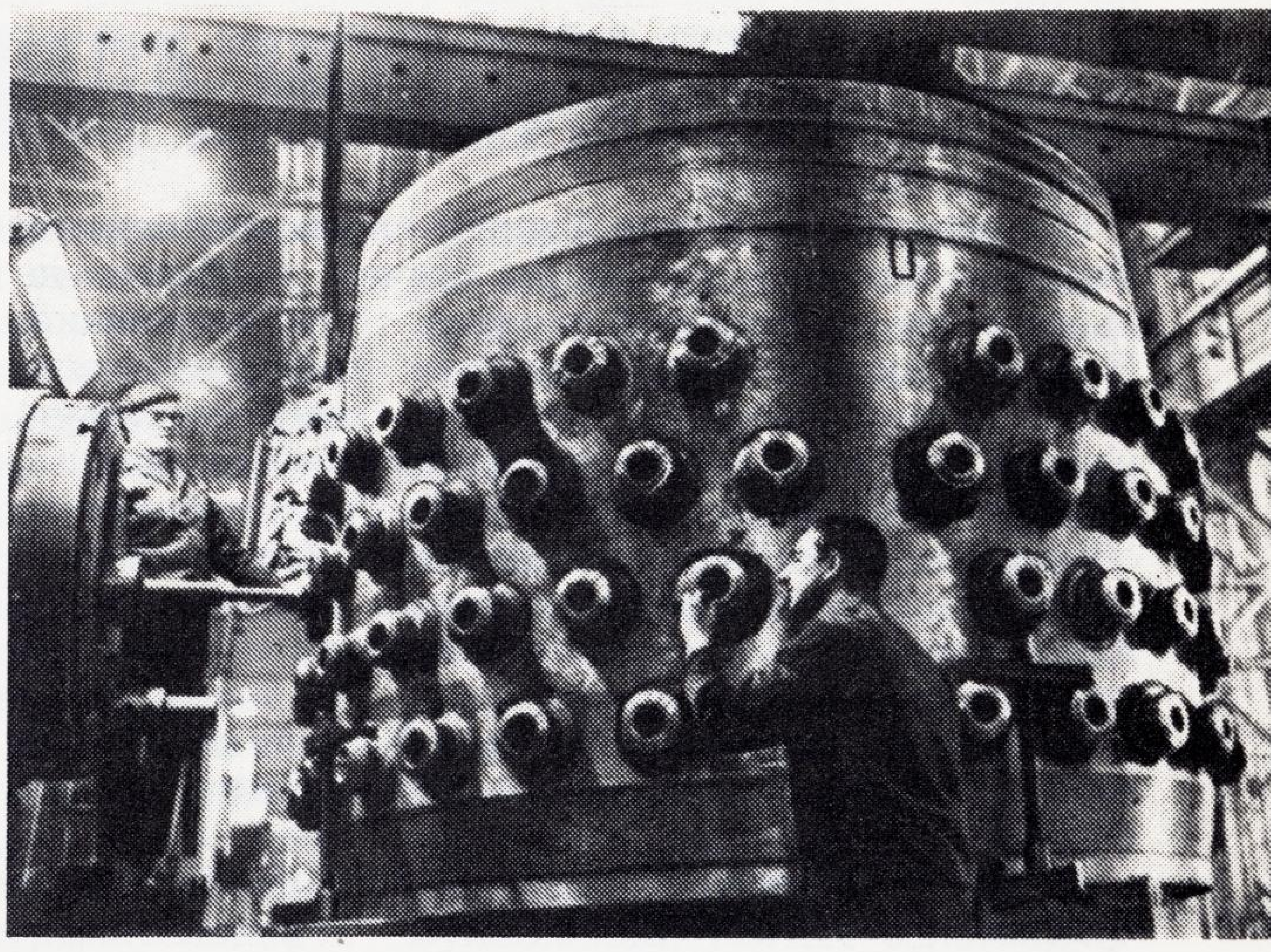
Потом страна восстанавливала свое хозяйство. И такие заводы, как Ижорский, поднимали страну из разрухи, давали возможность не зависеть от зарубежной промышленности. Продукция таких заводов помогала выполнять планы пятилеток. Ижорцы делали инвентарь для крестьян, строили ледоколы, выполняли заказы для электростанций, для метро, для экспедиции Папанина на Северный полюс...

Когда грянула война, тысячи ижорцев в первые же дни войны ушли сражаться с врагом. А гитлеровцы все ближе и ближе подступали к Ленинграду.

Вот линия фронта уже совсем недалеко от завода — в четырех километрах. Гитлеровцы бомбили цеха, били из пушек, но ижорцы не оставляли рабочих мест — ремонтировали танки, пушки, пулеметы, делали снаряды и мины. Здесь же изготовили и стальные трубы, которые весной сорок второго года были проложены по дну Ладожского озера. По этим трубам в окруженный врагом город поставлялось горючее.

На заводе есть святое для всех место — мемориал памяти героев войны. На мраморной доске рядом с Вечным огнем надпись: «Вам, ижорцы и воины Советской Армии, ценой своей жизни остановившие врага у стен родного завода, вам, кто не дрогнул, не покинул цехов и, не дожив до победы, погиб у станков от обстрела и голода».

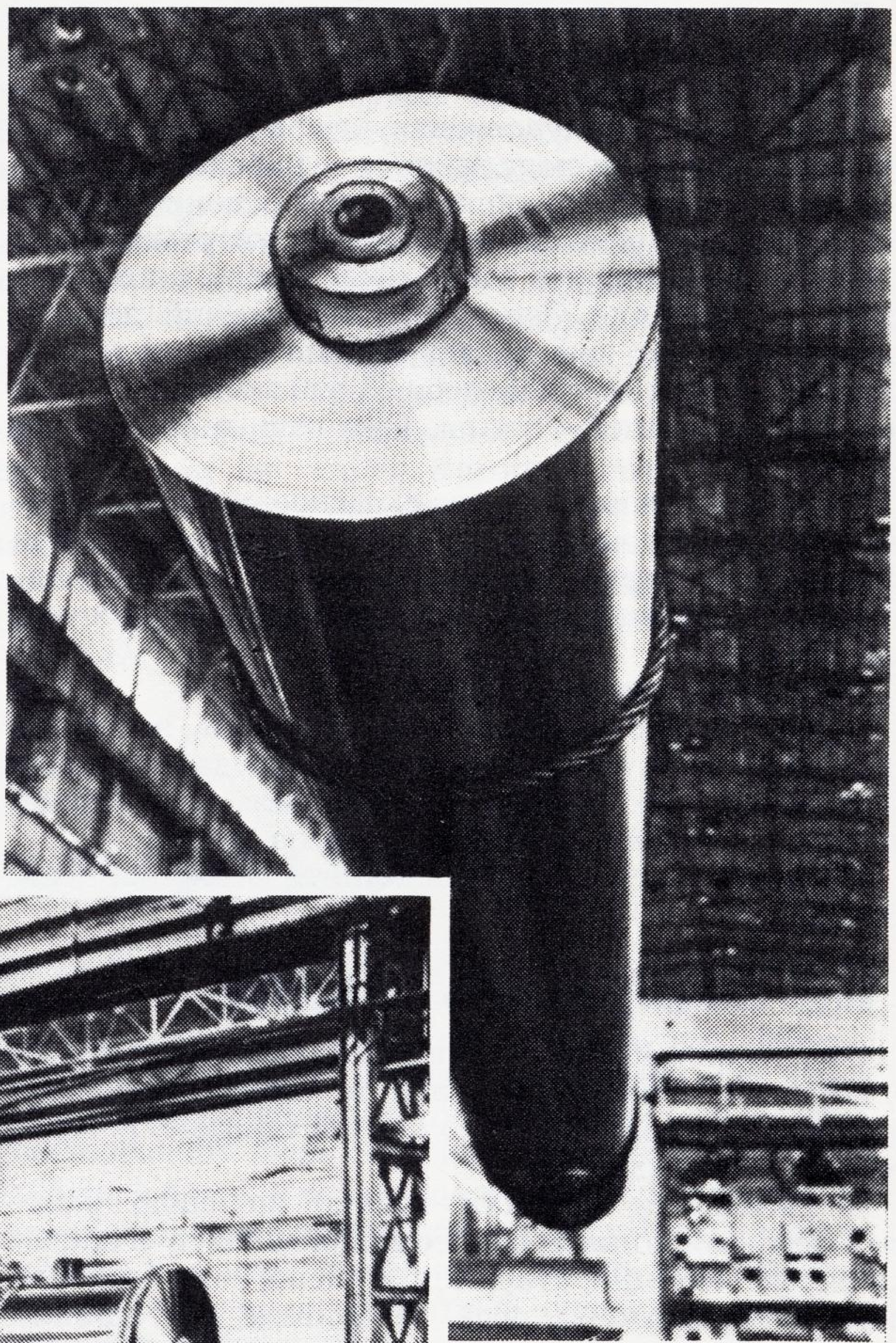
Рядом с Вечным огнем — стальное кольцо, разорванное посередине. Оно символизирует блокаду. Врагу не удалось задушить кольцом город Ленина. И не случайно на заводском дворе мы видим такой памятник. Люди с Ижорского здесь ковали победу.

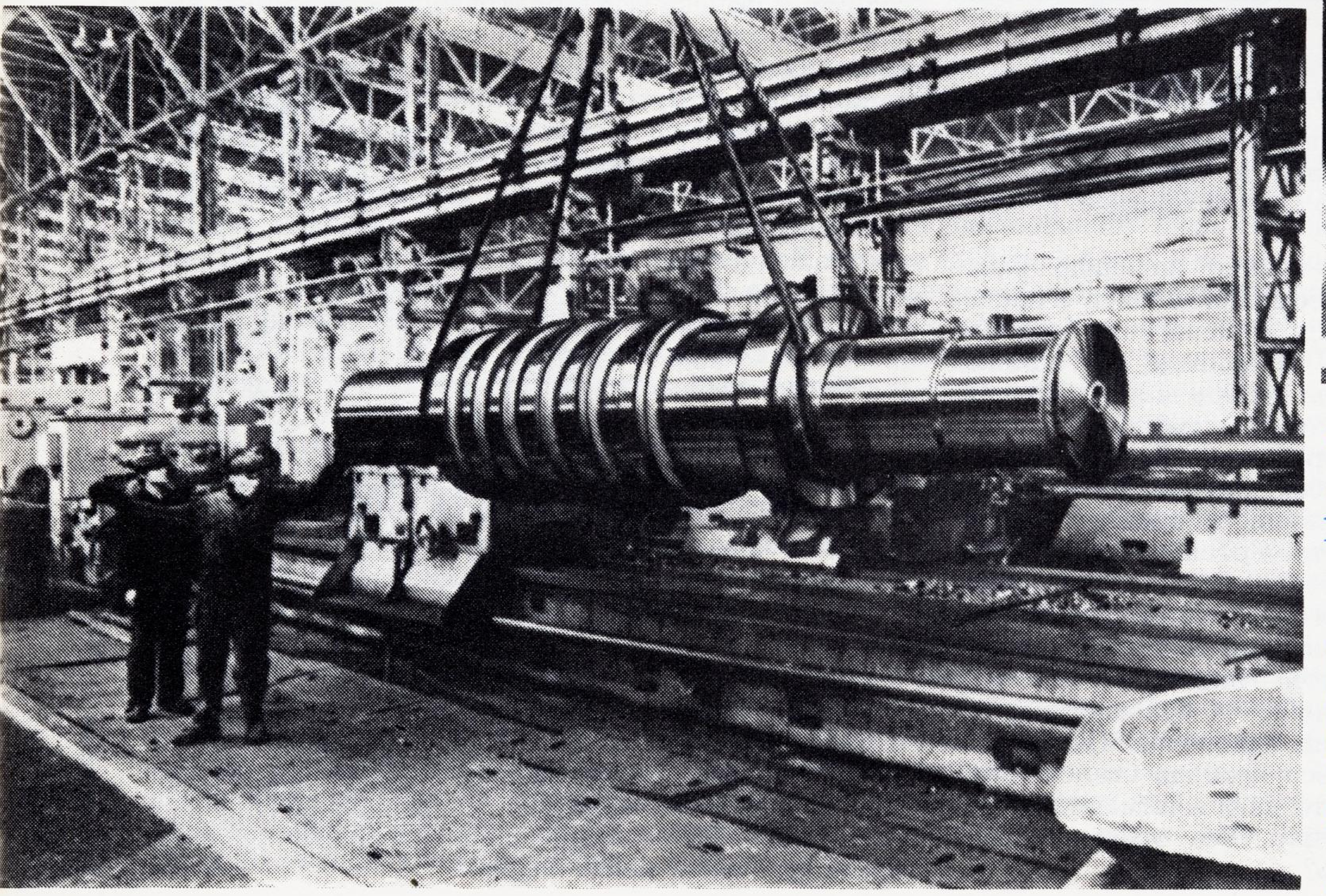


Ты — нужен

Паренек прямо из школы приходит на завод. Какие у него самые первые впечатления? Как его встретили в цехах, которые пока кажутся чужими? И станки, и работа, и люди — все новое, незнакомое. Саша делал здесь свои первые «рабочие» шаги. Об этом я и прошу его рассказать.

— А знаете, вытачивать я полюбил еще в школе. Там в кабинете труда у нас были станки. Помню, увидел в первый раз, как пошла от моей детали металлическая стружка, даже дух захватило. Стали мы уходить из кабинета, я спрашиваю у преподавателя: «Можно, я стружку с собой заберу?» «Зачем?» — удивился он. «Так», — отвечаю, не говорить же, что мне эту стружку всем показать хотелось. «Бери», — сказал он и улыбнулся, наверно, все сам понял. Когда я пришел на Ижорский, мне дали





наставника. Им был опытный токарь Баханов. Я сразу почувствовал в нем традицию тех замечательных питерских рабочих, о которых слышал и читал. Баханов был точен, придирчив к себе, душой болел за свой труд.

С уважением говорит Саша о своем наставнике. Внешне Баханов вроде бы ничем особенно не выделялся — невысокий, в очках, голос негромкий. Но глаза внимательные, добрые, сразу располагают. И руки у него были золотые — самую сложную работу поручали Баханову. Никогда он не кричал, не горячился. Если видел, что-то Саше непонятно, объяснял лишний раз, подсказывал, как сделать. А главное — доверял, не боялся дать ученику настоящее дело. И Саша тянулся, старался справиться, порадовать учителя.

Первая встреча с Бахановым была такой. Он не стал спрашивать, что умеет делать Саша, просто сказал:

— Ну, подходи смелей. Вал обрабатывать будешь.

Саша взглянул на стальную заготовку и спросил:

— Я?

— А то кто же.

И Саша сразу почувствовал, что он нужен заводу, что не смотреть он сюда пришел — работать. Токарное дело Саша с его десятилеткой освоил быстро, постепенно приходили мастерство, уверенность.

Ощущение, что ты здесь свой, росло с каждым днем и окрыляло Сашу. Он, вчерашний десятиклассник, и вот уже делает своими руками детали для гигантских экскаваторов. А эти экскаваторы не только для нашей страны. Они шли в Индию, на Кубу...

Задания становились все сложнее, и Саша понимал, что он уже не ученик, что теперь он отвечает за знаменитую марку. Саша чувствовал себя наследником того главного, что дали заводу такие рабочие, как Баханов.

Наставник говорил Саше:

— Вот ты работаешь в цеху. Думаешь, это лишь твое дело? Нет, сынок, это — дело государственное. Справился — не только ты победил. Вся страна победила. Хорошо работать — наша норма.

Саша стал эту норму выполнять. Каждый день. Всегда...

Держать марку

Отслужив в армии, Саша Брандуков вернулся на Ижорский. Начал работать в механосборочном цехе в комсомольско-молодежной бригаде. А через год стал бригадиром.

— Раньше я отвечал только за свою работу — вовремя должен был ее выполнить, ну и насчет качества, конечно, старался. А назначили бригадиром — отвечаешь за всех. В бригаде нас одиннадцать человек — значит, ты теперь должен сделать так, чтоб вся бригада хорошо работала. А это непросто. На первых порах трудно было: люди разные, и характеры у всех разные. Да и у меня ошибки и недосмотры бывали: то паспорт на очередное изделие не найти, то чертеж куда-то запропастился, а то смежные службы и цеха подведут — не поставят вовремя заготовки или комплектующие детали. Во все бригадир должен сам вникнуть, все сам предусмотреть — нянек нет. Зато есть товарищи по работе. Понял я, что бригадиру прежде всего нужно быть чутким человеком. Подберешь ключ к каждому, тогда вся бригада станет твоим надежным помощником, тогда и взаимопонимание появится, и взаимовыручка. Без этого о каких победах может идти речь?..

А вот что говорит комсорг цеха Володя Волков (работает он в Сашиной бригаде):

— Брандуков принципиальный. Он всегда скажет правду в глаза, но вначале во всем разберется. Саша учитывает, у кого к чему больше лежит душа. Ведь разные операции кто-то побыстрее сделает, кто-то чуть помедленнее. От натуры многое зависит, от характера. Когда это учитывается — всему делу польза. Бригада быстрее работает, с лучшим настроением.

Уважение к себе, к бригаде, к ижорской марке — главные законы бригадной жизни. Как же это сказывается на показателях? Свою продукцию бригада вот уже пять лет сдает досрочно и только отличного качества. Ей присвоено имя 60-летия комсомола и вручена награда — знак ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть».

Пусть потрогают теплый металл

Одиннадцать человек. Только ли общий труд на заводе связывает их между собой?

Вовсе нет. Члены бригады встречаются в свободное время и на футбольном поле, и на волейбольной площадке, бывает, и на рыбалку вместе ездят, и за праздничным столом собираются.

Только свободное время редко выпадает. Многие из бригады учатся, сейчас среди них нет ни одного без среднего образования. Недавно окончил филиал политехнического института (при заводе) Саша Брандуков. Получил диплом инженера-механика. Скоро окончат вузы еще двое.

— А то мы всей бригадой садимся за парты,— говорит, улыбаясь, Володя Волков.

— За парты? — переспрашиваю.

— Именно. В нашем подшефном классе из школы-интерната. Четыре года дружим с интернатскими ребятами. К ним наведываемся, их к себе на завод приводим, на субботниках сообща трудимся.

— Дружба у нас серьезная,— вступает в разговор Саша.— Нет, конечно, бывает, и отдыхаем мы с ними вместе, проводим «Веселые старты» или новогодний «Огонек». Интернатцы на остроумные выдумки горазды. К одному из вечеров отдыха придумали задания для нас. Мне, например, выпало танцевать под музыку из «Лебединого озера», другому — исполнить диалог сразу и за Авдотью Никитичну и за Маврикиевну. Смеху-то было!.. Но главное у нас вот что. Мы хотим, чтобы ребята больше узнали о нашем заводе, о нашей специальности. Вот почему мы так хорошо изучили историю Ижорского от давних времен и книги о нем перечитали: ребятам все ведь интересно. Ну, а нашу работу показываем прямо в цехах. Пусть школьники потрогают теплый металл, пусть послушают заводской гул и грохот.

— Наша дружба с интернатцами,— дополняет Володя,— проходит под таким девизом: «Из школы — в ПТУ, из ПТУ — в бригаду». Кстати, вот так мы взяли в бригаду двоих пареньков из ПТУ, которые были у нас на практике. Это Олег Баранов и Андрей Молчанов. Сейчас работают наравне со всеми.

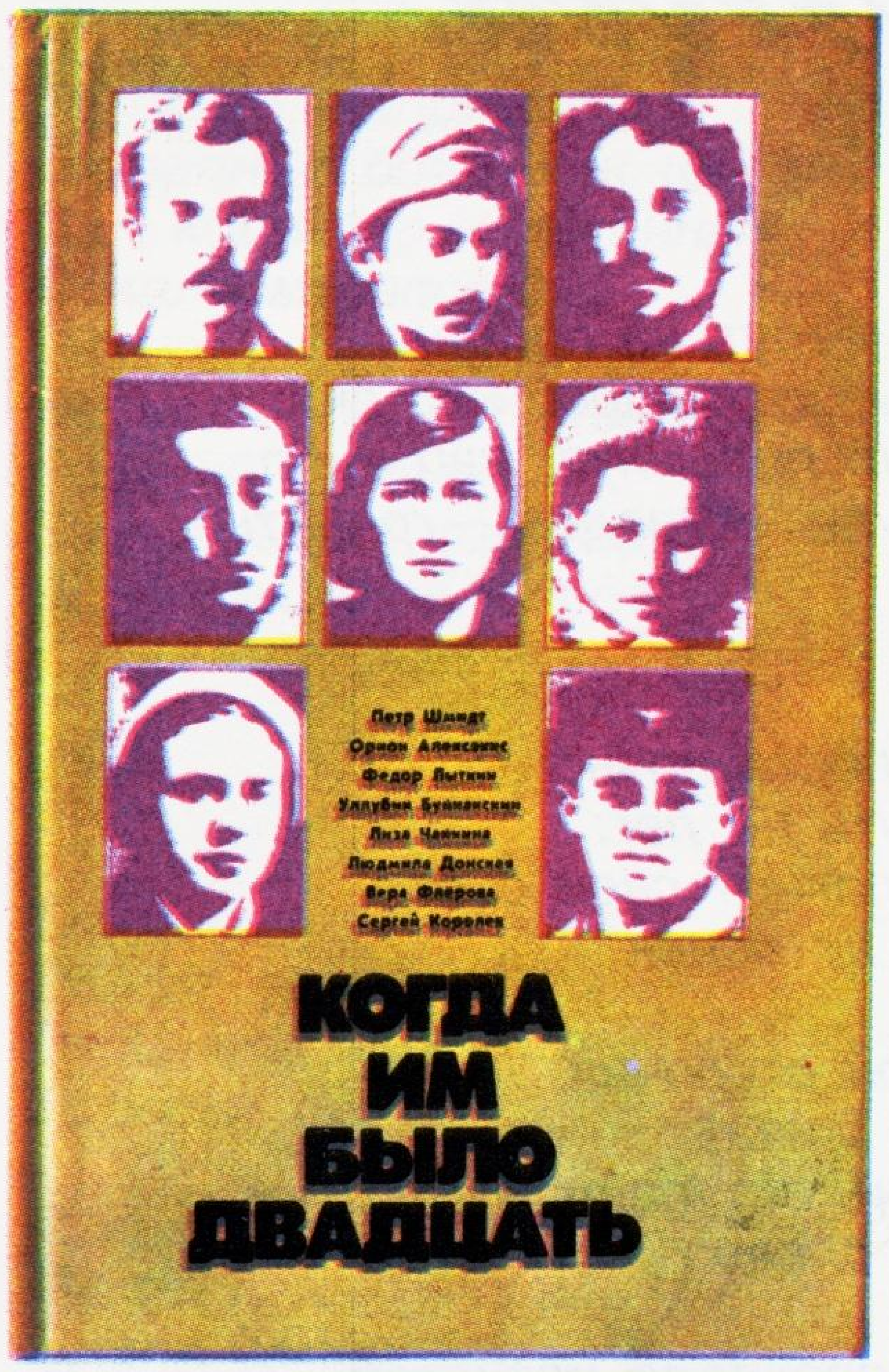
* * *

Поезд отошел от Ленинграда. Возвращаюсь в Москву. Долго за окном тянулся пригород, мелькали платформы, какие-то строения, мосты, перелески. А вот — вонзившиеся в небо длинные трубы. Ижорский! Вспомнились слова Саши: наш завод... наша бригада... наша марка...

Фотографии С. ПЕТРУХИНА.

Что нам читать?

ИХ ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ...



Ярко прожитую человеческую жизнь не случайно сравнивают с горением.

Но можно задуть свечу, выключить электрическую лампочку, потушить костер и даже большой пожар. Звезды же, даже погаснув, веками и веками еще несут свой свет людям.

Есть люди как звезды.

На обложке этой небольшой книги восемь маленьких фотографий, восемь очень молодых лиц. Четкий строй букв названия: **«Когда им было двадцать»**[1]. Иным из них двадцать осталось навсегда...

Но объединяет этих людей не только возраст. Борьба за счастье народа, огонь революций навсегда определили их биографии. Большинство из них взрослели в то стремительное и прекрасное время, когда в шестнадцать становились комбригами и в двадцать три — командармами. И чтобы идти в ногу с эпохой, герои книги встали в ряды большевистской партии, комсомола, в небольшие свои годы твердо поняли, какой путь в жизни для них единственно необходим: путь служения народу.

В то же время они — очень разные, эти герои — герои не только книги, но и в подлинном смысле герои нашего времени, отсчет которого начался с залпа легендарного крейсера осенней ночью 1917-го.

Кто же они?

Лейтенант Петр Шмидт, герой первой русской революции, принявший на себя командование восставшим Черноморским флотом, расстрелянный по приговору царского суда. Отчаянный Орион Алексакис, юный вождь севастопольских моряков, делегат IV Всероссийского съезда Советов, погибший при выполнении ответственного задания Коминтерна. Двадцатилетний нарком Сибири Федор Лыткин и руководитель большевиков Дагестана Уллубий Буйнакский, убитые белогвардейцами. Геолог Вера Флерова, еще студенткой подарившая стране богатейшее месторождение ценных металлов. Секретарь райкома комсомола, партизанка Лиза Чайкина, Герой Советского Союза. Разведчица-радистка Людмила Донская. Будущий главный конструктор Сергей Королев, уже с юности с редчайшим упорством прокладывавший свой жизненный путь, который потом приведет все человечество в космос...

Эти люди навсегда наши современники, наши товарищи. Свет их судьбы доходит до нас сквозь время.

П. ГУТИОНТОВ.

[1] Сборник выпустило Издательство политической литературы.

СПОСОБНЫ НА ПОДВИГ

«Они пали в неравном бою на пороге своей юности, еще не выйдя из поры детства». Наверное, эту фразу из книги **Григория Карева «Шли мальчишки в огонь»** (ее выпустило одесское издательство «Маяк») можно было бы поставить эпиграфом к жизни и подвигу всех юных патриотов, которые сражались с врагом в годы Великой Отечественной. А сама книга рассказывает лишь об одном героическом эпизоде войны: об обороне Одессы и о том, как защищали свой город пионеры.

Юные разведчики и подпольщики проникали повсюду, куда не могли попасть взрослые партизаны, они выполняли самые рискованные задания: организовывали взрывы и десантные операции, добывая ценой своей жизни важную информацию.

Саша Бондарчук, указавший нашим артиллеристам расположение огромной дальнобойной пушки «Дора», чудом уцелел после задания. Саша Бондарчук был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Яша Гордиенко, отважный партизанский разведчик, был расстрелян фашистами. Целая глава посвящена его письмам из застенков фашистской тюрьмы. Это очень важная глава, потому что нам надо знать не только то, как отчаянно сражались сверстники нынешних пионеров, но и то, как переживали они тяжелую минуту своей жизни, как умели противостоять страшным испытаниям, в том числе и смерти.

Одесский пионер Павел Ларишкин повторил подвиг Ивана Сусанина. Он завел в катакомбы отряд гитлеровцев и был зверски убит ими...

Судьбы этих мальчишек, воспитанных героическими легендами гражданской войны, убеждают нас: человек, еще не вышедший «из поры детства», способен на подвиг, если знает, во имя чего жертвует собой.

А. БОРИНА.

Вадим СКОМАРОВСКИЙ

Шаг в бессмертие

Отрывки из поэмы о гибели Аркадия Гайдара

*С трех сторон возле лагеря лес,
А с четвертой — подковой болото.
Там над ряскою, наперерез —
Два бревна, вроде мостика что-то.*

*Не состарится лес, хоть и стар.
Куст калины горит, словно пламя.
Все тропинки тут знает Гайдар,
И с деревьями он — как с друзьями.*

*Отдохнет, возвратясь в свой отряд,
И — в дорогу: к разъездам да к селам,
За спиной только сосны гудят,
Стоя в рост на ветру невеселом.*

*А навстречу ему почтальон
Из подпольщиков, храбрый и ловкий.
От Гайдара в мгновение он
Партизанские примет листовки.*

*А Гайдару — записку в ладонь:
Цифры, данные — все, что известно...
И священной расплаты огонь
Вновь горит по дорогам окрестным.*

*Партизаны берут на прицел
Кто кабины, кто фары, кто скаты...
Миг — и тол, полыхнув, загремел,
Ливнем—пули, и градом — гранаты.*

* * *

*Пришел с поста ночного,
Но отдохнуть не лег:
Раскрыв блокнот свой снова,
Присел он на пенек.*

*Нет никакой отсрочки,
Пока душа жива!
Как в строй, вступают в строчки
Гайдаровы слова.*

*Вот так в прохладе мглистой
Сидел он и писал,
Когда раздался выстрел —
Тревожащий сигнал.*

От очереди новой
Взметнулись птицы ввысь,
В широкий ствол кленовый
Десятки пуль впились.

Тяжелый, напряженный
Внезапный бой — как шквал...
Пал комиссар, сраженный
Осколком наповал...

Не молкнет друг Гайдара —
Горячий пулемет.
За кровь! За комиссара!
За слезы вдов, сирот!...

* * *

От мерзнущей жижи
Дорога вязка.
Все реже, все ниже
Деревья леска.

А времени мало —
Рассвет, как назло...
Вдали замерцало
Огнями село.

Натянуты нервы,
Все тихо окрест...
Гайдар вышел первым
На тот переезд.

Не знал, что последний
Он делает шаг,
Что в мути рассветной
Скрывается враг.

Заметил: засада
За грудою шпал!
Товарищам надо
Подать бы сигнал.

Но как? Только шорох,
Движенье, словцо —
И пламенем порох
Ударит в лицо.

И нет тебе, воин,
Задуманных книг...
На диво спокоен,
Он взвесил тот миг.

Что ж, некуда деться,
Пусть грянет удар.
И с возгласом «Немцы!» —
Упал наш Гайдар...

И помнят на свете,
Что гибель свою,
А с ней и бессмертье
Он встретил в бою.

Перевел с украинского В. КОРЧАГИН

Рисунок А. БОРИСОВА.

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Есть в Смоленской области город Ельня. С ним связаны первые крупные победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Девять фашистских дивизий были разбиты в окрестностях этого небольшого города.

Ельнинская земля видела поражения и победы, она слышала стоны раненых, плач по убитым и радостные крики «Ура!». Свято хранят ельнинцы память о тех днях. Знают цену первым, нелегким, но важным победам.

С ельнинской земли Всесоюзный штаб Тимура начинает новую тимуровскую операцию.

Но прежде **СЛОВО ТИМУРОВЦАМ ГОРОДА ЕЛЬНИ.**

«Мы не хотим войны! Наша страна уже познала горе и горечь невозвратимых утрат.

Мы не хотим, чтобы наша планета превратилась в пустыню.

В годы Великой Отечественной тимуровцы помогали взрослым приближать Победу.

Тимуровцы восьмидесятых! Мы не можем быть в стороне от самого главного дела нашей страны — борьбы за сохранение мира. Давайте бороться за мир!

ШТАБЫ ТИМУРА, ШКОЛЬНЫЕ И РАЙОННЫЕ, ГОРОДСКИЕ И РЕСПУБЛИКАНСКИЕ! ТИМУРОВЦЫ!

Присылайте во Всесоюзный штаб Тимура при журнале «Пионер»:

— рассказы о погибших и умерших в годы Великой Отечественной войны родственниках;

— обращения в Организацию Объединенных Наций с протестами против новой войны;

— вместе с обращением — ваши фотографии.

В наш город Ельню с войны не вернулось несколько тысяч людей. В их память мы будем ежегодно высаживать тысячи цветов около школ, в скверах и парках города. Пусть все тимуровцы, все школьники страны поступят так же.

Борьба за мир — дело не только взрослых. Это дело и детей Земли. Именно нам, детям, жить на планете в будущем.

За дело, ребята!»

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА ОБРАЩАЕТСЯ КО ВСЕМ ТИМУРОВЦАМ СТРАНЫ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ НАЧАТЬ НОВУЮ ОПЕРАЦИЮ «САД МИРА»!

1945
1985

Тимуровцы Ельни прислали во Всесоюзный штаб Тимура более двух тысяч обращений с фотографиями. Вот два из них.

Я хочу участвовать в тимуровской операции «Сад Мира».

Мир — это Родина. Мир — это дети. Мир — это счастье, любовь, жизнь.

Я родился после войны, но много знаю о ней из книг, рассказов своих родственников, телефильмов, газет. Я знаю, что война — это горе, слезы, ужас.

Много бед выпало на долю нашей семьи во время войны. Мою бабушку, на руках которой было четверо детей, фашисты угнали из родного города. Она и ее старший сын батрачили на чужбине.

Наша семья потеряла двух дорогих людей. Без вести пропал дядя Александр, погиб под Ленинградом дядя Сергей. Дедушка тоже воевал, но вернулся домой с победой.

Сохранение мира — самое важное сейчас на земле. Поэтому по призыву тимуровцев я написал это письмо. И теперь каждый год буду сажать Сад Мира — цветы, деревья. Они — символ нашей вечной памяти о погибших на войне.

Сергей КАПИТОНОВ,
ученик Коробецкой школы,
Смоленская область.

Я, Петроченкова Валя, обращаюсь ко всем людям планеты.

Я не хочу, чтобы на земле прошла еще одна война. Я не хочу, чтобы с нами произошло то же, что и с жителями Хиросимы и Нагасаки.

У меня есть сестра. Ей четыре года. Она не знает, что такое война. И я не могу представить, что ее счастливая жизнь может оборваться от одной бомбы.

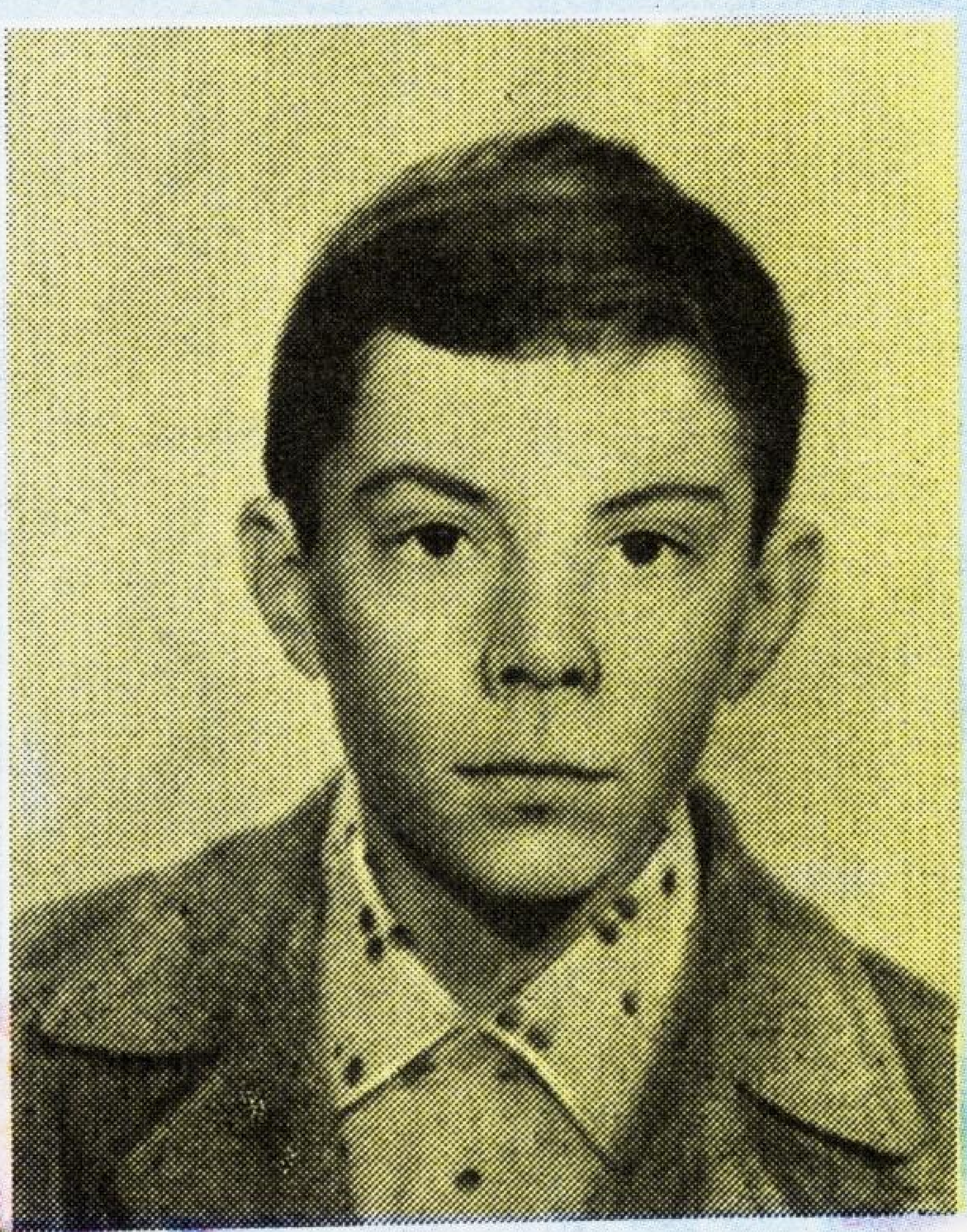
Во время Великой Отечественной войны в нашей стране погибло двадцать миллионов человек. Я не хочу, чтобы это повторилось.

На фронт ушел мой дедушка. И он не вернулся с войны. Фашисты схватили его, пытали, несколько раз сильно били, а затем на глазах у жителей деревни расстреляли. Он был партизаном.

Я хочу мира. Мир нужен всем. Каждый год я буду выходить со своими друзьями на улицы и скверы нашего города и сажать самые красивые цветы. Я призываю всех тимуровцев, всех ребят нашей страны, чтобы они тоже помогли сажать Сад Мира.

Пусть на планете появится Сад Мира, сад памяти о погибших, а не ядерные базы.

Валя ПЕТРОЧЕНКОВА, 12 лет,
Ельнинская школа имени М. И. Глинки.



А это — выдержки из других обращений ельнинских ребят.

Я не хочу войны! Во время Великой Отечественной войны погиб под городом Ржевом при наступлении мой дедушка. Я хочу, чтоб люди не теряли своих близких.

М. ЧЕРТОВ, 5-й класс.

У нас в городе Ельне есть парк. Там похоронены десятки советских воинов, которые погибли в боях за наш город. А недалеко от города стоит танк, рядом с ним — обелиск. Туда каждый год приезжают ветераны Великой Отечественной. Приходят пионеры почтить память погибших воинов.

Ольга СКРИПАЙ, 5-й класс.

Мы часто встречали на братском кладбище старенькую женщину, которая смотрела на фотографию своего сына, оплакивая его. Видимо, ей прислали похоронку, а она не могла поверить, что ее сын погиб. Она надеялась, что он вернется. Я не знаю, может, эта старушка уже умерла, не дождавшись своего сына.

Саша БЕЛЯКОВ, 6-й класс.

Когда началась война, из нашей семьи ушли на фронт два брата матери и брат отца. Брат отца воевал в партизанском отряде и в 1943 году погиб под Оршей. А из двух братьев матери вернулся только один.

Валера ШЕСТОПАЛОВ, 5-й класс.

Как хорошо жить в мирной стране! Я учусь, я смеюсь, пою, танцую. Как хорошо видеть леса, луга, реки, спелый колос ржи на колхозном поле! Слышать пение соловья, журчание ручья, жужжание пчелы, шум ветра.

Лена КАХАНЕНКОВА, 13 лет.

Мой дедушка на войне получил пять ранений. Он долгое время пролежал в госпитале. Он недавно умер от ран, и теперь у меня осталась одна бабушка. Я не хочу ядерной войны.

Люба ТРОШИНА, 6-й класс.

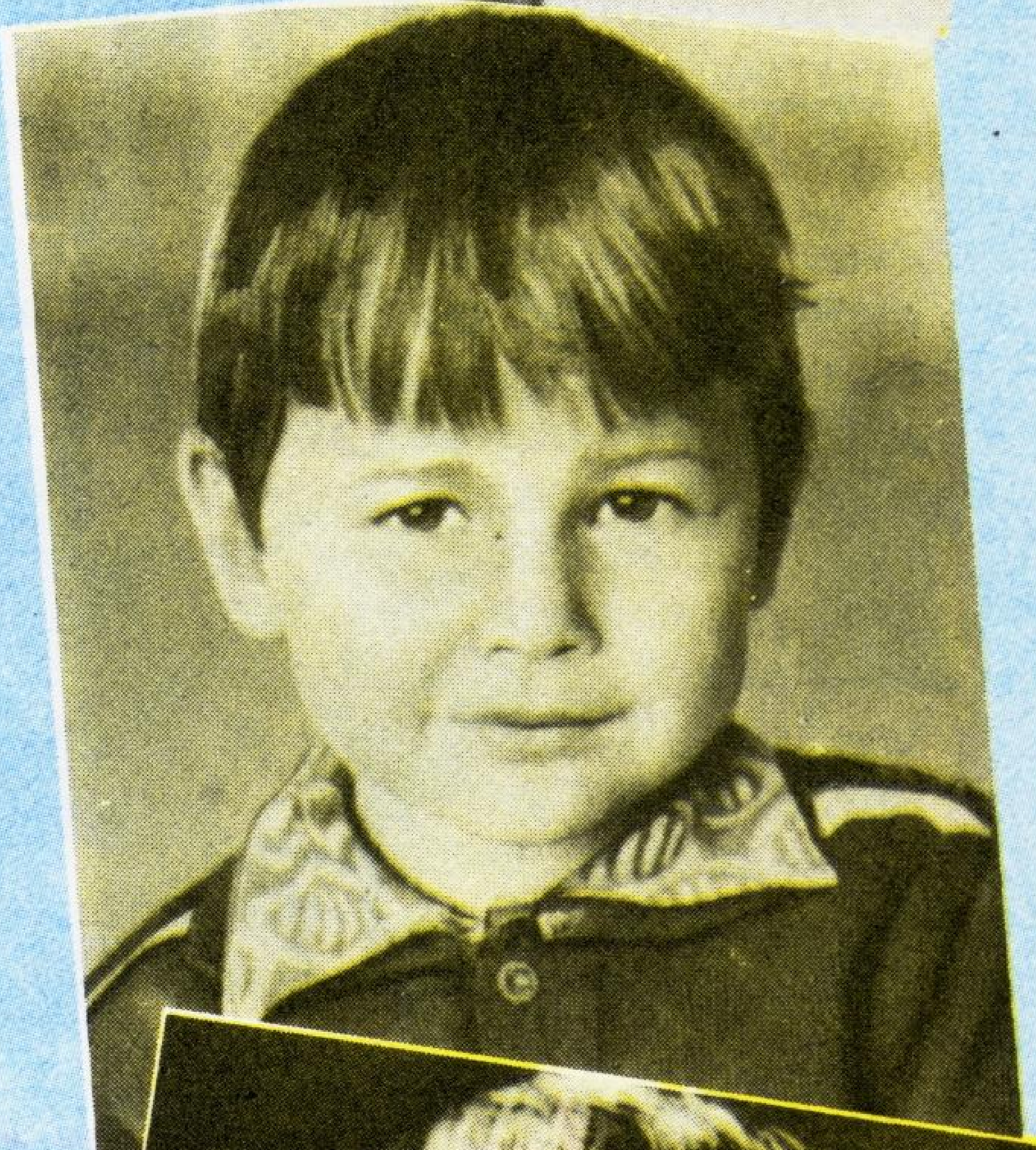
Я хочу путешествовать по нашей земле, но как это сделать, если ее не будет? Я не хочу, чтобы рвались атомные бомбы.

Гриша САБАНЕЕВ, 12 лет.

У меня есть братик, ему два года. Он уже немного говорит. Я хочу, чтобы у него и у меня было синее небо над головой.

Бывают еще случаи, когда жители нашего района погибают в мирное время, подрываясь на снарядах, оставленных войной.

Дима КАЗАНЦЕВ, 10 лет.



ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА:

Тимуровцы! Вашим протестом против новой войны будут рассказы о погибших родственниках. Присылайте их во Всесоюзный штаб Тимура! Вкладывайте в письма свои фотографии! Ваши протесты против войны Всесоюзный штаб Тимура перешлет в Организацию Объединенных Наций.

Ежегодно 9 мая высаживайте столько деревьев и цветов, сколько не вернулось людей с войны в вашем городе, деревне, селе. Уже сейчас готовьте семена и луковицы цветов, саженцы, обдумывайте планы посадок. О закладке Сада Мира сообщайте во Всесоюзный штаб Тимура.

Итогом операции «Сад Мира» станет ТИМУРОВСКИЙ ПОХОД ЗА МИР, который состоится 9 мая 1985 года в день 40-летия Победы.

Маршрут этого Похода должен наметить каждый тимуровский штаб и отряд. В этот день со знаменами, транспарантами, цветами во главе пионерских колонн пройдите к Вечному огню, обелискам, братским могилам, где похоронены солдаты, отстоявшие мир. Проведите торжественные митинги, посвященные борьбе за мир.

Деньги на оформление колонн ТИМУРОВСКОГО ПОХОДА ЗА МИР, а также на саженцы деревьев, семена и луковицы цветов начинайте зарабатывать уже сейчас.

Тимуровцы! Организуйте ОПЕРАЦИЮ «САД МИРА» в своих школах. Привлеките всех пионеров, октябрят, комсомольцев. Попросите старшего пионерского вожатого зачитать на школьной линейке обращение ельнинских тимуровцев и Всесоюзного штаба Тимура, проведите в каждом отряде и классе разговор об операции «Сад Мира».

За дело, тимуровцы!

ВОЙНЫ НЕ ДОПУСТИМ — ПОСАДИМ САДЫ!

Л. СИМОНОВА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Главы из документального повествования для детей и взрослых

Окончание. Начало в № 9.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

До и после меня

В этой главе, пожалуй, и автор, и герои должны вести себя как-то иначе. В наше повествование вступают те, кто шел впереди, наши старшие. Они давно поселились внутри нас, может, с самого дня рождения. Мы не заметили, как это случилось, не осознали до конца. Своей жизнью определяли они наш образ жизни, ее законы. Своими поступками, мечтой создавали нашу мораль — наше хорошо и плохо. Их нелегкий путь борьбы и лишений, мужества и ошибок прокладывал нам дорогу. Не поняв их, мы не поймем себя. Без прошлого нет настоящего и нет будущего.

Смотреть в прошлое непросто. Тут нужен острый, внимательный взгляд и особая душевная чуткость. И прежде, чем что-то решать для себя, стоит много и хорошо думать. Но не будем никому ничего навязывать, пусть каждый поступает по-своему.

В больнице, ожидая операцию, Вера Марковна Дудко день за днем перебирала все свои немалые теперь уже годы и искала в них главное, смысл жизни.

Вспоминала, как начинали строить Тракторный. Себя, девчонкой, с подружками на краю огромного, непаханого, голого поля, по которому снует туда-сюда, туда-сюда великое множество людей. Глянешь — в глазах пестрит, мелькает. Люди спешат, тачками грохочут. Под тяжестью бревен гнутся, но бегут, поторапливаются. За плечами на «козе» — не то столике, не то ящичке деревянном — кирпичи тащат. Ямы глубокие роют — земля летит, лопаты сверкают. Одежонка плохонькая, ноги босые, а в глазах — огонь. Как же, шутка ли, приехали, чуть ли не со всего света, строить гигант индустрии. Это слово «гигант» и сейчас выплывает из памяти ее детства, как что-то живое, будто родной и близкий человек.

Отца она не знала. Его сразили махновцы. Случилось это в первый день пасхи. Народ повалил в церковь, а отец дежурил в сельсовете, по-украински (жили они тогда на Украине) — в сельраде. Отец был коммунистом, в гражданскую они с мамой партизанили, и махновская банда давно за ним охотилась. Выскочили из лесу — на лошадях, с тачанками, с оружием. А у него против них — один пистолет. Попробовал выпрыгнуть в боковое окно, а они уж дом окружили. Так на лету и срубили голову. Мало показалось, на куски порубили. И две недели, пока не прогнали их, не давали убрать тело. Соседи рассказывали ей, когда подросла, будто мать чуть не лишилась рассудка. Даже плакать не могла, только стонала, словно волком выла. И чудится ей теперь, что она этот стон помнит. Только как, если было ей в ту пору всего-навсего три месяца?

Хорошо помнится ей, как Михаил Иванович Калинин приезжал, когда ЧТЗ пускали. Поздравлял строителей с успехом. Все хлопали в ладоши, как в барабаны, и музыка гремела так, что, наверное, в самой Америке было слышно. Они же

американцы, не верили в наши тракторы... Праздновали шумно, весело. И мать, может, за всю жизнь первый раз сказала: «Не зря наш батько положил свою голову за Советскую власть».

Но лучше всего, как ни крути, запомнилось ей то объявление в заводской проходной, которое перевернуло всю ее жизнь. Комсомолка Хитагурова призывала всех девушек ехать вслед за ней на Дальний Восток. Дальнему Востоку для строительства городов, заводов и дорог нужны были молодые руки, а парням без девчат скучно жилось. И Хитагурова убеждала девушек, чтобы не страшились дальних мест, потому что там интересно жить и работать, и скорее можно найти свою судьбу.

Чудно теперь ей, как отважились они с двоюродной сестрой Шурой ехать на край света. Взяли в райкоме комсомола путевки и в одних туфельках, без валенок, без сапог, без варежек махнули в уссурийскую тайгу. На Тракторном работала она учетчицей — учитывала, сколько бригады за смену покрасят тракторов. Потом, одно время,— приемщицей деталей. Работа ей нравилась. Но, видно, унаследовала она от родителей нетерпение поскорее построить социализм и веру, что ради светлого будущего «можно и гору свернуть».

Не забыть ей до конца дней, как худенькими ногами в туфельках погружались они по колено в снег. Хитагуровская комиссия, так тогда ее называли, направила их на станцию Хор, в Лазовский район Хабаровского края, на лесопильный завод. Бывало, ветер свистит так, что тайга шатается, мороз лютует, а они голыми руками доски пилят и в штабеля складывают. После смены замертво валились на кровать и потихоньку выли. Спину ломило, шею не могли повернуть, и руки драло от заноз. Комсомольский секретарь подбадривает, кино зовет смотреть. Какое тут кино, на белый свет смотреть неохота. Некоторые не выдерживали, сбегали. Разбирали их на собраниях, исключали из комсомола. Они с сестрой, хоть и обливали подушку слезами, сразу решили, что назад не поедут. Стыдно. Если не они, то кто-то все равно эту работу должен делать. Так и не по-людски на других валить. Многие притерпелись же, а они что, хуже людей, пятки.

Но если честно все вспоминать, то один раз они все-таки дрогнули. Во время наводнения. Ночью это было. Хор—капризная река, с гор падает, словно топором рубит. Разбушевалась, разметалась, понесла лес, что штабелями на берегу сложен. Комсомольцев всех гонгом подняли, и среди ночи, спросонья,— прямо в воду, вдогонку за лесом. Неделю гонялись они за бревнами по реке, по шею в холодной воде, пока река не поутихла, а они не свалились в жару. Но тогда долго не болели. То ли молодость помогала, то ли общий энтузиазм, то ли вера, что детям и внукам жить будет лучше. Когда же по радио на весь цех похвалили их за хорошую работу, они и вовсе приободрились. С первой получки купили сапоги. По талонам получили варежки. Стали иногда в клуб заглядывать. Там и познакомилась она со своим будущим мужем, заводским техником, Николаем Степанычем.

Люди ее поколения по-доброму вспоминают свою молодость и никогда в памяти своей не минуют последней войны. Для нее не было, пожалуй, страшнее часа, когда объявили, что Гитлер двинулся на Советский Союз. Мужа, Николая Степановича, на второй же день призвали в армию, на погранзаставу. От границы жили они недалеко, а Япония в любой момент готова была броситься на нашу страну с другого, восточного края. Осталась она с маленькой дочкой Риммой. Натерпелась. На заводе работали, не зная ни дня, ни ночи, ели кое-как и спать сваливались прямо у станка. Бывало, утром кто послабее или заболел сильно не поднимался, так и умирал у станка. Кто тогда о себе думал? Страшная сила шла на страну, и нужно было ее защищать и на фронте, и на границе, и в тылу.

Много всего было горького да тяжкого во время войны, но нельзя никак обойти воспоминанием думы о муже. Почему-то сейчас не то приходит ей на память, как познакомились они в клубе, как бегали вместе в кино и на танцы, лазили по тайге. Как знакомил он ее со своими родителями и рассказывал об отце-фельдшере, к которому за лечением и советом ходила вся округа. Помнится, как долгими военными ночами думала она обо всем этом и этой думой держалась.

И послевоенные годы помнились ей не тяготами и заботами, а радостью и добротою их жизни. Двадцать два года ездила она за мужем — капитаном по тайге. Случалось, выйдет в лес, волки воют, мошка пиявится, а люди далеко. И воду неведомо откуда везут. А ей и в голову не приходило жаловаться: работа есть работа, служба — служба. Раз для дела нужно, они всегда были готовы.

Очень хорошо помнит она, как поразил ее Тракторный, когда после демобилизации вернулись они в Челябинск. Танкоград, он и есть город. Встретили ее на заводе хорошо. Все-таки как-никак своя. Не на прогулку уезжала, по комсомольской путевке. И все бы хорошо, да беда — руки ее подвели. Куда ни поставят ее работать, то эмульсией, то маслом кожу на руках разъедает. Мало разве натерпелись они от заноз, от холодной воды да от мороза? Научилась она штамповать прокладки, заряжать газом аппараты для сварщиков. Так день за днем, день за днем отработала еще семнадцать лет на Тракторном. И приспело время идти на пенсию, получать в награду медаль «Ветеран труда».

Быстро все-таки летит жизнь. Вроде не так давно шла в райком комсомола за путевкой на Дальний Восток, а вот приспело уже на пенсию, и навалилась болезнь. Но, может, никогда еще ей так сильно не хотелось жить и дотянуть до победного, и увидеть, как поднимутся внуки, Валера и Валентин, Риммины дети, и Витя, Наташин сын.

В больнице у Веры Марковны больше выбиралось свободного времени, чем дома. Но и дома все последние месяцы она возвращалась памятью к прошлому. В школе, где учились Валера и Валя, шел какой-то сбор-поиск, который ребята называли «Судьба семьи в судьбе страны». Для этого сбора они выспрашивали у нее подробно все события ее жизни и просили показывать фотографии, и грамоты, и медаль. И ей сначала казалось это чудным, и она отмахивалась от внуков. Зачем рассказывать? Что она, героиня? Отличилась чем-то особенно? Жила, как все. Как вся страна. За чужие спины не пряталась. Но им, не сразу она поняла, потому и понадобилась ее жизнь, что не пряталась и не сторонилась, что была одной из многих, кто, скрестив свои судьбы, определил судьбу всей страны, такой, как она есть.

И все же разбередили внуки ее душу, поселили в ней непонятную тревогу. Ей казалось, что из ее рассказов уходит что-то самое главное — смысл ее поступков и намерений. А смысл ее жизни был в самой этой жизни, наполненной счастливой верой в прекрасное будущее. И хотя пришлось пережить много тяжкого и горестного, но было и много радости, и романтики, и доброты. И хороших людей, готовых делиться куском, и крышей, и утешающим словом.

В школьном музее «Судьба семьи в судьбе страны» о бабушке Вере Марковне Дудко рассказывает теперь ее внук Валя Лимонов.

Только не получалось у нее объяснить все это внукам. И тем более не умела она высказать внукам свою тревогу и свое желание, чтобы среди достатка и всеобщей учености не потеряли они умения ее молодости — радоваться и верить, романтики и доброты. Иначе зачем же они старались, не жалели себя?

В школьном музее «Судьба семьи в судьбе страны» о бабушке, Вере Марковне Дудко (в девические годы Трухановой), рассказывает теперь ее младший внук Валя Лимонов. Старший, Валера, после восьмого класса пошел учиться в художественное училище. Говорит Валентин сдержанно, обстоятельно и, как мне показалось, с пониманием.

Валентин вообще человек обстоятельный и серьезный и лишних слов на ветер не бросает. И было бы совершенно неуместно, если бы я назвала его «Лимончиком», а мне, не скрою, хотелось сказать: «Лимончик, улыбнись, пожалуйста» — уж очень милый и обаятельный человек. Но я не посмела. Мы поздоровались крепким рукопожатием, и без всяких фамильярностей я попросила: «Валентин, будь добр, напиши поподробнее, как ты живешь сейчас. Вечером мы с мамой поедем в больницу к бабушке. Ей, наверное, будет интересно. Да и я узнаю тебя поближе». Ни слова не говоря, он кивнул мне: мол, все понял. И через некоторое время принес свой письменный рассказ. Прочтите его и вы, мои друзья-читатели, разумеется, с разрешения Валентина.

«Недавно провели мы вечер «Зимушка-зима». Все отнеслись очень ответственно. Приготовили рисунки и поделки, стихи, защищали рецепты вкусных блюд, которые приготовили сами. Получили призы, все были довольны.

В нашем четвертом-втором и родители, и ученики находятся в постоянном контакте. Мы устраиваем встречи с родителями класса. Готовим вместе с ними сладкие угощения, чай. Программа встреч самая разнообразная. Недавно наши родители сидели на уроках и слушали ответы своих детей. К 60-летию образования Советского государства родители помогали нам готовить костюмы, танцы и стихи. Никто не остался в стороне, все принимали участие в фестивале дружбы народов.

А еще мы провели игру «Зарница». Я был сапером. Было трудно, но наш пионерский отряд постарался и занял второе место. У меня есть друг Саша Королев. Мы с ним проводим свободное время. В этом году он часто болеет, я его навещаю, занимаюсь с ним по разным предметам.

Школьная жизнь мне очень нравится. Все мы боремся за честь отряда. Проводим уйму всяких мероприятий. Хотим быть первыми изо всех четвертых классов. Все у нашей дружбы еще впереди, уверены, что много добрых дел подарит она людям.

В будущем я хочу стать инженером, но не решил точно, кем я стану. Но главное, хочу быть полезным для окружающих меня людей.

Валентин Лимонов».

Слушая произведение своего внука, Вера Марковна волновалась. Как-то по-детски, не стесняясь, размазывала по щеке слезу и, недоверчиво заглядывая в тетрадный листок, спрашивала: «Так прямо и пишет: «полезным для окружающих»?»

Я тоже думаю об этих словах четвероклассника Валентина Лимонова. Откуда у него такая позиция в жизни: от себя он требует «быть полезным для окружающих меня людей», от дружбы в отряде — «много добрых дел подарит она людям»?

Отношение к жизни, к делу, к людям унаследовал Валя от своего прадеда, коммуниста, героя революции и гражданской войны, отдавшего жизнь за Советскую власть. От дочери этого человека, бабушки Веры, комсомолки первых пятилеток, ветерана Тракторного завода, от ее дочери, Валиной мамы — инженера, коммуниста Риммы Николаевны, и от всех других хороших людей, которые встретились уже на его пути.

На другой день, передав Валентину привет от бабушки, я все же не устояла. «Лимончик,— сказала я,— ты всегда такой серьезный?» Он неожиданно широко и весело улыбнулся и посмотрел лукаво. Тут я совсем уж осмелела и спросила: «Что тебе больше всего нравится делать?» «В уголки играть»,— не раздумывая, ответил Валентин. И принялся быстро-быстро складывать из полоски бумаги уголок, а потом повел меня к подоконнику и показал, как надо бросать этот бумажный уголок, чтобы он долетел к самой раме, дальше, чем у других ребят.

С Аленой Скубенко, как и с Валей Лимоновым, познакомил меня школьный музей «Судьба семьи в судьбе страны». Алена худенькая, стройная, глаза черные, живые, косы змейками по плечам. Недавно Алена стала пионеркой и очень гордится, что ее, еще одну девочку и двух мальчиков приняли самыми первыми в классе.

Когда в Аленином третьем-первом классе стал вырастать пионерский отряд, пионерские вожатые из седьмого-первого попросили всех ребят рассказать товарищам о себе, чтобы лучше познакомиться. «В пионерском отряде,— сказали вожатые,— все ребята должны хорошо знать и понимать друг друга, потому что у пионеров главный закон — «Один за всех и все за одного».

Алена, как только пришла ее очередь говорить, сказала: «Я родилась в 1973 году 13 января в городе Челябинске». Сказала и запнулась. Что еще рассказывать ей о своей жизни, когда прожила она всего-навсего десять лет? Пионерские вожатые ее подбодрили: «Что ж ты, Алена, рассказывай, в какие игры любишь играть, есть ли у тебя друзья, братишка или сестренка».

Ну, на эти вопросы несложно было ответить. «У меня есть братишка Алеша,— продолжала Алена,— мы с ним ходим гулять. Еще у меня есть три любимые подруги — Кречетова Света, Якименко Оксана и Сабурова Юля. На переменах мы играем в игру «мазайка» и «кис-кис-мяу». Еще мне понрави-

лась игра «Светофор», в которую мы играли всем классом вместе с родителями. Еще мне нравится вязальный кружок и кружок «Умелые руки», которые ведут мама и папа Шаровы, и ваш вожатский кружок кулинарии. И еще мне нравится наша учительница Ольга Викторовна. Она заработала красный диплом и теперь пришла к нам в школу».

Вожатые Алену похвалили. И стали расспрашивать у Алены, что знает она про своих папу и маму, бабушку и дедушку, потому что биография человека начинается вовсе не с рождения, а жизнью тех родных ему людей, которые этого человека вырастили и воспитали. Так говорили им на уроках истории и в музее «Судьба семьи в судьбе страны». Так они и объясняли теперь это младшим пионерам.

«Папа и мама у меня инженеры,— сказала Алена,— а бабушка и дедушка участники Великой Отечественной войны. О бабушке написаны книги, их писал сам бабушкин командир. Бабушка была на войне разведчицей в группе «Верный» и провела в тылу врага двести двадцать дней. Бабушка мне часто рассказывает о войне, и когда я ее слушаю, то представляю себе все, что она рассказывает. И мне очень жалко тех, кто погиб, защищая Родину».

Тут все ребята зашумели, повскакали со своих мест и стали просить, чтобы Алена рассказала про бабушку все, что сама знает, а еще лучше пригласила бабушку к ним на сбор. Вожатые еле успокоили третьеклассников. Пообещали, что скоро они, как и все пионеры и комсомольцы школы, станут участвовать в сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны», и не только Алена, но и все они пригласят своих родных в школу. Это и будет их первое пионерское поручение.

Аленины папа и мама ничуть не удивились, что их зовут на пионерский сбор. Они давно уже слышали и про сбор-поиск, и про другие дела в 109-й школе и, конечно, сразу же согласились. Алене и Алешке было ужасно смешно смотреть, как весь вечер папа и мама потихоньку от них шушукались и спорили, словно маленькие дети. А спорили они, потому что никак не могли решить, какие брать на сбор фотографии, и стоит ли тащить с собой грамоты за хорошую работу, и кому из них первому говорить.

Потом мама чуть ли не всю ночь писала рассказы о бабушке и дедушке. А наутро, когда все было готово, Алена, неожиданно для мамы, запротестовала. Алена сказала, что пионеры все должны делать сами, и она сама хочет писать эти рассказы для музея, и сама хочет специально для музея задавать бабушке вопросы и сама пригласит ее на сбор.

Хитрая Алена до субботы больше об этом своем намерении не напоминала, а в субботу, после школы, пристроилась к папе под бок, тряхнула косичками, погладила папу по голове, чмокнула в щеку и самым нежненьким голоском, на который была способна, попросила: «Поедем к бабушке с дедушкой». Но оказалось, папу не надо долго упрашивать, он и сам надумал съездить в гости к своим родителям. Все-таки дело у пионеров затевалось не шуточное.

В воскресенье вся семья Скубенко отправилась к бабушке с дедушкой в поселок Зауральский, на нефтебазу. И я отправилась вместе с ними.

Бабушка Алены, Александра Ивановна Скубенко, знаменитый на всю страну человек. Я и раньше слышала о Шуре Поплавской (так называли ее во время войны), бесстрашной радистке группы

«Записываетесь в наш кулинарный кружок?» — пошутила мама Оксаны Беличенко Ираида Васильевна.

«Верный». Группа эта смело и хитро действовала в Крыму, в глубоком тылу врага. Двести двадцать дней работали разведчики, можно сказать, под самым носом у фашистов, но враги так и не сумели напасть на их след. Передали они в Центр двести сорок семь донесений, совершили тринадцать диверсий. Уничтожили тринадцать паровозов, сто двадцать три вагона, две автомашины, два тягача, склады с горючим и боеприпасами, больше километра телеграфно-телефонной линии. Взорвали мастерскую Зуйской МТС. Пятьсот гитлеровцев отправили на тот свет, четверо были взяты в плен. Трудно представить себе, как удалось все это восьми юношам и одной девушке — Шуре Поплавской.

После войны о них сложили легенды, написали книги, рассказывали в газетах и журналах, по радио и телевидению. Александра Ивановна со временем свыклась с мыслью, что ей не уйти от вопросов корреспондентов и писателей, не отказывалась, когда звали выступить на заводе, в библиотеке или в школе. Она и внукам охотно рассказывала то, что помнила. Но говорить с внуками было для нее совсем иным, чем со всеми остальными, делом. Глаза внуков для всякого человека больше, чем совесть. И, разговаривая с ними, она вроде бы наново пересматривала всю свою жизнь и отчитывалась за нее.

К тому же в этот раз Алена приехала парламентером от своего отряда, и Александра Ивановна сразу же для себя установила, что на пионерском сборе, где будут товарищи ее внучки, их родители и учителя, следует говорить о том, как ей, храброй разведчице Шуре Поплавской, было на войне страшно. И то, что ей, восемнадцатилетней девчонке, удавалось преодолевать этот страх и все тяжкое и ужасное, что связано было с жизнью на войне — ради дела, которое ей поручили, было, может, главной ее заслугой. Ей хотелось, чтобы внуки поняли и запомнили именно это.

И сейчас еще у нее мурашки бегут по коже, когда, вспоминая, видит она искореженные, вывернутые парашютными стропами руки их комиссара. Приземлились они неудачно, что и говорить. Ночь хоронились в кукурузном поле, а утром, когда ползком по одному перебрались в дальний угол чьего-то огорода, услышали звонкий голосок мальчонки: «Мама, у нас тут партизаны!» Окажись плохим человеком мать этого мальчика, и провал неминуем.

Каждую секунду рискуя жизнью, глубокой ночью поспешно рыли они для себя землянку среди голой, ничем не прикрытой степи. Одинокий, неизвестно откуда взявшийся в двухстах метрах от дороги куст сирени должен был указывать им место, где далеко под землей будет теперь спрятан их дом, их штаб. Мужчины уйдут, бывало, на задание, а она со своей рацией сидит, засыпанная землей, передает и принимает радиограммы. И так жутко, когда фашисты топают сапогами прямо над головой и выпускают собак, то и дело устраивая облавы. Сидишь, как мышь в норе, а сердце стучит: «Пронесет — не пронесет?» Один раз маленькая какая-то собачка прибилась к тому месту, где землянка, и лает — визжит во всю мощь — почуяла человечий запах. Но гитлеровцы торопились, видно, не обратили, к счастью, внимания. А может, им просто в голову не пришло, что группа окопалась в чистом поле — дерзко больно.

Больше всего натерпелась она страху, когда в доме у Симы и Алексея Клятских брали языка, гитлеровского офицера. Дерзкий и мудрый человек был их командир Федор Илюхин — «Верный». Двадцать девять человек привлек он к своему делу. По легенде Шура была Симиной двоюродной сестрой, которая приехала из Краснодара, а группа жила во дворе в землянке под стогом сена, когда спустя два месяца покинули они свой куст сирени — «Сиреневый остров», как называл его «Верный». Она приняла радиограмму: нужен штабной офицер. Староста Никитюк, который тоже работал на группу, сообщил, в каком доме в деревне остановились проездом офицер, два солдата и повар. Сима тут же побежала в ту сторону за водой. Была она красива, и офицер принялся заигрывать с ней. Сима изо всех сил кокетничала, и кончилось все это тем, что вечером офицер пожелал прийти к Симе с «сестрой» в гости. Весь остаток дня Сима и Шура прихорашивались: крутили локоны, малевали глаза и ногти, собирали стол. Офицер пришел с плиткой шоколада, целовал руки и отпускал улыбки и комплименты: «О, русиш, Тамар, красавиц!» Шура попросила: «Забудем на миг о войне. Оставьте автоматы в сенях, а то на нервы действуют». Подняла бокал, сказала звонко: «За дружбу». Выпили. Потом Сима вскочила: «За наш успех». Это было условным сигналом. Гитлеровец только и успел выкрикнуть: «Хайль Гитлер!» Разведчики, спрятавшиеся в задних комнатах, выскочили из засады, а Шура бросилась на шею к офицеру — он не успел и пистолета выхватить. Всех четверых и взяли в плен. А когда ребята увели фашистов, у нее зуб на зуб не попадал и руки дрожали.

Хозяин дома, Аленин и Алешин дедушка, Михаил Хрисанович Скубенко, рассказывает, как, вернувшись с войны, строил он и создавал нефтебазу.

Был еще случай, когда все они ужасно перепугались. Меняли место. Шли километров тридцать в ночи, почти не останавливаясь, и, конечно, выбились из сил. И вдруг чувствует она, что валится, летит куда-то в тартарары. Глядит — перед нею человек с дикой бородой, наган наготове, только курок спустить. И она — за пистолет. Слышит, наверху свои друг друга спрашивают: «Куда ж это наша радистка провалилась?» А она и впрямь провалилась в старую полуразрушенную землянку.

Человек обросший оказался партизаном, шел он на явку. Но секунду-другую, пока все это выяснилось, было, честно говоря, сильно не по себе.

Вернулись наши в Крым, а она седая.

Но никогда, ни на одну минуту она не дрогнула, не подумала, что можно отступить, дать себе передышку. Память об отце, коммунисте, герое гражданской, погибшем от руки кулаков в годы коллективизации, никогда не позволяла ей ценить свою жизнь выше судьбы своего Отечества. Наверное, потому, кроме нее самой, никто никогда и не догадывался, не поверил бы, что храбрая радистка Шура может чего-нибудь испугаться. Вот и командование написало в характеристике: «Смелая, решительная, морально устойчивая, Партии и Социалистической Родине предана». И еще: «С сентября 1943 г. по 13 апреля 1944 г. была на особом задании, за выполнение которого награждена орденом Отечественной войны I степени».

До сих пор хранит она свою военную карту и шифр, с которым работала, и фотографии друзей, и память о военной молодости. «Вот,— говорит она,— шифр, если хотите, можете скопировать для музея».

За праздничным столом угощает нас Александра Ивановна уральскими пельменями, и мы, взрослые и ребята, ведем неторопливый разговор о том, что в жизни главное, что второстепенное, что должен успеть человек за свой короткий век и что после себя оставить.

Хозяин дома, Аленин и Алешин дедушка, Михаил Хрисанович Скубенко, рассказывает, как, вернувшись с войны, строил он и создавал нефтебазу такой, какая она теперь. Был маленький складик, сейчас большая база, которая распределяет нефтепродукты десяткам хозяйств. Работало одиннадцать человек, а теперь — сто пять. Построили резервуарный парк на четырнадцать с половиной тысяч кубов больше прежнего. Изменили всю систему нефтепроводов, построили насосную станцию. Контору удобную и шесть домов — четыре кирпичных и два деревянных, а первое время жили они с Александрой Ивановной в сарае, где прежде бондари бочки делали. Поднялся вокруг общий для всех фруктовый сад, где все научились сообща работать и распределять урожай. Он сам и крыши крыл, и землю копал, и металлолом таскал, чтобы соорудить побольше тары для заправочных автомобильных станций. «Неважно, сколько человек проживет,— говорит он внукам,— главное, что после себя оставит. Нефтебаза, конечно, не то, что большой завод, но тоже людям необходима. Но и не в том даже дело. Главное, добрую память о себе оставить».

Глаза внуков для всякого человека больше, чем совесть. Так думает и знаменитая разведчица-радистка Александра Ивановна Скубенко.

Памятью о дедах и родителях воспитывается и живет потом человек всю жизнь, и если память эта гордая, то держит у родного берега крепко, как якорь. Старики Скубенко, хоть нисколько и не похожи они на стариков, хорошо понимают эту несложную мудрость жизни. И, как могут, стараются ко всем простым человеческим делам пристрастить внуков: вкусно готовить, шить и вязать красивую одежду, растить сад и огород, ухаживать за скотиной, траву косить. Человек должен с детства научиться не только брать, но и отдавать. Кроме больших, государственных и разных ученых задач, в жизни есть еще не менее важное дело, для которого тоже нужны и страсть, и умение, и талант,— наполнять радостью и добротой жизнь близких людей и тех, кто рядом.

Музей «Судьба семьи в судьбе страны», в общем, ничем не отличается от других музеев истории.

Рассказывая о событиях и людях, принимавших в них участие, он знакомит с историей нашей страны. События все те же, что и во всех учебниках, а люди родные и близкие — дедушки, бабушки, папы и мамы.

В учебнике истории сказано: «В начале марта 1919 г. Колчак начал большое наступление... 12 апреля были опубликованы написанные Лениным Тезисы РКП (б) в связи с положением на Восточном фронте. В них была напечатана конкретная программа мобилизации всех сил страны на разгром врага, выдвинут боевой лозунг «Все на борьбу с Колчаком!». На Восточный фронт были мобилизованы тысячи коммунистов».

Среди этих тысяч был и дедушка Лены Лобановой, Василий Степанович Каргопольцев. Он был коммунистом еще до революции, устанавливал Советскую власть на Урале, был делегатом трех партийных съездов — X, XI и XIV, который вошел в историю как съезд индустриализации. Он возглавлял одну из первых ячеек на Урале — на асбестовом руднике, во время войны руководил крупнейшим уральским колхозом.

Вот еще строки из учебника: «Развернутое строительство социализма в СССР осуществлялось на основе тщательно разработанных под руководством ЦК ВКП(б) пятилетних планов развития народного хозяйства СССР... По комсомольским путевкам свыше 12 тысяч молодых строителей воздвигали домны Магнитки и Кузнецка. ... В строй вступали все новые первоклассные предприятия ... Уральский и Краматорский заводы тяжелого машиностроения, Уральский вагоностроительный, Челябинский тракторный...»

Эти строки учебника становятся ребятам понятнее и ближе, когда они узнают, как именно строил Магнитку дедушка Лили Есиной, Андрей Ефимович Евдокимов, слышат, какие трудности испытывали первостроители тракторного, прямо из уст бабушки Наташи Борисовой, Екатерины Семеновны.

Когда по радио или по телевидению говорят о Продовольственной программе, которую мы все сейчас осуществляем, или о делах и людях последней пятилетки, то они кажутся особенно близкими и

Сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны» помогает всякому понять свою причастность к тому, чем жил и живет народ.

понятными в тот момент, когда о них рассказывает папа Марины Королевой, директор совхоза «Приозерный», или дед Миши Кульбацкого, долгие годы проработавший на Цинковом заводе.

Николай Афанасьевич Пилипчук, Мишин дедушка, быстрыми, четкими движениями конструктора, привыкшего создавать чертежи, набрасывает для них контуры насоса. На Цинковом таких более пятисот. Эти насосы перекачивают растворы, которые ведут себя необыкновенно агрессивно по отношению к металлам. Есть такие растворы, которые за две недели выводят из строя турбины насосов. То и дело приходится заменять шарикоподшипники. Получаются большие материальные потери и огромная потеря времени на ремонт и замену деталей и частей. Вот и старается Николай Афанасьевич во что бы то ни стало найти такой материал, который будет противостоять агрессивным растворам. Какой это должен быть материал? Пока еще трудно сказать. Ясно одно: экономика должна быть экономной. И это не громкие слова, это жизнь.

В совхозе «Приозерный», куда совсем недавно уехал директором Александр Иванович Королев, выращивают и откармливают скот. Каждая скотница ухаживает пока за ста пятьюдесятью коровами. А в лучших откормочных хозяйствах телятницы справляются с шестьюстами коровами. Как? Как повысить производительность труда? Одна из важнейших проблем современности. Она волнует и Марининого папу. Он думает, не спит, пробует, как сделать лучше. Надо механизировать, автоматизировать, строить. «Продовольственная программа — дело всенародное!» — это не только призыв, это будни и тревоги Марининого папы.

Сбор-поиск и музей «Судьба семьи в судьбе страны» помогают всякому понять свою причастность к тому, чем жил и живет народ. И хорошо объясняют, что история страны не могла сложиться иначе, если именно так прожили свою жизнь наши старшие люди. И настраивают на раздумья о том, что будущее зависит и от каждого из нас — и от Вали, и от Алены, и от Лены, и от Лили, и от Миши, и от Марины, и от всех девочек и мальчиков сегодняшних дней.

В 109-й челябинской школе, о которой наш рассказ, кроме увлечения сбором-поиском «Судьба семьи в судьбе страны», есть еще одна великая страсть: все тут от мала до велика просто обожают делать стенные газеты. Газеты выпускают пионерская дружина и комсомольская организация, комсомольские группы и пионерские отряды, звенья и кружки, тимуровские команды и зарничники, и даже каждый по собственному усмотрению. Во всех коридорах висят газеты, большие и маленькие, по случаю и без случая. Газеты к праздникам, газеты к конференциям, газеты-поздравления, газеты на злобу дня, «молнии», «колючки», «смешинки». И все хороши, одна лучше другой.

Я жду людей, с которыми хочу познакомиться, и смотрю самую свежую. «Новости школьной жизни» — это фотогазета.

«Центральная лаборатория (имеется в виду лаборатория Цинкового завода) проводит химический КВН между девятым-первым и десятым-первым. Кто победил? Победила дружба!»

«Папа, мама, я — спортивная семья — любимое времяпровождение второго-первого».

«Увлечение пятого-первого — конкурсы. А судьи кто? Родители».

«Седьмой-первый беседует с шефами об увлечениях. О. Н. Волков показывает всем свои рисунки».

«Внимание! Первый-седьмой сообщает всем, что открылся новый кукольный театр. Режиссеры — родители».

«В четвертом-первом шахматный турнир пионеров и родителей закончился успехом и тех и других».

Вот такая газета. Как видите, в этой школе ребята, родители, шефы и учителя живут одной большой, очень большой (в школе учится без малого две тысячи человек) семьей, в которой нет чужих. Есть те, кому сегодня хорошо и радостно, и те, кто чем-то огорчен, и те, у кого случилась беда,— как во всякой семье. Но в дружной и большой семье человеку всегда легче прожить: беде подставляют плечи, а радость шумно празднуют. И главное, есть к кому прийти, есть с кем поделиться, есть уверенность, что поймут и поддержат. И никто ни для кого не пожалеет ни времени, ни доброго слова.

Сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны» еще крепче всех сблизил и сдружил. Когда находишься среди них, возникает такое чувство, будто никому не хочется расставаться. Идут на работу, сидят на уроках, а потом — скорее друг к другу. Хорошо им вместе.

«Молния» на стене сообщает: «Поздравляем учеников 1 — 4-х классов, занявших II место на районной выставке начального моделирования и конструирования. Работы Пименова Сергея и Сидельникова Жени представлены на городскую выставку».

Их-то я и жду. Не только Сергея и Женю, всех ребят из кружка «Самоделкин», который ведет Александр Николаевич Крутиков. Александр Николаевич — папа Димы Крутикова из четвертого-третьего и Наташи Крутиковой из второго-второго. Ни Дима, ни Наташа в кружок «Самоделкин» не ходят — у них другие интересы. А папа Александр Николаевич, слесарь Цинкового завода, занимается с теми ребятами, которым его мастерство и наука позарез нужны.

Вот они наконец появились. Бегут стайкой по школьному коридору, друг за другом, точь-в-точь как наседка с цыплятами. На ходу каким-то хитрым способом умудряются переброситься мячом и

ироническим словом, тоже словно мячом. В воскресный день в коридорах можно сколько хочешь шуметь, если, конечно, никому не мешаешь.

«Извините,— говорит Александр Николаевич, — мы чуть-чуть задержались. Мяч, знаете ли, во дворе погоняли. Любим погонять мяч».— И он смущенно улыбается, совсем как мальчишка.

Что ж тут удивительного, в каждом мужчине живет мальчишка, а в маме и бабушке — девочка. Надо только высвободить их от пут времени и сделать своими друзьями. Имейте это в виду, друзья мои, читатели.

Разминка закончена. Мяч отброшен в угол, и все уже на своих рабочих местах. Женя Сидельников, тот самый, что победил на конкурсе поделок, мастерит сейчас для детского сада забавную игрушку. Пингвиненок с сачком на плечах бежит с горы. Внутри его туловища спрятано колесико, оно-то и позволяет быстро бегать, но малыши не должны заметить, как это получается у Пингвина и у Жени, который его создал. Сделает еще Сережа Пименов Пингвина с ведром, а Женя Кашин — Пингвина с удочкой, и отправят друзья-мальчишки друзей-пингвинов на рыбалку. Смастерить игрушки для всех детских садов Цинкового завода попросили ребят шефы, а учительница по труду, Наталья Ильинична Осколкова, попросила для занятий с девочками электрифицировать схему «Электронагревательные приборы». Этим занимаются Саша Григорьев и Миша Привалов, но у них не сразу получается. Хочется схему похитрее запутать, чтобы девчонки получше зубрили, а не просто догадывались, где какая часть внутри утюга. Позвали для консультации Вадю Болотникова. Вадя, как говорят, на все руки мастер. За что ни возьмется, все у него получается, и так, что лучше и не сделать. Вадя Болотников в кружке самый большой мастер, и сейчас у него самая сложная работа. Вместе с Александром Николаевичем создают они электрифицированную географическую карту «Развитие народного хозяйства в СССР в 1981—1985 годах».

Вадя неторопливо складывает инструмент, не спеша вытирает руки и, спрятав их в огромные карманы рабочего фартука, говорит со мной, как весьма солидный человек, взвешивая каждое слово: «Раньше я здорово бузил. Да, было. Ходил даже на руках и в окошко выпрыгивал. Но с этим покончено. Не до того, очень много ответственной работы».

Да, раньше Вадя и правда был грозой школы. С уроков сбегал, ленился, безобразничал. Хотелось ему обратить на себя внимание, а в учении он выделиться уже не мог — слишком все запустил. Да и дома у Вади не все в порядке: папа и мама тяжело болеют. И иногда так скверно на душе, что хочется уйти, забыть, забыться в любом деле, которое может отвлечь от нестерпимо грустных мыслей. Теперь-то у него появилось настоящее дело, и настоящее увлечение, и настоящий взрослый друг, который поверил. Поверил, что он, Вадя Болотников, еще станет в своей жизни великим изобретателем и неплохим человеком. Жизнь ведь еще только начинается.

Не знаю, может ли Вадя в свои одиннадцать лет до конца понять и оценить, что значит для всякого человека, и взрослого тоже, когда появляется кто-то, кто увидит в тебе то, что спрятано глубоко, и другим, не любящим, не видно. Но я верю, главное Вадя понимает. Человек должен жить среди любящих людей, тогда расцветают его душа и его способности, и все лучшее в нем раскрывается для всех и для него самого, и для его дела. Вот какая

Вадя Болотников в кружке самый большой мастер, и сейчас у него самая сложная работа.

великая миссия у пятидесяти двух кружков, домашних и школьных, которые ведут, не считая времени и сил, родители. Не Димины, не Оксанины, не Анжелины, а четвертого-третьего или седьмого-первого, или любого другого,— всей школы.

Вечером меня пригласили девочки из седьмого-первого класса в дом Беличенко. Пригласили, словно к себе, так они чувствуют себя в этом доме. «Записываетесь в наш кулинарный кружок? — пошутила мама Оксаны Беличенко Ираида Васильевна.— Конечно, — говорит она уже всерьез,— у меня один выходной день, но как жить девчонкам, будущим женщинам, если они не умеют вкусной еды приготовить? Я же по профессии кулинар, что же мне только своих учить? Там, где три девчонки растут, как у меня, десяток подружек не помеха. Даже веселее и им, и нам».

Девчонки на кухне пекут по программе этого дня торт сметанный, а мы с Ираидой Васильевной говорим о том, что хорош этот торт еще и тем, что через несколько минут соберет всех за одним столом. И научит не только печь, но и радоваться самому прекрасному в человеческой жизни — общению. Научит делиться куском хлеба и радостью. И чутью к чужой боли научит. За общим столом, среди добрых глаз и добрых улыбок не так страшно той, одной среди них, которой в ее собственном доме худо. Здесь, на кухне в доме своей подруги и взрослых друзей — ее родителей, получает та девочка, имени которой в документальном повествовании я не могу назвать, заряд тепла и доброты, без которых не стать человеку человеком.

На дружинном пионерском сборе Наташа Вергуленко, председатель совета дружины, подводя итоги сбора-поиска «Судьба семьи в судьбе страны», сказала так: «Мы лучше узнали жизнь наших старших, нам понятнее стало все старшее поколение, мы подружились. Наши родители тоже лучше узнали нас и захотели больше времени проводить с нами. Всем нам стало жить интереснее. У нас появилось много друзей и в других городах и селах, в других республиках. Мы поняли, что хорошее дело собирает и объединяет даже незнакомых людей».

В школьном музее открывается теперь новый раздел — «Сбор-поиск идет по стране», потому что сбор давно уже стал Всесоюзным.

Считать делом

Дорогие друзья! Многие из вас, наверное, уже читали, а кто-то скоро прочтет роман Максима Горького «Мать». Прототипом героя этого романа, революционера Павла Власова, был Петр Андреевич Заломов, рабочий-слесарь, один из организаторов демонстрации 1 Мая 1902 года в Сормове. Это он нес во время демонстрации красное знамя с лозунгом «Долой самодержавие!», и полиция арестовала его. На суде он выступил с революционной речью, был приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь. С помощью М. Горького Заломову удалось из ссылки бежать, и в 1905 году он участвовал в московском декабрьском вооруженном восстании. После Февральской революции П. А. Заломов был направлен партией в Курскую губернию организовывать Советы. Заломов участвовал в гражданской войне, в 1925 году вступил в Коммунистическую партию, стал в 1929 году организатором колхоза «Красный Октябрь».

Старый коммунист, участник социал-демократического движения с 1901 года, Петр Андреевич Заломов получал много писем от взрослых и детей и отвечал на них. В Курском областном партийном архиве хранится его ответ учащимся 7-го класса Грушевской НСШ Водоконовского района Курской области.

Письмо написано давно, в 1936 году, и нигде не публиковалось. Мы решили напечатать его, потому что заветы старого революционера школьникам тридцатых годов и сегодня современны и значительны и могут принести пользу каждому из вас в размышлении о жизни, об учении и о будущем.

УЧАЩИМСЯ 7-го КЛАССА ГРУШЕВСКОЙ НСШ ВОДОКОНОВСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ОТ П. А. ЗАЛОМОВА*

Мои юные, дорогие друзья.

Сормовская политическая демонстрация 1902 г., которая является главным мотивом знаменитого романа Максима Горького «МАТЬ», была только маленьким эпизодиком революционной борьбы российского пролетариата, и если бы Максим Горький не написал этого романа, то вы так бы и не узнали о существовании Петра ЗАЛОМОВА и его матери, а я так бы и не написал ничего о своей жизни и революционной борьбе, потому что не придавал значения воспоминаниям типичного рядового революционера, каким являюсь.

Скажу коротко. Я сын рабочего и сам стал рабочим с пятнадцати лет. В пятнадцать с половиной лет я познакомился с идеями революционного Марксизма благодаря молодому слесарю Якову Степановичу ПЯТИБРАТОВУ и вступил в подпольную рабочую организацию революционного Марксизма.

* Письмо печатается с сокращениями.

грамотность чести!

Вы восхищаетесь речью Павла Власова, которую он произнес на суде, и приписываете эту речь мне, но Вы в этом ошибаетесь.

Всякое художественное произведение, конечно, имеет своим источником живую жизнь, живую действительность, но оно не может рабски копировать ее, не может изображать биографически точно, иначе художественный гений писателя никакого простора иметь не будет, а отсюда и облечь живую жизнь в художественную форму будет невозможно.

Там, где нужно, художник даст предельно яркие краски, там, где нужно, сгущает тени. Речь Павла Власова, прототипом которого является Петр Заломов, создана художественным творчеством Максима Горького.

Петр ЗАЛОМОВ и его товарищи были поставлены царским судом в тесные рамки. Они должны были выбирать каждое отдельное выражение, каждую отдельную фразу, чтобы не быть лишенными слова. В силу этого задачи Петра ЗАЛОМОВА и его товарищей были гораздо сложнее и труднее, чем у Павла Власова.

Мы заранее были предупреждены, что за всякое резкое выступление против существующего порядка будем председателем суда лишены слова, а следовательно, и не сможем превратить скамьи подсудимых в трибуну революционной агитации. Нам нужно было построить свои выступления так, чтобы не испугать царских судей, не дать им возможности заткнуть нам рот и в то же время ясно осветить задачи борьбы рабочего класса. Наши речи на суде были напечатаны в тысячах экземпляров, распространены по всей рабочей России и сделали свое дело.

Сормовская политическая массовая рабочая демонстрация, на которую по нашему призыву вышло на улицу пять тысяч человек рабочих, и наши речи на суде составляют одно неразрывное целое, причем главной частью этого целого является демонстрация.

Мы с самой осени готовились к массовой политической первомайской демонстрации против самодержавия. Солдаты явились к нам с сумками, полными боевых патронов. Они неслись на нас со штыками наперевес. В нашем тылу была конница полиции и стражников.

Для того, чтобы пролить кровь рабочих, слугами царизма было подготовлено все. Но в наши задачи не входило дать вооруженный бой самодержавию и у нас не было даже палок против солдатских пуль и штыков, против сабель конницы.

И все же мы были вооружены самым мощным, самым разрушительным, самым страшным для самодержавия оружием, и этим оружием была революционная теория Маркса — Ленина, этим оружием был наш революционный энтузиазм.

Еще с осени 1901 года мы знали, что можем на первомайской демонстрации погибнуть все; для этого достаточно было бы одного провокационного выстрела по солдатам. Из всего этого Вам будет понятно, что не было и не могло быть таких «страшных» слов, которых мы не осмелились бы произнести на суде, но в силу всех вышеизложенных причин мы принуждены были придать своим выступлениям менее резкую форму.

Нашей задачей было революционизировать рабочие массы и в то же время сохранить партийную организацию для дальнейшей революционной борьбы, что и было достигнуто.

В декабре 1905 года сормовский пролетариат дал русскому самодержавию бой на улицах Сормова уже с оружием в руках, и этого не могло бы быть, если бы в 1902 году вся наша партийная организация была уничтожена.

Дорогие товарищи. В своем письме Вы пишете о заветах Ильича, о широких возможностях, завоеванных для Вас пролетарской революцией, пишете, что Вашей задачей является борьба за грядущий мировой Октябрь.

Все это очень хорошо. Но вы не пишете о самом важном, о самом главном. Вы не пишете о том, как используете завоеванные для Вас возможности, как готовитесь к борьбе за мировой Октябрь.

Скажите: сколько у Вас учеников, которые учатся по всем предметам на отлично?

Коли верхом ваших желаний, верхом ваших усилий является учеба только на хорошо, то настоящих бойцов за мировой Октябрь из Вас не выйдет. Настоящим бойцом за мировой Октябрь может сделаться только тот, кто стремится к предельно высоким достижениям, как в области труда, так и в области науки.

Высоко развитый мозг является самым мощным оружием во всех видах борьбы, будь то вооруженная борьба с интервентами-империалистами, будь то борьба за высокую технику, за благоустройство жилищ, за изобилие продуктов питания, за изобилие всего необходимого для счастливой, и светлой, и радостной жизни всего трудового человечества.

Мозг, как и мускулы, развивается только от работы, только от преодоления трудностей. К сожалению, мы не делаем из этого надлежащих выводов, на каждом шагу об этом забываем.

Человек является победителем органической и неорганической природы только благодаря своему высокоразвитому мозгу. Руки есть у обезьяны, но она не человек.

Слон может нести на своей спине две с половиной тонны груза, он является самым громадным из всех сухопутных животных, но человек его приручает, делает своим слугой.

Симментальские быки достигают в откормленном виде веса до двенадцати центнеров, но ни один из них пока еще не выдумал ни трактора, ни комбайна, ни аэроплана, ни Днепрогэса.

Среди четвероногих осел принадлежит к числу самых самостоятельных и рассудительных животных: он противится глупым требованиям человека. Но самый глупейший из людей неизмеримо умнее осла и непременно обидится, когда его назовут ослом.

Врагами мирового Октября являются империалистические страны, обладающие высокой техникой, высокоразвитой наукой, обладающие сильными кадрами созидания и сильными кадрами разрушения.

Они не будут стоять на месте, не будут дожидаться, пока мы раскачаемся, пока почешем в затылке. Мы должны догонять и перегонять их во всех областях жизни гигантскими прыжками. А для этого только один путь: сделать нашу науку, нашу технику сильнее и выше, сделать эту науку и технику достоянием широчайших масс трудящихся.

Наши ученые, наши учителя, наши инженеры, наши изобретатели, наши писатели, наши артисты, наши рабочие и работницы, наши колхозники и колхозницы, наши летчики, наши бойцы Красной Армии, наши железнодорожники и остальные трудящиеся всех

видов социально полезного труда должны стать умнее и сильнее людей соответствующих профессий стран империализма.

Из кого состоят наши кадры всех видов социалистического труда? Они состоят из Ваших отцов, Ваших матерей, Ваших старших сестер и братьев.

В ближайшем будущем в эти кадры должны влиться Вы.

Но Вы должны будете превзойти своих матерей, отцов, сестер и братьев, так как Вам даны большие возможности, о которых Вы так хорошо написали в своем письме.

Моя мать, а Ваша бабушка Анна Кирилловна ЗАЛОМОВА проучилась у дьячка по псалтырю всего только два месяца и научилась сравнительно грамотно писать и читать. В то же время я знаю ряд лиц, окончивших семилетку, которые говорят и пишут недостаточно грамотно.

Разве не позор для целой школы, когда часть учащихся выходит из семилетки, не овладев своим родным языком, не умея правильно писать и говорить по-русски.

О малограмотности окончивших семилетку кричат факты. Большинство отсева при поступлении в Педтехникумы падает на неумеющих грамотно писать и говорить на русском языке.

В чем же тут дело? У нас просто недооценка всей важности овладения русским языком. А между тем человек без этого не может успешно продвигаться вперед, не может стать не только ученым, но и просто культурным человеком.

Наша страна вширь и вглубь пронизывается стахановским движением, стахановскими методами работы. Суть стахановских методов заключается в предельном овладении техникой, в непрерывном повышении этой техники и, как следствие этого, в предельной производительности труда широчайших масс трудящихся.

Школы не должны отставать от общего подъема всех отраслей производства, должны давать продукцию, достойную Страны Советов.

Лучшие ученики должны стать первыми помощниками учителей в деле овладения грамотностью всей школой. Они должны учиться хорошо и отлично не только сами, но и подтягивать отстающих, должны считать грамотность своей школы делом своей чести. Помощь в учебе другим является лучшим способом для расширения, углубления и закрепления собственных познаний.

Вы пишете, что путь, пройденный большевиками-подпольщиками, воспитывает в Вас таких же стойких борцов за грядущий мировой Октябрь.

Товарищи дорогие. Царское правительство не давало нам учителей и профессоров для изучения революционной теории Маркса — Ленина.

Мы учились и попутно учили других сами. С полной серьезностью я Вам говорю: начинайте вести борьбу за мировой Октябрь с борьбы за грамотность всех учащихся Вашей школы.

Вы можете стать всем. В этом нет ничего невозможного, так все возможности для этого завоеваны, а поэтому Вы должны превзойти нас, большевиков-подпольщиков, во всех отношениях, и в этом будет наша величайшая награда, наше величайшее счастье.

Вышлите мне, пожалуйста, список учеников, которые учатся на отлично, хорошо, посредственно и плохо.

Я пошлю этот список бабушке ЗАЛОМОВОЙ вместе с Вашим пламенным приветом.

Шлю Вам свой сердечный привет.

Ваш П. ЗАЛОМОВ.

4/IV—1936 года. П. Заломов.

Ирина СТРЕЛКОВА

ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 7, 8, 9.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Фомин

Преследуя Безина, Фомин время от времени поглядывал на часы. Назначенный Налетовым срок встречи на шоссе настал. «Сейчас Баранов, не дождавшись нас, едет навстречу... Он уже у болота... Оставил «УАЗ», пошел в обход... Добрался, помогает Налетову. Нашли иконы в «Жигулях» или не нашли?..»

Безин на бегу далеко отбросил сумку. Пока Фомин ее отыскал, преследуемый выиграл метров двести. Фомин поднажал и опять повис у Безина на плечах:

— Спокойно! Поиграли, и хватит. Все равно не уйдешь.

Безин из последних сил рванулся в кусты. Фомин увидел сквозь зелень бревенчатую стену избы. Безин, почти падая с ног, обогнул угол. Фомин влетел следом за ним на заросшее подворье и остановился. Все! Безина нет. Игра в догонялки кончилась. Начинается игра в прятки.

«Куда же он залез? — Фомин с досадой оглядел заброшенную усадьбу. Изба с крылечком, сараюшка, ход в погреб. Крапива в рост человека. Лопухи. Нигде вроде бы не потревожено, не помято.— Ну и черт с ним! Никуда не денется, придет домой. А сумка у меня.— Но тут Фомину представились насмешки завтра в горотделе.— Да что завтра! Годы будут вспоминать! Упустил сопливого мальчишку... Но куда же он все-таки ушмыгнул? — Фомин присел на скособоченное крыльцо.— Главное дело — не пересуетиться».

В детстве, когда играли в «двенадцать палочек», Фомин никогда подолгу не водил. Не то, что Кисель. Тому померещится, что кто-то в подземелье юркнул, и он туда без оглядки. Пока бегал, двенадцать палочек разлетелись — начинай сначала. Киселю приходилось из-за своего нетерпения по три дня водить. А Фомин подберет палочки, сложит на доску и далеко не отходит. Потому что знает — спрятались и следят за каждым его шагом. И всех ближе спрятался самый хитрый, самый быстрый. Только удалишься на лишний шаг, он выскочит и ногой по доске. Поэтому первая задача — застукать того, кто спрятался всех ближе. Остальные сами пойдут в руки.

Из-за этих детских воспоминаний Фомину вдруг померещилось, что Безин сейчас прячется рядом и наблюдает за ним. «Чепуха какая! На что ему за мной следить? Уполз отсюда и чешет без оглядки».— Но ощущение, что Безин прячется где-то близко, не проходило. Фомин явственно услышал чье-то дыхание. Оглянулся назад — никого, заколоченная крест-накрест дверь. «Добегался до галлюцинаций! Фантазирую, как Кисель!» — Фомин в сердцах ударил кулаком по крыльцу. Наступила мертвая тишина. Ни вдоха, ни выдоха. Но Фомину недолго пришлось торжествовать победу над наваждением. Невидимка опять задышал. Чаще и тяжелей. Словно бы нырял под воду, задержал дыхание сколько мог, а теперь выскочил, судорожно хватает ртом воздух. «Ах, вот ты где! — Фомин встал и топнул ногой по трухлявым доскам.— Черта с два я кому-нибудь расскажу, какие мне тут мерещились домовые. Я с самого начала знал, что он прячется под крыльцом. Я потому и сел на крыльцо».

Снизу послышалось кошачье чиханье. Фомин вспомнил юность, сбацал по доскам чечеточку и негромко спросил:

— Безин, тебе мои танцы еще не надоели?

Под крыльцом зашуршало, сбоку, из собачьей дверцы, выбрался путятинский супермен, весь в пыли, паутине, древесной трухе.

— Снимай ремень! — скомандовал Фомин. Безин с усмешкой протянул ему широченный, по последней моде ремень с ковбойскими бляшками. Фомин ловким приемом вывернул руки супермена за спину, стянул ремнем.— Теперь не побегаешь. Спокойно пойдем куда надо. И побеседуем по дороге...

— О чем, шеф? — нагло спросил Безин.

— О жизни.

Фомин решил осмотреть деревушку. Может быть, тут кто и живет, укажет дорогу. Три дома выглядели неброшенными, на окошках цвела герань, Фомин постучался в один, в другой, в третий. Никто не выглянул. Торная дорога сыскалась за церквушкой с провалившимся куполом. И, пожалуй, вела не в лесную глухомань, а куда-то в более населенные места.

Фомин не спешил заводить разговор с идущим впереди Безиным. «Нина права, парень нагловат и подловат. Супрунов уперся и не выдал его, а Безин и верного своего Супу заложит, и всех знакомых спекулянтов, и этих с иконами. Мальчишки молчат — или из чувства товарищества, или из страха перед главарями, а главари продают, главарям своя

шкура дороже. И не буду я с Безиным заговаривать по душам. У него и нету души. С Безиным правильнее сесть за стол и вопрос — ответ, вопрос — ответ...»

Впереди послышались громкие веселые голоса, скрип телеги, стук копыт по мягкой дороге. Кто-то ехал навстречу. Из-за поворота вывернул гнедой конь в нарядной упряжи, дуга расписана зелеными листьями и алыми розами. Фомин отступил с дороги и потянул за собой Безина. Гнедой бежал весело, Фомина поразило, что конь словно бы сияет от радости.

Но еще больше удивился Фомин, когда увидел, кто правит гнедым. Воистину мудра была бабушка Андрея Бубенцова, когда показала фотографию любимого внука! У подростка, который так лихо держит вожжи, волосы справа у виска торчат вверх. Как теленок лизал. Андрей Бубенцов, собственной персоной!.. Но когда Фомин разглядел, кто сидит рядом, у него глаза полезли на лоб. Кисель! Сидит, свесив ноги до земли, и что-то рассказывает Бубенцову с самой распрекраснейшей, дружеской улыбкой. «Как он сюда попал? Какие у Киселя дела с Бубенцовым?»

Третий в телеге сидел отворотясь, на задке, закутанный с головой. Фомин решил не удивляться больше ничему. Даже если он увидит в этой подозрительной компании дядю Васю. Или даже свою жену Валю! От Киселя можно ожидать чего угодно!

Меж тем Бубенцов заметил, что Безин находится на положении арестованного. Он побледнел, но не отвернулся, кивнул Безину и буркнул какое-то нечленораздельное приветствие. А Киселев ужасно обрадовался встрече с Фоминым.

— Приветик! Надеюсь, у тебя все в порядке? «Жигули» в плену? Возле болота? — По голосу чувствовалось, что он чрезвычайно доволен собой.

Телега проехала мимо, и Фомин увидел, что третий седок — самая обыкновенная деревенская старуха. Он испытал даже что-то вроде разочарования.

— Пошли! — скомандовал Фомин приунывшему Безину.— И ответь-ка на вопрос: какие отношения тебя связывают с Бубенцовым?

— Никакие.— Безин презрительно сплюнул.— Вы лучше поинтересуйтесь у него, где он лошадь украл.

— Спасибо за информацию. Поинтересуюсь! — Фомин подумал не без злорадства: «Значит, Кисель разъезжает на краденой лошади. Поздравляю!..» — Фомина не удивила легкость, с которой Безин выдал Бубенцова.— «Для такого типа это в порядке вещей. Зря Бубенцов проявлял свое благородство и здоровался с Бесом».— А откуда ты взял, что лошадь краденая? — Фомин задал вопрос с нарочитым неверием.— Старуху видел? Лошадь наверняка колхозная.

— Ну да, колхозная...— издевательски протянул Безин.

Фомину стало ясно, что отношения между этими двумя отнюдь не дружеские. Даже наоборот. На чем-то они не поладили. И быть может, не далее, как вчера, когда Безин вызвал к себе Бубенцова.

При таких обстоятельствах Фомину уже не доставило особой сложности получить у Безина необходимые сведения о Бубенцове. Без всякого деликатного подхода и задушевных бесед. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. Пока дотопали до Ермакова, из ответов Безина сложился вполне отвратительный облик Бубенцова. Крадет лошадей. В прошлом году связался со старым конокрадом цыганом дядей Пашей, тот ему передал какие-то свои секреты. И с похитителями икон связан. Если бы не Буба, то Безин бы с ними и не знался. Похитители икон обещали заплатить Бубе сто рублей. Они его подрядили обокрасть одну тетку. Она пса держит, лютого, как тигр. А Бубу собаки не трогают. Он сначала согласился за сто рублей, а потом струсил. Но, может, и не струсил — хотел потянуть и содрать побольше.

Киселев

По пути в Ермаково, в тряском автобусе, дебринская Анютка рассказала Володе, каким образом угодил в плен умный и самоотверженный Вихрь.

Ночью у одной из старух начались боли в правом боку. Час от часу сильнее. Что делать? Надо скорей в больницу. Запрягли Вихря и поехали. Врач после операции сказал, что, опоздай они немного, и больную бы не спасти. Гнойный аппендицит. Вот ведь какая беда. А Вихрь ее отвез...

— Уж он так старался...— вспоминала со слезами дебринская Анютка.— А я вовсе обеспамятела. Под утро хватилась: где наш спаситель? Увели! Я в сельсовет — не отдают! Велят, чтобы Хозяин пришел. А разве ему отдадут? Ему не отдадут... Как нам теперь в глаза-то ему глядеть, Хозяину...

Автобус остановился в Ермакове напротив сельсовета. Возле высокого крыльца понуро стоял привязанный к резному столбику гнедой конь. Дебринская Анютка кинулась к нему, обняла за шею. Конь обрадовался, заржал. «Да ведь это он, гнедой дикарь с лесной поляны!» — осенило Володю.

Из окна сельсовета выглянул сердитый человек в стальных суровых очках.

— Вот и Дебрь припожаловала! — ехидно провозгласил он, обращаясь к кому-то в комнате.— Сейчас мы им устроим очную ставку!

«Кто там у них? — заволновался Володя.— Неужели сам Хозяин, как его величают бабули? Но ни он меня не знает, ни я его. Придется ориентироваться по ходу разговора. Определить ситуацию и действовать...»

Володе очень помогло экспансивное поведение его спутницы. Пока она размахивала своей хворостиной, припоминала сельсоветчикам все прошлые обиды, Володя огляделся. Типичная конторская обстановка. Три письменных стола, деревянный диванчик для посетителей. В красном углу стол председателя, там сверкают стальные очки. На столе напротив лежат счеты с измызганными деревяшками, женщина, сидящая за этим столом,— бухгалтер. А другая, в уголке возле несгораемого ящика,— кассир. Перед этим обществом стоит гордо, как партизан на допросе, подросток. Володя мысленно перебрал в памяти листки с характеристиками из блокнота Кости-джигита. «Блондин? Несомненно. Уравновешен? Вполне. Стоит и молчит. Чем и довел председателя до белого каления. Да, здесь вся атмосфера пропитана его упрямым молчанием. Следовательно, они еще ничего не знают. Я тоже не знаю, на чем он попался, но за мной преимущество — я мыслю и анализирую». Володя приосанился и заговорил нудным голосом:

— Что тут происходит? Я учитель Андрея Бубенцова и хотел бы знать...

Люди с неорганизованным мышлением никогда не отвечают на прямо поставленный простой вопрос. Сначала Володе было высказано немало горьких истин о нынешнем состоянии педагогической науки и практики. Критику школы он перенес

Фомин не спешил заводить разговор с идущим впереди Безиным...

спокойно. Володя и сам мог бы кое-что сказать о Двудворицкой школе, но, разумеется, не в этой аудитории. Хладнокровно отнесся Володя и к выпадам против него лично, как негодного воспитателя. Наблюдая потихоньку за Андреем Бубенцовым, он сделал для себя очень важный вывод: этот уравновешенный блондин намерен по-прежнему не произносить ни слова. Меж тем сельсоветчики начали излагать состав преступления. Оказывается, Андрей пытался похитить лошадь, которую сельсовет конфисковал у присутствующей здесь гражданки. При этих словах Володина спутница вознамерилась что-то растолковать человеку в стальных очках, но Володя ее удержал. Как полагает Шопенгауэр, правда может подождать, потому что у нее впереди долгая жизнь. Пускай считают Андрея заурядным лошадником, а старуху из Дебри пускай подозревают в укрывательстве той шайки, насчет которой участковому передавали из города особое предупреждение. Упоминание участкового несколько смутило Володю, но, к счастью, вскоре выяснилось, что участковый уехал в город.

Все тем же скрипучим голосом Володя потребовал немедленной выдачи своего ученика Андрея Бубенцова, а также возвращения лошади и телеги присутствующей здесь гражданке. Призвав на помощь всю свою эрудицию, он цитировал опешившим сельсоветчикам уголовно-процессуальный кодекс, по которому задержание несовершеннолетнего может применяться лишь в исключительных случаях. Конфискацию Вихря Володя категорически объявил незаконной.

— Присутствующая здесь гражданка,— образцово нудил Володя,— проживает на территории Ермаковского сельсовета, и вы имеете возможность ее вызвать...

Сельсоветчики растерялись. Но неожиданный удар нанесла Володе кассирша:

— А расписку напишете? — спросила она и с видом превосходства оглянулась на председателя и бухгалтершу: вот, мол, как надо действовать с такими умниками. Говорить-то они мастера, а бумажку подписать кишка тонка.

— Разумеется! — свой уверенный ответ Володя подкрепил соответствующим жестом: протянул руку и нетерпеливо пошевелил пальцами: а ну, где эта бумага? Давайте ее сюда, мне некогда с вами канителиться...

Андрей Бубенцов глядел на него широко распахнутыми ясными глазами. Дебринская Анютка состроила постную мину, чтобы не выдать своей радости. У Володи еще была возможность отказаться от подлога, но он решительно извлек из кармана шариковую ручку и погрузился в болото канцелярского стиля: «Настоящим удостоверяю, что мною взят на поруки в Ермаковском сельсовете несовершеннолетний Бубенцов А...» Лихо подписавшись, Володя проставил внизу число и месяц, подумал немного и вывел свой настоящий адрес. Он не собирался скрываться от правосудия.

Вихрь помчал из Ермакова во всю свою стариковскую прыть, словно бы понимая, что отсюда надо уносить ноги как можно скорее. Дебринская Анютка отбросила хворостину и расхохоталась. Глядя на нее, засмеялся и Володя. Дольше всех крепился державший вожжи Андрей, но наконец и он присоединился к общему веселью.

«Мальчишка наверняка сгорает от любопытства,— думал Володя.— Сейчас начнет стеснительно выспрашивать, кто я такой и почему примчался к нему на выручку...»

Увы!.. Володино аналитическое мышление на этот раз подвело. К Андрею Бубенцову не следовало применять стандартных мерок. Он и не собирался ни о чем расспрашивать своего спасителя. Он просто и естественно принял Володю в друзья, бесхитростно стал рассказывать, как повстречал в лесу одинокого Вихря, обреченного конюхом на живодерню, как привел коня в Дебрь к трем добрым старухам, вспахал огород и стал называться Хозяином, пахать землю и запасать сено на зиму. Цыган дядя Паша снабдил Андрея мазью от лошадиных болячек и сварил по старинному цыганскому рецепту краску, превратившую Вихря из рыжего с белой отметиной на лбу в гнедого без всяких отметин.

Дядя Паша!.. Володя мгновенно вспомнил, что про дядю Пашу мельком упоминал при первой встрече Костя-джигит. Обмолвился, что дядя Паша показывал апачам, как цыгане ловят лошадей. «А я пропустил мимо ушей, не расспросил!»

Хорошо знакомый Володе старый цыган с медной лысиной и черно-седой всклокоченной бородищей с давних времен прижился в Путятине, работал в будке под вывеской «Металлоремонт». Володя еще в детстве носил дяде Паше в починку прохудившиеся кастрюли — на новые у него денег не было. А недавно старый цыган мастерски запаял исторический кубринский самовар. Не он ли научил Андрея делать красивые уздечки с бляшками?

— Ага,— сказал Андрей,— дядя Паша и цыганские умеет делать, и с русским узором.

— А еще чему он тебя учил?

— Дядя Паша говорит, на ипподромах, если лошадь стала нервная, непригодная для скачек, ее передают ребятам. Потому что лошади любят детей и стараются быть с ними добрыми. Она побудет с ребятами несколько месяцев, успокоится и опять может участвовать в скачках. Дядя Паша говорит, что и ребятам для улучшения характера полезно ходить за лошадьми.

«Ах ты, старый лошадник!» — с восхищением подумал Володя.

Из дальнейшего рассказа Андрея выяснилось, что ему помогал не только дядя Паша. Мальчишке удивительно везло на добрых людей. Старик из затерянной в лесу деревушки подковал Вихря и надарил Андрею разной упряжи, даже телегу подарил. И книги дал по кузнечному делу, велел учиться ковать. А уж три бабули из Дебри души не чают в Вихорьке.

— Все свои запасы моркови ему скормили,— рассказывал Андрей.— Придется в будущем году побольше вспахать под огороды. Овес обязательно посею.

Телега мягко катилась по заросшей лесной дороге.

— А вы знаете, почему тридцать первого августа день Флора-распрягальщика? — спросил вдруг Андрей.

— Знаю.— Володя обрадовался, что может поддержать беседу о лошадях.— По старинной легенде, пастухи потеряли табун и обратились за помощью к Флору и Лавру. Те помогли отыскать табун. С тех пор они и считаются покровителями лошадей. На иконах так и рисуют Флора и Лавра с пастухами на лошадях и внизу табун скачет. Ну, а у нас на Руси народный праздник, наверное, связан с окончанием полевых работ. Все убрано, свезено, пора дать отдых верному помощнику...

Андрей выслушал очень внимательно и сказал:

— И я так думал, что лошади заработали свой праздник.

«Вот тебе и Буба! — размышлял Володя, вспоминая воображаемый взрыв в химическом кабинете.— Мог ли я предвидеть, начиная поиск шпиона, выдающего тайны апачей Бесу, что мне удастся не только удачно провести оригинальное расследование, но и встретить среди ребят прекрасного мечтателя! Я еду с ним сейчас не в прошлое, не в старую, доживающую свой век деревню. Его мечта абсолютно современна. Реальна! Кто-то из великих сказал, что человеку — каждому! — надо посадить дерево и вырастить сына. Наше время добавило еще одну необходимость. Поработать на земле, походить за плугом И лучше всего в детстве...»

С той же простотой и бесхитростностью Андрей поведал Володе, что задумал перевестись из Двудворицкой школы в Ермаковский интернат.

— Мне деревенская жизнь больше нравится. И работа. Кончу школу и пойду работать в колхоз.

— Конюхом! — увлеченно подхватил Володя.

Увы. Он опять ошибся.

— Я пойду по специальности,— объяснил Андрей.— В сельской школе обучают на тракториста. К лошадям меня и так пустят.— Видно было, что мальчишка все обдумал серьезно и обстоятельно.— Вот только мама и бабушка...— Голос Андрея дрогнул.— Я им еще не говорил. Я бы давно сказал, да Вихря жалко. Они бы велели вернуть на фабрику. А мне его жалко отдавать. И маму жалко. И бабушку. Они плачут. После каждого родительского собрания. Им в школе наговорят...— Андрей отвернулся в сторону.— Меня в школе и в глаза обзывают. Дурак, мешком прибитый. Ну и пускай я для них дурак. Уйду в интернат, в Ермаково,— Андрей сел прямо, прищелкнул языком. Вихрь согласно тряхнул гривой, прибавил шагу. Андрей дал ему немного пробежаться и сказал ласково, негромко.— Да ладно тебе, не спеши,— и тотчас Вихрь поплелся с прохладцей.

— Слушается! — похвалил Володя.

— Ага,— согласился Андрей.— Понимает.— И добавил упрямо: — Если не отпустят в интернат, все равно в школе учиться не буду!

— Я знаю,— осторожно вставил Володя.— Ты недавно ходил в школу за документами, но тебе не выдали.

— Ага,— подтвердил Андрей, совершенно не интересуясь, откуда Володе известно, что он ходил за документами.

— Ты вышел из школы злой и обиженный,— задумчиво продолжал Володя,— и написал карандашом на стенке нового спортивного зала: «Курочкин предатель». Зачем ты это сделал?

Андрей и теперь не удивился, откуда Володя все знает.

— Я решил, что больше в школу не приду. А Курочкин...— Андрей замялся.

— Выдает одному человеку тайны апачей,— подсказал Володя.— А Костя-джигит подозревает тебя.

— Ага! — Андрей обрадовался тому, что Володя сам произнес неприятные слова.

«У мальчишки удивительно чистая душа! — восхитился Володя.— Он искренен и доверчив. У ограниченных людей это вызывает раздражение. Они

не понимают, как можно быть таким доверчивым и непосредственным. И прилепили свое тупоумное объяснение — дурак».

Дорога сделала поворот, и Володя увидел Фомина с каким-то подростком. Невозможно было отказать себе в удовольствии хоть немного поддеть Фому.

«Однако что за юнец его сопровождает? — Спутник Фомина произвел на Володю самое невыгодное впечатление. Тусклые глаза, мерзкая ухмылка. Володя огорчился, когда Андрей, поравнявшись с юнцом, дружески поприветствовал.— А ведь это Бес! — молниеносно определил Володя.— Жаль, что Андрей все-таки знается с этим типом.— Оглянувшись, Володя обнаружил, что у юнца, уходящего по лесной дороге на два шага впереди Фомина, руки связаны за спиной.— Ах, вот оно что! Бес пойман. Неужели это произошло в Дебри? Что там делал Бес? — Володя терялся в догадках.— Может быть, в Дебри что-то прояснится!..»

Надежды оказались напрасными. Старуха, оставшаяся в деревне одна-одинешенька, до смерти напугалась. Ходят двое, стучат в избы, а у одного — она в щелку подглядела — руки связаны. Не иначе как жулики!

Володя не стал ей объяснять, что жуликам незачем связывать друг другу руки и незачем стучать. Они бы тишком пошарили по избам.

«Только кого же искал Фома в Дебри? Почему водил с собой связанного Беса? Если Фома приходил за Андреем, он бы остановил нас по дороге. Да, загадка...»

Андрей распряг Вихря, угостил распаренным овсом, заботливо приготовленным к их возвращению.

— Иди погуляй! — Мальчишка положил руку Вихрю на холку, повел к воротам, но конь сделал несколько шагов и уперся, дальше не пошел.— Боишься? — ласково спросил Андрей и пояснил Воло-

Возле высокого крыльца понуро стоял привязанный к резному столбику гнедой конь.

де.— Видите, как его напугали. Он теперь долго будет всего бояться. У лошадей, знаете, какая память!

Вихрь понял, о чем говорит Хозяин, положил ему на плечо свою стариковскую костлявую голову. С Хозяином он никого и ничего не боялся, он еще больше поверил в могущество Хозяина, который пришел и забрал его от чужих недобрых людей, привел обратно в деревню, где Вихрь опять будет жить спокойно и делать нужную, правильную работу. Эта спокойная жизнь и правильная работа казались Вихрю теперь еще прекрасней и дороже, как бывает всегда с тем, что утратил, а потом посчастливилось сызнова обрести.

Человека, приехавшего на телеге вместе с Хозяином, Вихрь узнал и терпеливо надеялся, что получит от него посоленный хлеб. Так и вышло. Человек пошел в избу и вынес кусок, но не положил, как в прошлый раз, на землю, а протянул Вихрю на раскрытой ладони. Вихрь покосился на Хозяина и деликатно взял хлеб мягкими стариковскими губами.

У Володи комок встал поперек горла. «Неужели всему конец? Неужели нельзя оставить все по-прежнему? Ну, пускай бы старухи никуда не уезжали из своей родной деревни! И пускай бы конь, много поработавший на своем веку, доживал тут на покое. И ходил бы к ним из Ермаковского сельского интерната Андрей Бубенцов. Три старухи, да конь, да мальчишка. Славная компания!..»

— Пойдемте, я вам все покажу.— Андрей повел Володю по деревне, отпирал сараи и скотные дворы, показывал, каким хозяйством успел обзавестись. В одном месте Володя увидел плуг со сверкающим от недавней работы лемехом, в другом — крестьянские сани, подлатанные свежим деревом, с новыми железными полосками на полозьях. Володя понял, что каждую нужную ему вещь Андрей чинил и оставлял там, где она стояла. И при надобности словно бы по-соседски одалживался и с благодарностью возвращал.

— Сейчас еще покажу! — сказал Андрей с каким-то особенным выражением.

Он долго возился с хитрыми запорами вросшего в землю омшаника. Наконец тяжелая дверь из полуторных досок растворилась, на Володю дохнуло запахом меда и воска. Андрей прошел в омшаник, снял с окошка внутренний ставень. Вечерний розовый свет упал на ульи, стоящие повдоль бревенчатой, заново проконопаченной стены. Андрей возился у противоположной стены, снимал и откладывал в сторону доски, мешковину, какие-то латаные одежки. Из-под хлама появился громадный ларь — в таких когда-то хранили зерно. Андрей поднял массивную крышку и принялся снимать лежащие сверху старые газеты. Сундук оказался доверху наполнен иконами.

— Можно посмотреть? — спросил Володя.

— Ага. Только не перепутайте. Там написано, какая из какого дома.

Володя стал бережно вынимать одну икону за другой. Больше всего тут оказалось самых простеньких. Дешевая литография, поверх нее оклад из жести, грубо посеребренной или позолоченной, веночек искусственных цветов — и все это заключено в лакированный застекленный футляр.

Да, не шедевры древней иконописи! Не Рублев и не безвестный русский гений. Ну и что же! Володя внимательно прочитывал надписи на газетной бумаге. «Из дома Печниковой Груни», «Из дома Мочаловой Таси». Видно, старухи диктовали Андрею, что писать. И они подзабыли некоторые фамилии. Володе попались иконы, принадлежавшие какой-то «Нюре, у которой во дворе колодец», «безногому Николаю». Он аккуратно заворачивал бесценные семейные реликвии и вновь наклонялся над ларем. Может быть, там сыщутся и старинные доски! Их надо будет попросить у старух на сохранение в музей. И выставить обязательно с надписями: «Из дома такого-то в деревне Дебрь».

— Бабушки просили схоронить от плохих людей,— рассказывал Андрей.— Богатые, на «Жигулях» приехали, сначала хотели купить у бабы Ани все иконы. Баба Аня отказалась. А через день одна икона пропала. Самая дорогая. По пустым домам посмотрели — тоже поворовано, еще две, самые дорогие. Я расспросил, какие люди, какая машина. Ну и нашел, по машине узнал — желтые «Жигули». Туристы. В лесу жили, в палатках. И по деревням шарили. Я того дедушку сразу же предупредил, который Вихря подковал. А сам стал следить за туристами. Не сразу получилось иконы забрать, ходил несколько дней. А когда принес, бабушки решили и все другие иконы в деревне поснимать, спрятать в одном месте. Бабушки ждут, что люди вернутся в деревню. Как людям тогда в глаза глядеть, если жили здесь и не уберегли.

— Это хорошо, что ты помог бабушкам...— Володя запнулся: — «Спросить или не спрашивать? Эх, была не была, спрошу!» — и положил руку Андрею на плечо.— Но ведь туристов этих четверо. И собака. Как же ты?

— Ага. Четверо.— Андрей что-то вспомнил, тихо засмеялся.— Я подождал, они ушли. А собака что? Ей можно объяснить.

— Значит, правду говорят, что тебя собаки не трогают?

— Я всех собак не проверял.

Володя вновь склонился над ларем. Небольшой сверток был перевязан с особой тщательностью.

— Самая дорогая? — спросил Володя Андрея.

— Ага.

Володя развязал бечевку, с шорохом упали на пол газетные листы. Доска небольшого размера была сплошь черна. Володя провел пальцем по обратной стороне, нащупал порожек. Старинная! Приятели Толи не простые жулики. Специалисты! Володя заглянул в ларь и увидел еще два свертка, упакованных с особой тщательностью. Теперь он и не разворачивая мог сказать, что в них.

— Спасибо, Андрей! — произнес Володя торжественно.— Ты спас очень дорогие иконы. И не деньгами меряется их цена. Красотой!

— А я думал, они только для бабушек самые дорогие.

— И для них! И для всех! Ты молодец, Андрей. Я очень рад, что встретил тебя. И знаешь что? Если ты мне доверяешь...— Володя испытующе поглядел на Андрея и дождался его кивка.— Если доверяешь... Отдай мне то ружье, я его отнесу и сдам.

— Ага,— обрадовался Андрей.— И патроны.

«Вот и все. И кончился детектив»,— печально сказал Володя самому себе.

Фомин

— Где он взял патроны? — спросил Налетов.

— Прошлой зимой в Дебри жил охотник. Оставил целую пачку.

— Охотнички,— проворчал Налетов.— Туристики... Упускаем заброшенные деревни. Чуть иконы не прошляпили. Спасибо старику-ленинградцу.

— Его предупредил Бубенцов!

— Это тебе Киселев сказал?..— Налетов увидел

по лицу Фомина, что попал в точку.— Ты правильно делаешь, что опираешься на общественность. Но не очень-то увлекайся. Сегодня твой Киселев дает в сельсовете какую-то безграмотную расписку, посылает Куприянова уничтожить гать. Завтра еще что-нибудь выкинет...

Фомин стиснул зубы и промолчал. А что он мог сказать? «Это не мой Киселев! Возьмите его себе!» Глупо.

— Ты на будущее изучи как следует инструкцию о работе с общественными помощниками. Там сказано: «помощник не совершает самостоятельных следственных действий». Разъясни своему Киселеву.

«Как же! — подумал Фомин.— Ему разъяснишь!» Но оспаривать совет начальства не стал.

Киселев ждал его во флигельке у Нины Васильевны. Они о чем-то беседовали и разом умолкли при появлении Фомина.

— Ну?! — вскричал Володя с Васькиной выразительностью.

— Не понукай, не запрягал! — осадил Фомин своего «общественного помощника».— И учти, Нина — такой же работник милиции, как и я. Представитель закона. Действующий согласно правилам и инструкциям. Не смей ее втягивать в свои аферы!

Нина Васильевна покраснела.

— Коля! Как тебе не стыдно. У Владимира Александровича такие замечательные мысли! Мы составляем план работы. Владимир Александрович прочтет подросткам лекции о русском коневодстве.— Нина Васильевна поглядела на Володю: «Что же вы? Говорите! Вы скажете лучше меня».— Но Володя не раскрыл рта.— Мы организуем при Доме пионеров кружок,— продолжала она.— И чтобы не только катались. Возьмут шефство над стариками, будут пахать огороды, косить сено, возить дрова. Летом поездки в ночное!.. Купание лошадей в Путе!.. Представляешь, какое удовольствие для мальчишек?!

— Представляю.— Фомину было не до восторгов. Он с возрастающим напряжением следил за тем, как Кисель роется в карманах. Опять какие-то фокусы?

Вихрь понял, о чем говорит Хозяин, положил ему на плечо голову...

Доска небольшого размера была сплошь черна... Старинная!

— Возьми, может, пригодится,— Володя наконец извлек из внутреннего кармана пиджака мятый и грязный конверт в пакете из прозрачного полиэтилена.

У Фомина отлегло от сердца. Он догадался, что в этом конверте. Письмо апачам, оставленное в конюшне Лешкой Супруновым и его приятелями. В целях воспитания «общественного помощника» не мешало бы напуститься на Киселя. Какое он имел право держать у себя важную улику! Но уж больно у Киселя жалкий вид.

Фомин взял из Володиных рук злополучное письмо и, не заглянув в него, сунул в папку.

— Давай, Нина... Что у тебя там еще?

— В райкоме комсомола сказали: «Поддержим». Фабком — за, обещали дать лошадей. И Вихря мы непременно заберем к себе.

Володя скорбно отвернулся. И тут у Фомина лопнуло терпение.

— Ладно тебе! Не вешай носа. И пойми, я не могу хлопотать, чтобы Вихря оставили в деревне. Обязанность милиции — вернуть лошадь владельцу.

— Но неужели нельзя оставить все как есть? — грустно спросил Володя.— Три старухи, конь да мальчишка. Уже деревня не пропала, живет! Коля! Нина Васильевна! Поймите, мои планы работы с подростками не содержат ничего оригинального. Все это способен предложить любой мыслящий человек... А то, что создал Андрей Бубенцов... Вспомните, он живет в Доме Пушкина! Он придумал сказку и создал ее наяву, своими руками. В его сказку я бы позвал всех других ребят. Поймите, на свет родилась новая, самая современная детская игра!

Фомин понял, что ему тут больше делать нечего. Едва лишь он закрыл за собою дверь, Нина Васильевна нетерпеливо воскликнула:

— Продолжим, Владимир Александрович! Мы говорили о Мише Курочкине... Мишей займусь я. Мне уже давно казалось, что тайны апачей выдает он. У него какая-то обида на Костю-джигита.

— Обида на Костю?! — Володя молниеносно вспомнил рожи на стенах и заборах у школы. Костя Мусин там изображен дважды. «Каким я оказался недалеким! Надо было сразу догадаться, кто так мстительно нарисовал Костю-джигита. И ведь я был совсем рядом с разгадкой. Возвращаясь из школы, я встретил в Двудворицах Ваську и Костю-джигита, которые упустили Андрея. Я прекрасно помню свою тогдашнюю внезапную мысль, что Костя кого-то крепко обидел. И потом я спросил Костю про Мишу Курочкина, и мне ответил не Костя, а Васька. Я должен был обратить внимание на странную медлительность вождя, на его нежелание говорить о Курочкине. Да, разгадка была рядом, и я ее непростительно прозевал...»

— Я его, конечно, не оправдываю,— сказала Нина Васильевна.— Предательство — это предательство.

— Публилий Сир...— задумчиво начал Володя.— Публилий Сир говорил, что лучше не замечать обиду, чем мстить за нее.— Нина Васильевна хотела было спросить, кто такой Публилий Сир, но постеснялась.— А Бертольд Ауэрбах...— Володя сделал паузу, и Нина Васильевна успела дать себе слово, что сегодня же пойдет в библиотеку, поищет в энциклопедии и Публилия Сира и Бертольда Ауэрбаха. Не забыть бы только трудные имена! — Так вот, Бертольд Ауэрбах,— с пафосом произнес Володя,— сформулировал великолепно: «Кто мстит, тот вместе с другими губит и себя».

— И верно! — Нина Васильевна всплеснула руками.— Я так и передам Курочкину! Лучше и не скажешь! Большое вам спасибо, Владимир Александрович, за мудрые советы. А теперь...— Она заглянула в свой календарик.— Надо решить, на какое число мы назначим общий сбор всех лошадников.

— На какое?..— Володя неопределенно пожал плечами: «Не все ли мне равно, на какое».— И рассеянно уставился в окно.

Во дворе милиции шла своя жизнь. Въехал запыленный синий фургончик с красной полосой на боку, из него выпрыгнула рослая овчарка, степенно вылез пожилой проводник. А вот стремглав вылетел из дверей Фомин, вскочил на мотоцикл, и был таков. Наверное, получил новое задание. Навряд ли интересное. А это кто? Володя встрепенулся. Через двор, неуверенно оглядываясь по сторонам, шел к флигельку великий сказочник. Володя распахнул окно.

— Андрей! Я давно тебя жду! — и повернулся к Нине Васильевне.— Значит, запишем так. Общий сбор тридцать первого августа. В день, когда крестьянин по народной традиции давал отдых коню. У Вихря будет в этом году свой праздник! Законный праздник всех рабочих лошадей!

«Крепко проняло Киселя,— размышлял Фомин, мчась на мотоцикле.— Если уж он назвал собственные мысли неоригинальными, то дальше некуда. И мы на этот раз остались без финального рассказа нашего знаменитого путятинского сыщика.

Впрочем, в истории с похищенным ружьем и без финальных разъяснений все понятно. Бубенцов следил за туристами, чтобы улучить время и забрать иконы. Ночью он обнаружил неподалеку от туристов компанию Лешки Супрунова. Бубенцов отпускает лошадей, берет ружье, возвращается в Дебрь за патронами. Затем он опять у лагеря туристов, они уходят по своим делишкам, Бубенцов проникает в лагерь. Он умеет обращаться с собаками, поэтому Ральф его не трогает. Бубенцов отыскивает иконы и дырявит выстрелами шины. Возможно, он надеялся привлечь внимание милиции к этим туристам. Мальчишка прекрасно знал, кто они такие. Они через Безина пытались использовать Бубенцова, чтобы выкрасть иконы из дома одинокой старухи. Дом охраняет злющий пес по кличке Пират, а Безину известно от «шпиона» Миши Курочкина, что на Бубенцова не бросается ни одна собака. Кстати, туристам, когда они обнаружили простреленные шины, сразу стало ясно, на кого не гавкнул золотой медалист Ральф. Они дают нахлобучку Безину, тот посылает Супрунова за Бубенцовым. «В твоих услугах туристы больше не нуждаются, ты дурак, мог легко заработать сто рублей». Безин знал про Вихря и припугнул Бубенцова, что выдаст его тайну. Бубенцов обещал молчать и ушел очень довольный. Наконец от него отстали! А Безину досадно, что уплывают обещанные заграничные шмотки. Он крадет иконы в пустой, как ему кажется, деревне и приносит туристам. Сумка, которую он пытался выбросить, была набита барахлом, полученным за иконы. Туристы, конечно, народ опытный, знали, что на этой примитивной краже можно попасться, но жадность взяла верх. Самый осторожный преступник попадается из-за жадности. И из-за необходимости иметь дело с такими помощниками, как Безин. Толя обратил внимание на этого супермена еще в первый свой приезд в Путятин. Но сам Толя даже не подозревал о размахах деятельности солидных знакомых двоюродного брата. Думал, что они жертвы моды на старину, поворовывают для себя. А они входили в шайку, связанную с зарубежными антикварами. В Москве обрадовались, когда узнали, кто нами пойман с поличным. Мы в Путятине ухватили одну из ниточек крупного дела. Настоящий детективный сюжет, а не какое-то примитивное похищение из провинциального музея всего лишь однойединственной картины. И я бы мог рассказать свой детектив не хуже Киселя. Но не сейчас. Не стоит его огорчать. Когда-нибудь потом...»

КОНЕЦ

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Я учусь в 4 «б» классе, в школе № 20. Журнал «Пионер» выписываю первый год и, наверное, еще не умею участвовать в разговоре ребят. Но и мне хочется сказать, как я понимаю, что значит быть гражданином Страны Советов. Это значит быть патриотом и интернационалистом и очень любить свою Родину, защищать ее интересы. Нам, пионерам, надо хорошо учиться, потому что это пока наше самое главное дело, чтобы потом, когда мы станем взрослыми, приносить как можно больше пользы. В отряде мы провели на эту тему сбор и говорили о том, кто кем хочет стать и как готовить себя к взрослой жизни, чтобы делом доказать свою любовь к Родине.

Гульназ УЗБЕКОВА, г. Уфа.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск

«ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Здравствуй, «Пионер»! Рада включиться в сбор-поиск «Верность красному галстуку»! Храню эту верность уже больше пятидесяти лет. Вступила я в пионеры очень давно, в 1931 году. И стала членом первого пионерского отряда села Алексеевки Кармиловского района Омской области.

Три основных дела было у нас в те нелегкие годы: борьба за создание колхоза, борьба с безграмотностью и борьба с религией.

В неполные двенадцать лет мне довелось учить читать, писать и считать тридцать человек взрослых. Кончались уроки в школе, и начинались уроки в ликбезе. Только я уже была не ученицей, а учительницей. Удивительное, наверное, это было зрелище: пожилые крестьянки и бородатые деды за партами, а у доски я — маленькая девчонка с куском мела в руке. Вместе с азбукой мы несли людям и политическое просвещение. В нашем селе начали читать газеты, яснее понимать политику партии, охотнее вступать в колхоз.

Наше село состояло в основном из выходцев с Украины. Среди них было немало сектантов. Для антирелигиозной пропаганды мы использовали забытую сегодня форму работы — живую газету. На ходу сочиняли стихи, сатирические частушки, разыгрывали сценки. И устраивали представления во дворах домов, где сектанты собирались на молебны.

Мы считали себя строителями новой, прекрасной жизни и изо всех сил старались украсить родное село. Без всяких подсказок или указаний мы сами заложили фруктовый сад у здания школы. Выращивали и раздавали редкие в глухом сибирском селе саженцы крыжовника, малины, смородины, саженцы груш и вишен. Высаживали на улицах липы, рябины, черемуху, клены, тоже выращенные в школьном саду.

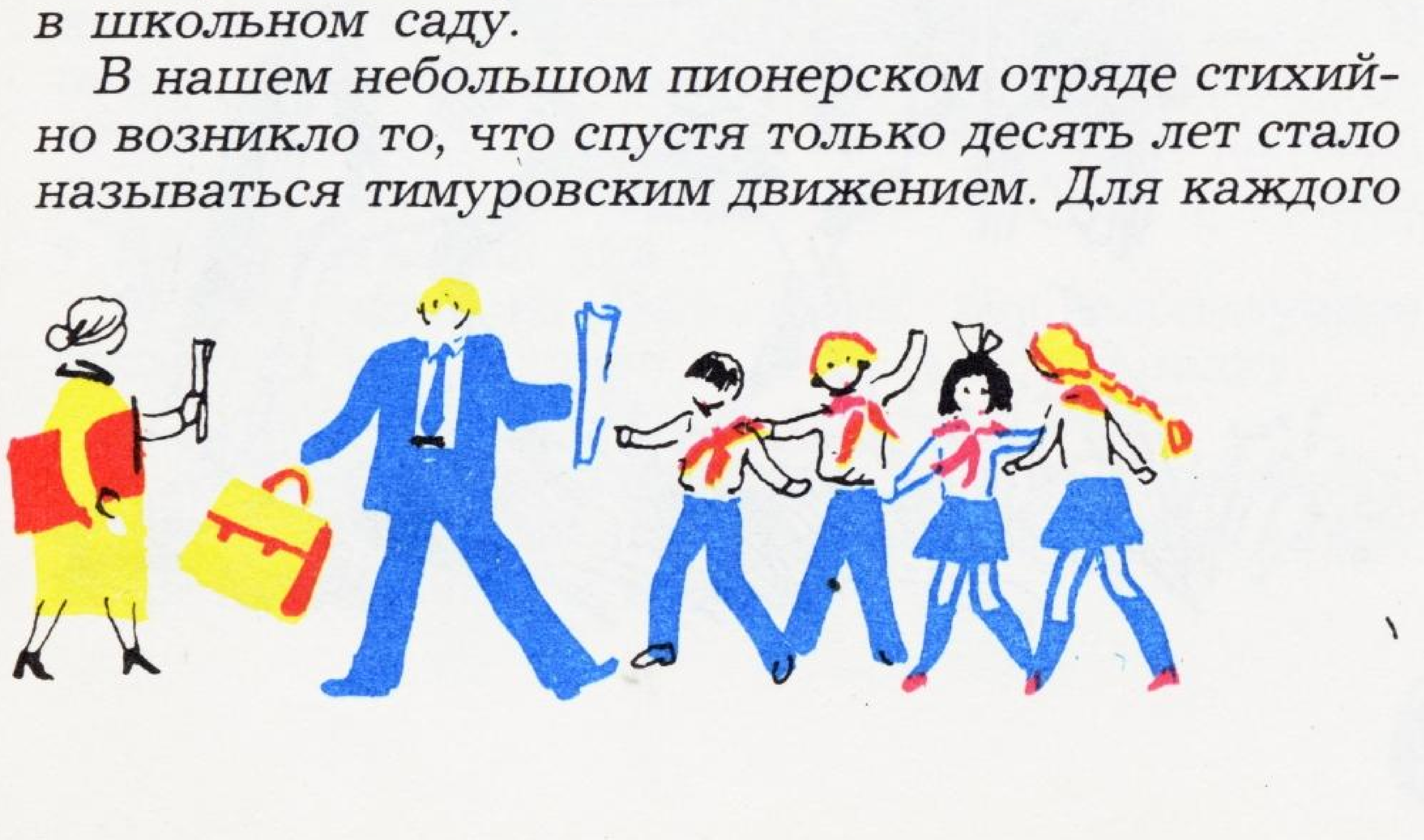
В нашем небольшом пионерском отряде стихийно возникло то, что спустя только десять лет стало называться тимуровским движением. Для каждого из нас было вполне обычным помочь многодетной матери или одинокому старику прополоть огород, загнать и подоить корову, наколоть дрова.

И еще мы помогали колхозу. Сметывали сено в стога, пропалывали рожь, собирали колоски вслед за жницами, жали сами, работали на току и на гумне. Мы дежурили в первой общественной пекарне — следили за чистотой и боролись с расхитительством. Зорко смотрели, чтобы возчики бережно перевозили зерно: прикрыв рогожей и не просыпая на ухабах. Нас боялись лентяи и неряхи, боялись нашей устной сатирической газеты, которая выходила «в эфир» ежедневно.

Больше сорока лет я проработала в школе. Весь мой опыт пионерской работы я стараюсь передать ученикам, нынешним пионерам. В нашей школе работает бывший член знаменитой «Военно-тимуровской команды», созданной ребятами во время войны, ныне Главный Тимур Омской области Виталий Иванович Голубцов. Под его руководством ребята взяли шефство над всеми престарелыми и нуждающимися в заботе людьми окрестных улиц. Каждую весну и осень вместе с пионерами мы высаживаем десятки деревьев на улицах нашего района.

Вот уже четыре года существуют в нашей школе секции баскетбола и гимнастики, работают драматический и музыкальный кружки. Почти все классы осенью, зимой и весной ходят в походы. Организуют все это родители наших ребят. Они тоже были пионерами и до сих пор хранят верность красному галстуку.

Анна Дмитриевна СКОЛОЗДРОВИЧ,
преподаватель русского языка
и литературы школы № 73 г. Омска,
заслуженный учитель РСФСР,
кавалер ордена Трудового
Красного Знамени.



Страничка для размышлений

Во втором номере «Пионера» в рубрике «Отряд говорит с отрядом» мы поместили письмо московской школьницы Лизы Филиной, председателя совета отряда. Лиза с тревогой говорит о том, что пионеры ее отряда, хоть и хотят самостоятельности, без классного руководителя шага ступить не могут. В отряде работают только несколько активистов, а остальные стараются переложить все на их плечи. Мы задали нашим читателям несколько вопросов и попросили высказать свое мнение о том, что происходит в Лизином отряде, рассказать о своем отряде. Вот какой получился разговор.

ИЯ ЧИРКОВА, ***с. Ташла, Оренбургская обл.*** *В прошлом году, в шестом классе, я так же, как и Лиза, была председателем совета отряда. Как и Лиза, я ничего полезного не сделала. Придумаю что-нибудь, а кто-то скажет: «Что тебе, больше всех надо?» И все из рук валится. Потом я даже предлагать боялась, стала думать: «А вдруг ничего не выйдет». А теперь я думаю: надо было быть более решительной, не отступать. Меня как-то никто не воспринимал всерьез, наверное, потому что я отличница. Все считают, что я зубрила, а я очень быстро учу уроки. Я уж иногда думаю: «Сделаться бы, как все»... Но не хочется тратить время по пустякам: говорить о вельветовых брюках, о магнитофонах и мальчиках. А противостоять этому я не умею. А еще я мечтаю о таком вожатом, старшем друге, как Феликс из повести Анатолия Алексина «Оля пишет Коле, Коля пишет Оле». Но вожатого у нас нет.*

ИРА ПЛЮШКИНА, ***г. Чимкент.*** *Председатель совета отряда в нашем классе мальчик, Андрей Румянцев. Он отличник, у него хорошее, примерное поведение. Но для ребят этого мало. Скука у нас в отряде. Никого повести за собой Андрей не может, не все же могут быть организаторами. А выбрали мы его, если честно, чтобы спихнуть на кого-то всю работу. И Лизиному отряду, и нам нужно было хорошо думать, выбирая командира, а командиру думать, как увлечь всех интересным делом. На каком-то сборе обсудить, что каждый пионер хотел бы провести в отряде. А так у нас сейчас совсем нет сборов, только классные часы.*

СВЕТА ХАМЛОВА, ***с. Ильинка, Северо-Казахстанская обл.*** *Командиром в отряде надо выбирать смелого, активного человека, ловкого в пионерских делах, то есть хорошего организатора. А чтобы отряд не делился на актив и пассив, нужно проводить вместе больше времени. Мы играем, ходим в походы, помогаем ветеранам войны и труда, собираем материал для музея боевой и трудовой славы. У нас всегда все хорошо организовано, мы хорошо учимся. Нам всем вместе интересно. На месте Лизы я одна вряд ли что-то смогла бы сделать. Я бы постаралась постепенно объединить ребят, а с их помощью привлечь к пионерскому делу и остальных.*

ЛАРИСА ХОХЛОВА, ***г. Волгоград.*** *Почему скучно ребятам в веселом Лизином классе? Да потому, что все делает за них классный руководитель. Ребята сами для себя должны выбрать дела, которые им интересны, а объединить всех должен такой человек, который может быть организатором, увлечь ребят и повести за собой. Такого и надо выбирать председателем совета отряда, даже если он не отличник. Классный руководитель проводит у нас классные часы, и там решаем учебные вопросы и классные проблемы. А сборы мы проводим самостоятельно, это наше пионерское дело, и классный руководитель нам только помогает. Объединяет нас общая интересная работа. В нашем отряде интересно всем, потому что каждый что-то делает для отряда.*

ВАДИМ КОЛБИН, ***г. Йошкар-Ола.*** *Мне хочется спросить Лизу: почему вы допустили, чтобы всем распоряжалась классная руководительница? Разве она член Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина? Почему молчит совет отряда? Почему за помощью вы не обращаетесь в совет дружины? Помогать председателю и совету отряда должны и звенья, там должны начинаться многие отрядные дела. На пионерском сборе, как и во всей пионерской жизни, хозяева сами ребята. Классный руководитель может быть только гостем, советчиком, помощником, но не командиром. А вот классный час проводит классный руководитель, и там все решает он, советуясь с ребятами. Ясно, что скучно всем в Лизином классе, потому что решает и делает все учитель. Надо было командиром выбирать человека, который умеет поднять отряд на хорошее дело, вовлечь в это дело всех ребят, даже пассивных. Я председатель совета отряда, но в звене своем веду работу. Мне поручено оформлять стенгазету. Если человеку нравится поручение, он всегда выполнит его с радостью.*

НАТАША ЕВТУШЕНКО, ***г. Псков.*** *Было время, нам, как и Лизе, казалось, что все потеряно. Но вот однажды нам посчастливилось участвовать в финале городских игр «Старты надежд». В нашем классе много спортивных ребят, и вот мы буквально вырвали победу в очень тяжелых состязаниях! Потом мы выиграли соревнования в области, все вместе поехали во Всероссийский лагерь «Орленок». И пусть там из 120 команд мы оказались на 64-м месте, мы стали такими дружными! Мне кажется, у каждого отряда и у каждого человека есть свой «конек», дела, которые больше нравятся, которыми хочется заниматься. С этого и нужно начинать Лизиному и всякому другому отряду, чтобы подружиться. А дружным ребятам все по плечу и ничего не страшно.*

ОКСАНА ГОРЕЛИКОВА, ***пос. Черемхово.*** *Если каждый подумает: «Справятся и без меня», кто же выполнит необходимую работу?!*

В. ЩЕГЛОВА, ***с. Измалково, Липецкая обл.*** *Чтобы каждому человеку жилось в отряде хорошо, надо быть взаимно вежливыми, стараться понять друг друга. В дружном отряде все поручения хочется выполнить с радостью.*

ЕЛЕНА ГОРБАЧЕВА, ***г. Москва.*** *Надо добиться, чтобы каждый что-то сделал для отряда и другого человека.*

РЕБЯТА! Нам кажется, этот разговор не нуждается в комментарии. Мы благодарим и всех остальных ребят, приславших нам свои размышления. Надеемся, он поможет вам увереннее шагать по второму этапу Марша юных ленинцев под девизом «Имя Ленина в сердце каждом! Верность партии делом докажем!».

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Я люблю тебя, «Артек»!

Вы уже знаете, что по приглашению Юрия Владимировича Андропова с 8 по 21 июля в гостях у советских ребят побывала американская школьница Саманта Смит. Самые добрые воспоминания увезла с собой Саманта от встречи с «Артеком» и артековцами.

«Мое пребывание в «Артеке»,— сказала Саманта Смит,— было прекрасным, очень, очень прекрасным. Я буду скучать по моим новым друзьям! Но верю, что мы останемся друзьями даже через моря и океаны. Надеюсь когда-нибудь вернуться! Я люблю тебя, «Артек»!

I stand for peace!

В № 7 нашего журнала мы обратились к вам, ребята, с просьбой написать Саманте Смит. Редакция получила сотни теплых, искренних писем из разных уголков Советского Союза.

Мы благодарим всех, кто откликнулся на нашу просьбу. Ваши письма, ребята, мы передали Саманте. Часть из них опубликуем в рубрике «Пионерский марш мира».

Фотографии С. ЛИДОВА.

«Я очень люблю «Пионер». Начала выписывать его давно, еще октябренком. В «Пионере» мне все нравится, но, поскольку я сама пишу стихи, больше всего я люблю «Кораблик». Вот я и высылаю свои стихи...» Таня МАЗУРКЕВИЧ, 11 лет, школа № 12 имени А. М. Горького, город Днепропетровск.

О чем задумался, Тимоха?

Посвящается моему коту Тимофею

Сижу на стуле у окошка.
Передо мною кот Тимошка.
Пушистый и красивый зверь.
И не косится он на дверь —
Глядит через окошко
Пушистый кот Тимошка.
На мордочку невинную
Раздумья мрак нашел.
Ведет он думу длинную —
Не знаю я, о чем...
Его поглажу непременно,
И он мурлыкнет мне в ответ.
И мрак тогда пройдет
мгновенно...
Смотрю, а уж Тимоши нет.

Рыжие метели

Улетели журавли
В голубые дали.
Где-то на краю земли
Лето повстречали.
Скоро будет снегопад
По дороге виться.
И на лицах у ребят
Радость заискрится.
А сейчас пора у нас
Словно золотая.
И кружится листопад,
Будто бы играя.
Не свистят уж соловьи —
Тоже улетели.
А кружатся во дворе
Рыжие метели.

«Летом я жил в деревне Симе на Архангельщине. Это удивительный край. Везде лес да лес, только не такой, как наши Жигули. Дома там деревянные. И церкви есть, и колокольни, и самые настоящие мельницы. Там я познакомился с ребятами — они не такие, как наши: не задираются. И ходят босиком! Я тоже научился ходить босиком и плавать «собачкой». И еще я катался на лошади. Там небольшой колхоз. Все ребята охотно в колхозе работают, и им даже деньги платят. Жаль, что я там мало прожил... А в «Кораблик» я шлю свои стихи о школе». Артур БЕЗМЕНОВ. 5-й класс, школа № 27, г. Куйбышев.

Пятиклассник

Наступила золотая осень,
Пожелтели стройные березы.
Может быть, под стать такой погоде
Получаются стихи серьезны.

Пятый год хожу я в эту школу,
Знаю все наперечет ступеньки.
Подхожу к родному кабинету —
Начинают вдруг дрожать коленки.

Может, плохо сделал я уроки?
Может быть, задача не по силам?
Ведь вчера весь вечер я пробегал,
Часа на уроки не хватило.

Сразу вдруг упало настроенье,
Ухожу я в угол коридора.
Что скажу учительнице строгой,
Той, что часто верит мне на слово?

ДАЧНИКИ.
Рисунок Алёши МАЛИНКИНА.
8 лет.

Саша ЛЕБЕДЕВА пишет стихи с трех лет. А еще она увлекается археологией и конным спортом. Живет Саша в Уфе, учится в 7-м классе школы № 35.

Летом

Над холмистыми полями месяц светит.
В темноте похрапывает конь.
На поляне, солнцем опаленной,
Тускло светит трепетный огонь.

Любопытно смотрят звезды с неба,
Лошади пасутся у реки.
У костра резвятся ребятишки,
Думают о жизни старики.

Кони ржут и гривами качают,
Отгоняя злобных комаров.
Мысли о богатом урожае
В головах сейчас у мужиков.

Кленовый листик

Листик, похожий на лапку гусиную,
Листик кленовый, багряно-малиновый,
Летит, подгоняемый ветром осенним,
Касается веток осины и вербы.
В лучах восходящего солнца играя,
Сверкает, пылает огнем.
Он кажется звездочкой, сорванной с неба,
Светить захотевшей не ночью, а днем.

«Мне 14 лет, пишу понемногу рассказы, стихи. Главной темой своей избрал фантастику. Живу я в небольшом шахтерском городе Еманжелинске, Челябинской области. Город еще очень молод. В начале сороковых годов тут только появились первые строения, а сейчас уже в городе живет 60 тысяч человек. Виталий КАРЦЕВ».

Когда?

Далек и труден к звездам путь,
Но, думаю, когда-нибудь
Стартующий с Луны корабль,
Зеленым пламенем сверкая,
В бездонный мрак Вселенной
Погрузится...
Закончит гордо свой полет
И нам ОТТУДА привезет
Познания крупицы.

Алена АРТАНОВА — москвичка. У нее много хороших стихов. Вот одно из них.

Ожидание

Вот в сад ворвался вихрь морозный,
Заставил рощу дань платить.
И платят золотом березы,
Да все не могут угодить.

А ветер пуще, пуще вьется,
Он подбирает лист златой,
И над березами смеется...
Но вдруг исчез за пеленой.

Но не покоя роще надо:
Она уже устала ждать,
Когда же на дорожках сада
Начнет кружиться снег опять.

Катя ПРЯХИНА живет в Москве, учится в 4-м классе школы № 6. Этот рассказ Катя сочинила, когда была еще второклассницей.

Случай из летней жизни

Это произошло летом на даче. Мы с сестрой Настей строили шалаш. Вдруг нас позвала мама. Мы подошли к ней.

— Смотрите! — сказала мама.

Там, в тазу с грязной водой, трепыхался вороненок.

— Ой! — сказала Настя.

Мы вытащили вороненка. Я взяла его в руки и почувствовала, как сильно он дрожит. Мы приготовили ему постель на веранде, но он забился под кровать. Настя дала ему крошек, но он не стал их есть. А утром я взяла и отодвинула кровать. Птенец лежал на спине, глаза были затянуты пленкой. У меня промелькнула страшная мысль. Дрожащими руками я взяла птичку. Она была холодной. Не в силах больше сдерживаться, я разревелась. Птенца мы похоронили у нас на участке.

Полина потом говорила:

— Бедный вороненочек!

А Даша, младшая наша сестра, не понимала, что такое «умер», и носила ему крошки.

Я до сих пор не могу подойти к его могиле и обхожу ее.

Юрий КОВАЛЬ

САМАЯ ЛЕГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Продолжение. Начало в № 9.

Рисунки автора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Берегите уши

— Вы еще не проснулись? Проснулись вы или нет?

Кажется, я еще не проснулся.

— Неужели вы спите? А вид такой, будто вы проснулись.

Такого вида у меня быть не могло, ведь я не открывал глаз. Я хотел возразить, но подумал: начну спорить — сразу станет ясно, что я проснулся. Я решил промолчать и всем своим видом показать, что еще не проснулся.

— Ладно. Вы лежите и слушайте. Только на секунду приоткройте глаза, покажите мне, что проснулись, а потом можете снова закрывать.

Я открыл глаза и увидел старуху, сидящую напротив. Она была в черном платке, который окутывал голову и плечи, из платка выглядывал кривой колдовской нос.

Над головою старухи висела нога в розовом носке. Это была нога капитана-фотографа, и я вспомнил, что мы в купе поезда, увозящего «Одуванчик» из Москвы.

— А теперь закройте глаза и слушайте. Закрывайте, закрывайте...

Неловко пялить глаза, если их просят закрыть, и я покорно сомкнул веки.

— Вот молодец. Хорошо. А теперь слушайте. Я хочу вас предупредить, а то умрете и сами не узнаете отчего. Главное — берегитесь Волны!

Мне захотелось немедленно открыть глаза, но я удержался.

— Я вам все расскажу, хоть это и секрет. Надо беречься Волны. В ней все дело. Вы поняли? Ну, теперь откройте глаза и покажите, что вы все поняли.

Я открыл глаза. За колдовским носом разглядел я серые орлиные очи.

— Волна эта чрезвычайно опасна, — говорила старуха, наклоняясь ко мне.

— Какая волна? — собравшись с силами, сказал я.

— Лучевая, — пояснила старуха. — Вы поняли?

Кажется, я все понял. Старуха была «с приветом» и сейчас пыталась передать мне этот привет.

— И еще я скажу вам: берегите уши.
— Как это?
— Разве вы не слыхали, что уши — вместилище разума?
— Не слыхал.
— Как же так? Ведь все проходит в мозг через уши! Именно уши — вместилище разума.
— Так говорили древние греки,— послышался голос, и капитан-фотограф свесил вниз свою профессиональную бороду.
— Вот это умница! — воскликнула старуха.— Вот умница так умница!
Мудрые слова капитана-фотографа поразили ее, и она восклицала, прихлопывая в ладоши.
— А как же глаза? — спросил я.— Глаза-то что ж такое?
— Глаза — это источалище разума,— пояснила старуха.— Они разум источают, а уши — вместилище.
— А нос-то, небось, чихалище? — спросил капитан и засмеялся на верхней полке.
— А ты, парень, что-то уж больно развеселился,— сказала старуха,— а ведь едешь и сам не знаешь куда. Не знаешь, куда едешь, не знаешь, что тебя ждет.
— Может, вы нам скажете? — прищурился капитан.
— Сами скоро узнаете! — крикнула старуха, передразнивая капитанский прищур.— Но один из вас домой не вернется.
Я вздрогнул. Все эти глупости, которые толковала колдунья про Волну, меня особо не взволновали, но когда она стала пророчить гибель одного из членов экспедиции, я рассердился.
— Выйдите отсюда! — сказал я, подымаясь.
— Уехали двое, потом вас будет четверо. А все равно один домой не вернется. Только не знаю, кто.
— Выходи, тетка,— сказал я,— а то сейчас Волну сделаю!
— Мало каши ел,— сказала старуха, презрительно подымаясь. Она хлопнула дверью, и капитан-фотограф спрыгнул с верхней полки.
— Гадалка, что ли? — спросил он, натягивая брюки.
Поезд между тем приближался уже к нашей станции. В окно видно было, что на улице дождь. Серые железнодорожные ветлы гнулись под порывами ветра.
Мы сошли с поезда и по хлюпающей, разваленной тракторами дороге отправились к Сиверскому озеру.

Глава II

Дождь в Коровьем заливе

Дождь не переставал. Он то моросил тоскливо, то начинал отчаянно хлестать, то прощально шелестел в кустах, обещая скоро кончиться, но не кончался, а придумывал что-нибудь новое, например, падение капель сразу со всех сторон.
Я заметил, что меня дождь старается промочить сильнее, чем капитана. Профессионал-фотографу удавалось увернуться, он нашел с дождем общий язык, я же ругал дождь на все корки.
Комары летали между каплями дождя и ныли:
— Нннннннннннннннннннннннннннннн...
И с комарами капитан-фотограф быстро поладил. Изредка только похлопывал он себя по щеке, укоряя комаров этими ласковыми шлепками.

Берега Сиверского озера заросли черным ольшаником, продираться через который к воде было неприятно. Капитан облазил заросли и нашел заливчик, где можно было спустить «Одуванчик» на воду. Берег здесь был истоптан коровами — тысячи копыт отпечатались в черной и жидкой грязи.
И дно у берега оказалось топким, вязким, илистым. Пока мы спускали лодку, со дна поднялась такая муть, что трудно было разобрать, где вода, где берег. Все вокруг и даже небо над озером казалось беспросветной коровьей жижей.
Я торопился отплыть скорее. Я знал, что, как только мы поплывем, сразу начнется новая жизнь и где-то там, впереди, за дальним берегом, там и комаров меньше и дождь уже перестал.
Огорчали рюкзаки. Продуктов мы взяли немного, рассчитывая на уху, а все же рюкзаки получились огромными. Они были похожи на двух зеленых свиней с карманами. Рюкзаки сильно подпортили внешний вид «Одуванчика». Стремительная лодка походила теперь на ласточку, к которой приделали верблюжьи горбы.
Из пелены дождя на берег вышла корова. Она остановилась в двух шагах от лодки и стала разглядывать нас.
— Куда? — закричал капитан, пугая корову удочкой.
Не разевая своей мокрой и жующей бегемотской пасти, корова заревела:
— Ммммммммммммммммммммммммммм...
— Нннннннннннннннннннннннннннн... — поддержали комары.
— Садись же скорей! — кричал я капитану, который все мыкался по берегу.

Капитан-фотограф размышляет о сущности рюкзаков

Подымая со дна волны мути, капитан взобрался в лодку. «Одуванчик» шатался и приседал под невиданным грузом.

За первой коровой на берег вышла вторая, а за нею и все стадо. Обмахивая нас хвостами, коровы одна за другой входили в воду, и скоро весь залив был заполнен коровами. Капитан пугал их удочкой, но тупо глядели они на фотографа-профессионала и всасывались в озеро, утоляя свою непомерную коровью жажду.

Я оттолкнулся веслом от берега, и «Одуванчик» отправился наконец в плавание... Увидев нас плывущими, какая-то чернушка замычала, другая подхватила, и вот уже все стадо ревело в нашу честь, и под этот рев, лавируя между крупными рогатыми скалами, мы выплыли из Коровьего залива на Большую Воду.

Неуютно оказалось на Большой Воде. Здесь бродили холодные волны. Серый северный ветер заворачивал нос «Одуванчика», а дождь хлестал сильней и казался мокрее.

Нос лодки зарывался в воду, а я орудовал веслом пугливо, неуверенно. Казалось, достаточно одного неудачного гребка — и лодка пойдет ко дну.

— Мы перегружены,— сообщил с носа фотокапитан.— Высадил бы ты меня на берег. Я лучше пешком пойду. «Одуванчику» будет легче.

Но до берегов было далеко. Хоть и греб я плохо, а мы уже плыли по самой середине озера. Коровий залив остался позади, а Москва со всеми этими Кларами, милиционер-художниками... где она?

Перегруженные и робкие, мы были одни среди серых волн и каждую секунду могли остаться здесь навеки.

«Одуванчик» понял, что мы перепугались, и старался, как мог. Он перепрыгивал с волны на волну, уворачивался от самых опасных. Он был терпелив и покорен, как конек-горбунок.

Заметив эту ловкость и терпение лодки, я поуспокоился, заработал веслом веселей. Вначале я думал, что это я ударами весла двигаю лодку. Но «Одуванчик» сам летел вперед, а я должен был только поддавать жару веслом, веселить свою лодку и аплодировать ей.

Вот волна набегала на нас, вырастала перед носом, но «Одуванчик» легко взлетал на ее вершину, а я хлопал волну веслом по спине: «Катись дальше!»

Тут новая являлась волна, сердитая и седая. Она грубо наваливалась, но увертывался «Одуванчик», и я хлопал волну по спине: «Катись дальше!»

Скоро мы приблизились к другому берегу. Не было видно на нем ни дома, ни души, только одинокие столбы чернели на посветлевшем небе.

Здесь и вправду дождик перестал.

Откуда-то из-за пригорка на берег вышла лошадь. Верхом на ней сидел человек, слишком уж толстый для верховой езды. Около столба лошадь остановилась, и всадник вдруг на глазах раздвоился, превратился в двух человек: большого и маленького. Маленький побежал по берегу к лесу, а большой крикнул:

— Эй, на катере! Спичек нету?

— Разве ж это катер? — сказал я, подгребая к берегу.— Это лодка, самая легкая в мире. Назвал бы еще баржой.

Мы вылезли на берег. Всадник сидел на травке, а лошадь привязана была к столбу. На боку у лошади висела табличка, на которой нарисован был череп, пронзенный молнией. Вокруг черепа вилась надпись:

«Не влезай — убьет!»

Пашка глядит, как я дым из носу пускаю.

Глава III

Череп, разбитый молнией

Привязав нос «Одуванчика» к раките, я вылез на берег и хотел было присесть рядом со всадником, как он сказал:

— Трава сырая. На вот, подстели.

Из черной хозяйственной сумки он вытянул табличку с черепом и надписью «Не влезай — убьет!» и протянул мне. Потом достал еще одну, отдал капитану. Сам он, по-видимому, тоже сидел на табличке «Не влезай — убьет!».

Мы уселись на черепа, и всадник протянул мне свою твердую, как лодочное весло, руку.

— Натолий,— сказал он.

Почтительно пожав весло, мы познакомились, закурили.

— Веслаетесь? — спросил Натолий, начиная разговор.

— Веслаемся,— согласился я.— Веслами гребем...

— А я обколачиваю,— сказал Натолий.— Да вот погода сегодня...

Мы с капитаном дружно кивнули, соглашаясь, что погода никуда, и я невольно подумал, что странная собралась на берегу компания: двое веслаются, один обколачивает.

— А что вы обколачиваете? — спросил капитан.

— Столбы, чего же еще. Вон табличками с черепушкой.— И Натолий кивнул на то, на чем мы сидели.

— Это специальность у вас такая, обколачивать?

— Специальность у нас монтер. Вначале столбы ставим, потом линию тянем, а уж в конце обколачиваем. Не влезай, мол, на столб, а то током дернет.

— Неужели на каждый столб табличка? — спросил капитан.

— Через раз,— пояснил Натолий.— На первом столбу он прочтет — на второй уже не полезет. Ну, а пока до третьего дойдет, может и позабыть, что

написано. Возьмет да и полезет на столб. Так что на третьем опять приколачиваем.

— Да неужели есть такие люди, которые на столбы лазят? — наивно спросил капитан.

— Бывают.

— Да чего ему там делать-то, на столбе?

— А ничего,— сказал Натолий.— Залезет и сидит.

Капитан искоса глянул на столбы, стоящие вдоль берега,— не сидит ли кто? Но пусто было на столбах, только на пятом или шестом от нас сидела ворона. Заметив, что мы глядим на нее, ворона неуклюже вспорхнула и полетела над озером.

— Сами-то нездешние, что ли? — спросил Натолий.

— Из Москвы.

— То-то я гляжу — нездешние плывут. Вид у вас, что ли, такой, нездешний?

— А с вами кто на лошади ехал? — спросил я.— Здешний или нездешний?

— Со мной? Со мной никто.

— Да как же! Двое слезли с лошади.

— Ах, вон ты чего! — засмеялся всадник-монтер.— Так это здешний. Сын это мой, Пашка. Увязался за мной, а теперь и побежал куда-то.

— Не заблудится?

— По столбам найдет. Я ведь только по столбам езжу.

— А мы на Багровое озеро пробираемся,— сказал капитан.

— Как же так? Сами нездешние, а на здешнее озеро плывете?

— А разве здешние на Багровое озеро плавают?

— Не проплыть,— сказал Натолий и покачал головой.

— Да ведь протока есть. По протоке доберемся.

— Нету протоки,— сказал Натолий-всадник-монтер.— Откуда ей быть?

— Как же нету протоки? — сказал капитан-фотограф, оборачиваясь ко мне.— Говорили же — есть протока.

— Нету, парень, нету протоки, а макарка совсем заросла.

— Какая макарка?

— А какая на озеро ведет.

— А как она выглядит, эта макарка-то?

— А никак не выглядит,— сказал Натолий.— Я ж говорю: заросла.

Разговор запнулся. Печально и растерянно глядел на меня капитан.

— А где она, эта макарка, которая к Багровому вела?

— Там, где мост коровий,— ответил Натолий.— Оттуда шла макарка к Багровому, а уж из Багрового другая макарка — к Илистому. А уж из Илистого в Покойное.

— Значит, тут не только Багровое? Тут еще Илистое озеро есть?

— И Илистое есть, и Покойное, а вот макарок нету. Заросли.

— У нас лодочка легкая,— сказал капитан.— На ней можно хоть по болоту плавать.

— Засосет,— сказал Натолий.— В черную чарусью попадете и засосет. Там, в макарках, чаруси есть. Ямы черны, бездонны, засасывающи.

Глава IV

Пашка и Папашка

До Коровьего моста капитан-фотограф пошел берегом, а я повел «Одуванчик» через озеро. Легко и быстро пересек я середину и под лесом, на другом берегу, увидел черные сваи, торчащие из воды. Это и вправду оказался мост, старый, прогнивший, и я понял, что название «Коровий» к нему вполне подходит.

Скользкие его сваи были непомерно толсты. Они лоснились масляной торфяной чернотой, лениво выказывая из воды неповоротливые бока.

На мосту лежал толстенький опавший лист. Подпрыгнув и шлепнувшись в воду, он оказался лягушкой.

Под мостом, между бревен, набилось так много коряг и обломков, что продираться через этот озерный хлам на «Одуванчике» не стоило. Лодку надо было перетаскивать.

Сразу же за мостом вела в глубину заболоченного леса узенькая струя черной воды — та самая макарка. Было видно, как петляет она среди таволги и тресты и пропадает неподалеку. Здесь, поблизости, макарка казалась вполне судоходной, но что делалось впереди, в серых и белых болотных травах, угадать было невозможно.

Поджидая капитана, я решил половить рыбу.

Из тростников поднялась цапля. Вобрав в грудь свою гордую корабельную голову, она полетела над макаркой к Багровому озеру.

— Где цапля, тут и рыба,— подумал я и закинул удочку.

Тут же клюнуло, я подсек и вытащил маленького окунька.

— Будет уха,— обрадовался я.

Окунька я отпустил, слишком уж он был мал, снова закинул удочку и снова вытащил того же самого окунька.

Раз за разом закидывал я удочку, а ловил все одного и того же окунька.

Встав на колени, я заглянул под мост.

В прозрачной воде я увидел сотни и тысячи окуньков. Они плавали над песчаным дном, то собираясь в стайки, то рассыпаясь в стороны. Я заметил, что они разбегаются, как только я шевельнусь. Подниму руку — рассыпаются, опущу — опять собираются в стайку. Мне понравилась эта игра, и так, махая руками, я стоял на коленях и глядел под мост.

— Окуней гоняешь? — послышался голос.

На мосту стоял мальчик, лет шести, очень похожий на окунька. В руке у него была жестяная короткая сабелька, в которой я с интересом узнал подрезанную табличку «Не влезай — убьет!». По табличке я и догадался, что это та самая часть всадника-монтера, которая в свое время отделилась от лошади.

— Тебя Пашкой звать?

Окунек моргнул, разглядывая меня. Необычная лодка и мой нездешний вид сильно его удивили, но расспрашивать, кто я такой, он не решился. Как-то это некрасиво сразу спрашивать, кто ты, мол, такой да откуда. И я молчал, потому что сразу болтать, что я такой-то, плыву туда-то, тоже не очень красиво. Мы молчали. Пашка-окунек глядел на меня, а я достал трубку, закурил.

— Слушай, парень,— сказал Пашка.— А как это ты дым из носа пускаешь?

Я захлебнулся дымом, закашлялся, выпуская из носу немалые между тем клубы,— вопрос оказался неожиданным.

— Само как-то получается,— ответил я и, набрав дыму, повторил этот нехитрый номер — выпускание из носу табачных струй.

— Здорово,— сказал Пашка.— Змей Горыныч, а?

Раздувая ноздри и вращая глазами, чтобы подчеркнуть свою близость к семейству Горынычей, я окутался облаками дыма.

— Дело, в общем, простое,— сказал я, отфыркавшись.— Беру дым в рот, а выпускаю через нос. Ты попробуй, набери воздуху в рот, а выпусти через нос.

Раздув щеки, Пашка набрал воздуху в рот, сомкнул губы и напыжился.

— Ну, теперь валяй, выпускай.

Пашка покраснел, закрутил глазами, подражая мне, но выпустить через нос ничего не мог. Губы его наконец отомкнулись — воздух вылетел наружу.

— Не выходит,— сказал он.— Я чего в рот набираю — ртом и выпускаю, а уж что в нос — то из носу. У тебя-то, может, нос неправильный. Можно потрогать?

Растерянно кивнув, я наклонился, и Пашка потрогал мой нос.

— Все вроде правильно,— сказал он.— А теперь ты потрогай, как у меня нос, правильный ли?

Так мы стояли на Коровьем мосту и трогали друг друга за нос.

— Как тут насчет рыбы? — спросил я.

— Нету рыбы,— сказал Пашка и махнул рукой.— А вот щуки много.

— А щука не рыба?

— Ты что, парень? Какая же щука рыба? Щука — это щука. А вот окунь, подъязок, ляпок — это рыба. А щука не рыба. Она-то всю рыбу здесь и поела, а теперь щуку Папашка жрет.

— Какой Папашка?

— Тот самый, с Илистого озера. Он не только щуками, он больше лосями питается.

Окуньки, что стояли под мостом, собрались в темный табунок. Тычась в скользкие сваи, они подымали головы, повиливали хвостами против течения.

— А этих-то,— сказал я, указывая на окуньков,— Папашка не жрет?

— Жрет помалу,— ответил Пашка.— Но этих-то сколько надо на три головы.

— Разве у него три головы?

— Одна щучья,— сказал Пашка, загибая палец,— другая — медвежья, третья — человечья. Щучьей-то он рыбу жрет, а медвежьей лосей...

— А человечьей? — спросил все-таки я.

— А человечьей что попало,— ответил Пашка.— Мы-то что попало едим, так и Папашка.

— А людей он как? — осторожно спросил я.— Трогает?

Пашка серьезно посмотрел на меня, печально и значительно кивнул: увы, людей он тоже трогает.

— И какой же головой?

— А тремя сразу.

— А в Багровое озеро он заплывает? — с легкой тревогой спросил я.

— В Багровое ему не пролезть, макарка заросла совсем. Да и чего ему в Багровом делать? В Багровом ведь бесы хозяева. А бесов Папашка не жрет, они горькие.

— Тут есть ведь еще одно озеро,— сказал я,— Покойное. А там-то кто живет?

— Ты что ж, сам не понимаешь?

— Не очень.

— Покойники,— сказал Пашка.

Я слегка растерялся. Действительно, догадаться, кто живет в Покойном озере, было нетрудно, но как-то в голову не приходило, что вопрос решается так просто.

— Покойники в земле лежат,— сказал я.— Чего им в озере делать?

— Это тихие в земле. А те, что порезвей, в озере плавают. В земле скучно лежать.

— Да, брат,— сказал я, похлопал Пашку по плечу.— А мы-то собирались рыбу ловить. Останемся, пожалуй, без ухи.

— А ты раков налови,— сказал Пашка.— Здесь раков много. Вечером так и ползают по песочку.

Глава V

Рачья ночь

На высоком берегу вновь среди столбов объявилась фигура монтера-всадника. Шагов за двадцать до Коровьего моста всадник, к удивлению, опять раздвоился, и капитан-фотограф спрыгнул на землю.

— Ну как уха? — весело кричал капитан.— Как рыба? Наловил на уху?

— Мелочь.

— Надо мелочи наловить,— громко командовал капитан.— Из мелочи уха наваристей.

Прокатившись на лошади, капитан-фотограф приободрился, повеселел. Ни о бесах, ни о покойниках он не подозревал, деловито оглядывался, отыскивая макарку.

— Вот она, макарка,— сказал всадник-монтер, указывая пальцем в глубину болота.— С полкилометра проплывете, а уж как там — не знаю.

— Прорубимся,— сказал капитан.— Или прокопаемся. У нас есть топор и лопатка.

— Лучше уж серп,— сказал Натолий,— Тресту жать.

— Тресту будем руками выдирать,— быстро нашелся не имеющий серпа капитан.

— Вам виднее,— согласился всадник-монтер.— Только чарусьи остерегайтесь, краешком плывите, не лезьте в середку, засосет. Щепку бросишь — и ту засасывает.

— Щепка ей ни к чему,— сказал Пашка,— Ей бы теленка.

— Как это? — не понял фотограф-капитан, впервые приглядываясь к Пашке.— Для чего теленка?

— Ей живое надо,— пояснил Пашка.— Торф-то мертвый, но он чарусью родит. Она и сама из торфа, только живая. Бывают здоровые — быка проглотят. Есть и поменьше, чарусеньши, но тоже глотают.

— Какие чарусеньши? — спросил капитан, оглядываясь на монтера-всадника.— Неужели живые?

— Что-то вы нас совсем запугали,— сказал я и засмеялся для капитана.— То Пашка говорит, в Багровом бесы живут, то чарусеньши.

— Какие еще бесы? — обеспокоился капитан.— Где бесы? В Багровом?

— Не знаю я,— сказал всадник.— Какие там бесы. Воет что-то по ночам.

— Волки, наверно.

— У волка голос нежный. А тут гнус какой-то. Гнусит, гнусит.

Упираясь коленками в лошадиный добродушный бок, Пашка вскарабкался на лошадь, и как-то хоть и медленно, а быстро, всадник-монтер и Пашка стали уходить от нас не прощаясь, на высокий и крутой подымаясь берег.

Отошедши шагов с двадцать, всадник все-таки оглянулся и крикнул:

— Чарусьи остерегайтесь...

И больше они не оглядывались, по столбам, по столбам удаляясь от нас, а когда мы вытащили на берег «Одуванчик», ни всадника-монтера, ни Пашки, ни даже столбов видно не было — быстро темнело.

— Бесы-чарусеньши,— бормотал капитан-фотограф.— Чепуха, чушь. Больше-то он ничего не рассказывал, чего там еще есть?

— В Багровом только бесы,— честно сказал я.— А вот в Илистом Папашка живет... трехголовый. Ну а в Покойном озере и сам можешь догадаться, кто живет.

— Кто же? — спросил недоверчиво капитан.

— Покойники.

— Черт знает что! — сказал капитан.— Бесы, покойники. И мальчик-то большой. Наверно, уж в школу ходит.

Мы разбили палатку, развели костер, и капитан-фотограф взял удочку, привязал самый большой крючок, насадил червя.

— Сейчас мелочь спать пошла,— говорил он,— крупная к берегам выходит. Сейчас накинется на московского-то червячка.

Перед отъездом из Москвы мы накопали червей, на которых капитан особо надеялся. Ему казалось, как только местные рыбины увидят московского червяка, тут уж сразу с криком «московский!» навалятся на наши удочки.

Я взял фонарик и пошел по берегу поглядеть, не видно ли и вправду раков.

Медленно шагая по хрустящей старой тресте, я освещал песчаное дно и видел камушки, утонувшие прутья, скорлупу перловиц.

Берег изогнулся, дно наклонилось вглубь, и я увидел рака.

Он двигался к берегу из глубины озера и шел не задом, как мы думали, а прямо шагал вперед, выставив две черные по бокам клешни.

Вступив в электрическое пятно, лежащее на дне, рак остановился. И пока он раздумывал, откуда здесь электричество, я шагнул навстречу, опустил руку в воду и выставил свои пальцы против его клешней.

Присев на хвост, он поднял плечи, а клешни наклонил косо, чтоб удобней было хватать и рубить. Грозен и готов к бою был его вид — пальцы мои ничуть его не смутили.

Бледно-розово и неуместно выглядела моя рука, стоящая в воде напротив рака. Неясно было, с какой стати затесалась она в чужой придонный мир да еще и шевелилась нагло, раздражая подводного рыцаря.

Тут я понял, что рак этот огромен. Две косо расставленные клешни были шире моих растопыренных пальцев. Его блестящие глаза-глазки выставились над треугольным лицом. Они двигались на стебельках. Длинные тугие усы шевелились между клешнями, со дна доставая поверхности озера.

Я решил обхитрить рака, обойти его сзади, чтоб взять за панцирь позади зловещих клешней. Повел руку в обвод, но рак — и вправду рыцарь — обернулся на хвосте, заметив мой нервный маневр.

Мечтая о рачьей перчатке, я водил рукой вправо-влево и, наконец решившись, сверху накрыл соперника, резко прижал к песку. Рыцарь рубил клешнями воду, щекотал и кромсал ладонь — я выхватил его из воды и кинул на берег.

— Эй, капитан! — крикнул я.— Неси ведро! Рыцаря поймал!

Капитан с ведром подбежал ко мне, восторженно затолкал добычу в жестяную посудину. Рак стучал клешнями об стенки, вытягивал к фонарю свои глаза.

— Смотри-ка,— тревожно шепнул капитан,— крест у него на хвосте.

На средней из черных панцирных чешуй, которыми оканчивался рачий хвост, действительно был заметен маленький светлый крестик.

Отчего-то этот крестик испортил настроение. То ли мы сильно устали за день, то ли соединился крестик с бесами и покойниками. Но, пожалуй, за один день слишком много набралось разной ерунды:

Бесы и покойники,
Папашка трехголовый,
крест на рачьем хвосте.

— Не знаю, что делать,— сказал капитан,— рань-

Коровий мост. Отсюда началось вторжение в заросшую макарку.

ше я крестов на рачьих хвостах не замечал. Можно ли его сварить и съесть?

— Одного варить глупо,— заметил я,— надо еще наловить.

С фонариком и ведром, в котором трещал и корябался рыцарь, мы вернулись на берег. Я осветил дно, и рука моя дрогнула.

Раки наступали из глубины. Один за другим выходили они из мутной тьмы, подняв к небу свои черные военные усы.

Бледный и нездешний, обмотавший руку полотенцем, чтоб хватать легионеров, капитан-фотограф стоял по колено в воде, готовясь к предстоящей битве.

Двухклешневые, длинноглазые, угрожающе подбоченившись, с крестом, который хоть и не был различим, но угадывался, раки быстро окружали нас. Иные взгромождались на камни, чтоб получше нас разглядеть, другие подползали, прижимаясь к песку, третьи покачивались на стеблях канадской элодеи, которую справедливо зовут водяною чумой.

Выбрав крестоносца покрупней, капитан сунул руку в озеро, и сражение началось.

Впрочем, обладатель редкого оружия — вафельного полотенца — капитан-фотограф сразу же оказался победителем. Он просто хватал рыцарей и бросал в ведро. Скоро в ведре, гремя доспехами, лязгало и скрипело с полсотни легионеров. Из ведра они не умели добраться до капитана и схватывались между собой, вспоминая старые ссоры.

Многие воины не выдерживали капитанского успеха, и, поджавши хвост, улетали обратно в глубину. Они не пятились, они улетали, как торпеды. На поверхности воды виден был их усатый след.

Ведро повесили над костром, и, окутанный рачьим паром, капитан помешивал в нем еловою палкой, приготавливая чудовищное варево. Некогда черные, а теперь огненные усы и клешни высовывались из ведра, и над ними царила зловещая тень капитана.

— Я раков не раз варил,— объяснял мне капитан,— с Петюшкой Собаковским мы как-то съели по сту раков. В рака надо больше соли, больше перцу, больше лаврового листа.

Я слушал старого ракоеда и думал, что же будет дальше и возможно ли это в жизни — поедать вареных рыцарей?

Глава VI

Казбек раков

Ночь приблизилась, подошла вплотную, и ничего вокруг нас не осталось, только костер, только мы с капитаном, только ведро, из которого валил пряный пар, да песчаная кайма берега и серебристый нос «Одуванчика», подвинувшегося к костру поближе.

Капитан снял с костра ведро и вывалил раков на траву.

Груда раков, курган раков, гора Казбек раков возвысилась над землей рядом с мигающим жарким костром. Бурые панцири, алые клешни, багровые усы тянулись к небу, нацеливались, угрожали и просто так торчали в разные стороны.

Не раков и не рыцарей в багряных теперь доспехах напомнили они, а жителей планеты Сатурн, космических пришельцев, которых мы с капитаном по глупости наловили, сварили и приготовились есть. И я содрогнулся, представив, как прилетят на Землю эдакие пришельцы в форме раков, а какие-нибудь типы вроде нас с капитаном сунут их в свой наивный бульон.

Капитан тем временем схватил космического гостя, обжигаясь, взломал панцирь, с хрустом оторвал шейку и высосал брызнувший сок. Каннибальски подмигивая мне, он сопел и грыз. Откровенное блаженство было нарисовано на лице пожирателя пришельцев из космоса.

— Помню с Петюшкой Собаковским...— урчал каннибал-фотограф.— Ну и раки были тогда... А ты что сидишь? Бери вот того здорового.

— Что-то не могу,— сказал я.— Мне кажется, это пришельцы.

— Что такое?— обиженно остановился капитан.

— По-моему, это пришельцы из космоса, с планеты Сатурн. Вот и крест у них на хвосте. Видал ты когда-нибудь рака с крестом?

— Не видал,— сказал капитан, позабывший уже про крест.

— Конечно, это пришельцы,— сказал я,— в форме рака.

Капитан оглянулся на озеро, над которым клубился уже тревожный глухой туман. Ничего на первый взгляд особенного не было в этом тумане — обычный ночной земной туман, сырость и глухота. И все же в нем жило, таилось нечто космическое. Почти не шевелясь выползал туман к берегу, обтекал костер, касаясь наших щек и коленей. В ночи и в тумане мы остались совсем одни перед горою пурпурных пришельцев из космоса.

— Зачем же мы их наварили-то?— спросил капитан.

— По глупости. Приняли за раков. По простоте душевной.

— А может, это все-таки раки?— сказал капитан.— Если это пришельцы, зачем у них рачий вкус? Ну пускай форма, а вкус должен быть другой, неземной, космический. По-моему, это раки.

— А почему у них на хвосте крестик?

— Откуда я знаю? Крестик так крестик, ничего страшного. Может, этот крестик принесет нам счастье!

И капитан надломил нового рака и высосал сок. И счастье заблистало в его глазах, запуталось в бороде.

— Черт возьми!— сказал капитан.— Можно в конце концов рубануть и пришельцев, если они съедобны.

И мне показалось, что вареный рак в руках капитана каким-то чудесным образом превратился в долгожданный плод — персик, но только не персик. Именно с таким счастливым видом, как будто это персик, но только не персик, а что-то еще и космическое, неземное, озерное, капитан поедал рака.

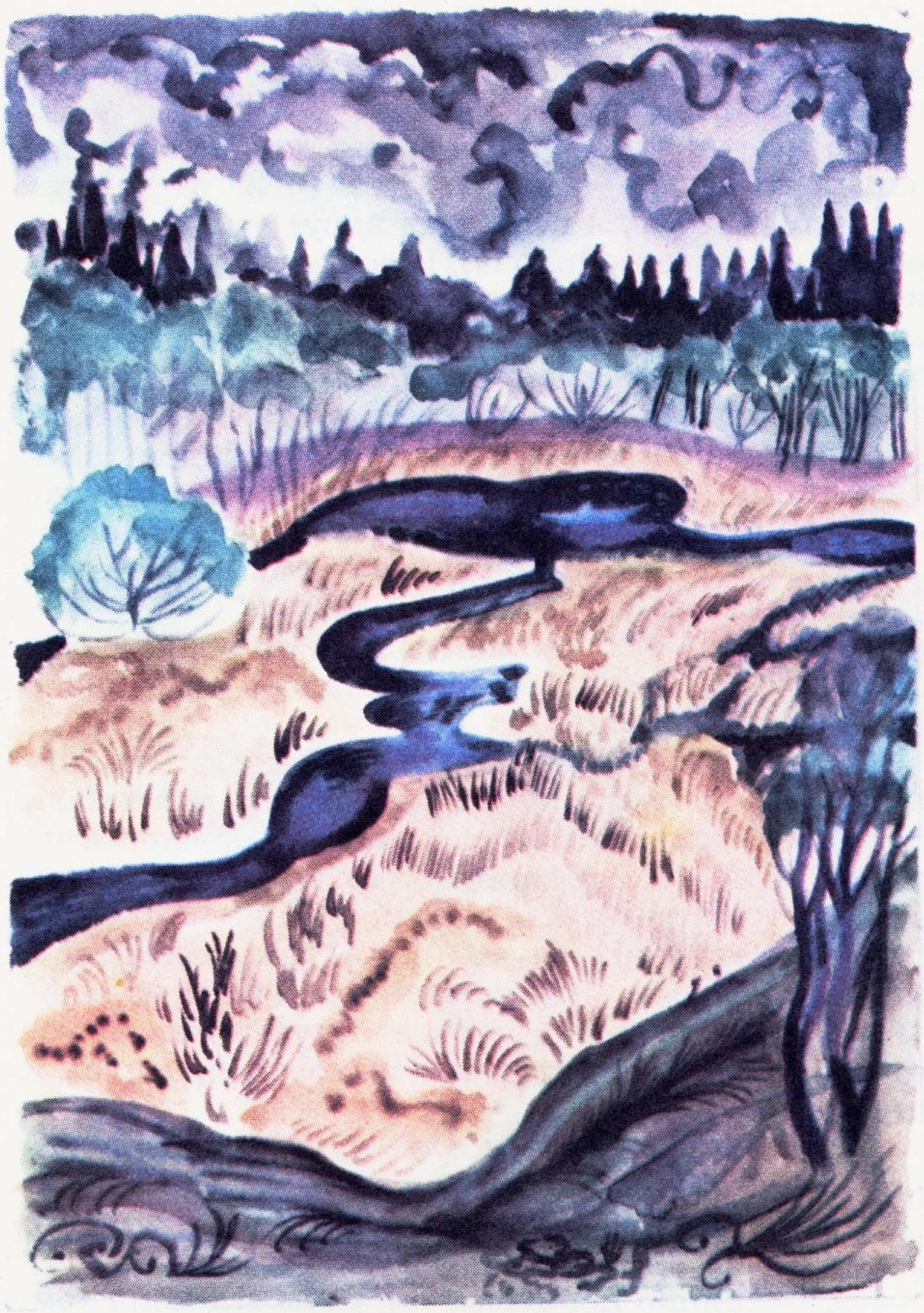
Вслед за ним и я достал из кучи небольшого рачка, аккуратно отломил клешню.

— Фу!— сморщился капитан.— Неправильно. Кто так ест рака! Погоди сосать клешню. Надо, пожалуй, научить тебя правильно есть раков.

Глава VII

Наставления капитана-фотографа

— Я не знаю, как едят пришельцев из космоса,— наставлял капитан,— а рака надо правильно взять в руки. За панцирь — левой, за шейку — пра-



Взгляд на Макарку с горушки у Коровьего моста

вой рукой. С правильной постановки рук начинается поедание этого редчайшего и сладчайшего плода водоемов.

В старые времена, конечно, существовал особый столовый раковый прибор, похожий на эдакий настольный велосипедик. В нем были разные крючочки, вилочки, колесики, при помощи которых поедался рак.

Теперь такие приборы — редкость, руки и зубы — наш велосипедик. Итак, взяв рака, как полагается, надо разломить его пополам и выпить сок, струящийся как из левой, так и из правой части...

Наставляя меня, капитан-фотограф демонстрировал все это на примере, и я неловко повторял за ним взламывание, высасывание и поедание.

— В раке съедобно все,— говорил капитан.— Даже его панцирь, который состоит из особого вещества под названием «хитин». Настоящие ракоеды, к примеру Петюшка Собаковский, охотно вкушают его. Поверь, что и хитин имеет свой вкус, если это, конечно, настоящий хитин. В конце концов не каждый день удается отведать истинного хитина. Добавлю, что хитин полезен хоккеистам.

— А как едят клешню? — робко спросил я.

— С клешнями надо обращаться осторожно. Легким нажимом взломав клешню, надо вынуть ее содержимое так, чтоб получилось как бы две клешни. Одна из панциря, другая — обнаженная, розовая...

Капитан причмокнул, надкусил клешню и ловким ракоедским движением вытащил ту, другую, внутреннюю клешню, обнаженную и розовую. Сунув ее в рот, капитан продолжил:

— Мясо рачьих клешней — мужская пища. Тот, кто есть клешни, обладает крепким рукопожатием... И, наконец, финал — раковая шейка! Королева стола! Заметь, что раковая шейка на самом деле — рачий хвост. Но так она вкусна, так бесподобна, что назвать ее хвостом никто не решается. Это единственный случай, когда чей-то хвост называют так возвышенно. Один поэт так воспевал раковую шейку:

О, шейка рака!
Как собака,
Тебе я предан всей душой...

Другой поэт, из круга Веневитинова, писал еще восторженней:

В мой рот вошло речное диво!
Дрожит от жадности кадык.
И шейку тронувший стыдливо
Бледнеет бедный мой язык...

Именно так нужно есть раковую шейку, стыдливо, застенчиво. Мало на земле людей, которые достойны ее.

Воодушевленный, капитан-фотограф хлюпал стыдливо соком, застенчиво прикрывал глаза, вслед за ним и я принялся взламывать раков, высасывать, брызгаться и хрустеть.

Туман же над озером сгущался. На багровых рачьих панцирях блестела холодная роса.

Глава VIII

Мутное сердце тумана

Я не мог уснуть. В палатке было душно.

Туман, вползающий через щели, покрывал мой лоб испариной, как холодная подушка, наваливался на грудь, придавливал и душил. Палатка была набита туманом.

А там, за брезентовыми стенками, была тишь. Ничто не булькало, не ворочалось, не плескало, но я точно знал, что это неправда. Там обязательно что-то двигалось, что-то булькало и плескало, только очень тихо, еще тише, чем движение тумана.

Раки опять наступали из глубины на берег, ночные летучие мыши летали над нами, и выдра проплывала, спрятав голову под водой. А что еще там делалось, я не знал, не бесы ли катались на лодочке под бесшумными парусами?

Мне представлялась небольшая коричневая лодочка, набитая молчаливыми бесами, и туманный парус, и бес-капитан с седыми усами, и рожи бесов-матросов, испачканные чугунною сажей.

Что они делали там, в лодке, я не видел: рыбу не ловили, выдру не гоняли, только для чего-то мочили в воде толстые веревки.

— Ты спишь? — спросил я капитана.

Капитан спал. Спал капитан, убаюканный усталостью, духотой и туманом.

Я вылез из палатки в полную темноту. И все же, как ни странно, в темноте этой виден был туман. То ли белый, то ли сизый — неведомо какой.

Вытянув руки, пошел я к берегу озера, наткнулся на корму «Одуванчика», потрогал его холодную серебряную кожу.

Забрался в лодку, сел на свое место, прикрыл глаза. В «Одуванчике» мне было спокойнее, чем в

палатке, дышалось легче. И я решил подремать в лодке, дожидаясь рассвета.

Бесы ли шутили надо мной, но и в лодке не дремалось, не спалось. Взяв весло, я легонько ткнул им в дно озера, и лодка отошла от берега. Неожиданно поплыл я в темноте и тумане.

Изредка опуская за борт весло, я слегка касался воды, которую не видел и не слышал ее плеска. Порою я даже и не зацеплялся веслом за воду и двигался вперед, отталкиваясь от тумана.

«Так и надо,— думал я.— Так и надо плыть — отталкиваясь от тумана. Для этого и создан «Одуванчик».

Туман над озером оказался легче, чем тот, в палатке, прибрежный. Там он был гуще, там он давил на грудь, а здесь пролетал легко, оставляя на щеках влажный след.

Чем дальше отплывал я от берега, тем нежнее становился туман, я чувствовал это кожей лица: нежнее, влажней, невесомей. Он не терял своей густоты, но непрестанно менялся. В темноте тянулись над головой легчайшие туманные нити, которые вели в недра тумана, к самому его туманному сердцу.

«Мутное, наверно, у него сердце,— думал я.— Муть да белая серость. Ни черта там не видать, в его сердце».

Бесформенным и рыхлым огромным комом представлялось мне сердце тумана, оно лежало на воде, посреди озера, неподвижное и густое.

«Надо хоть добраться до него, поглядеть,— думал я.— В самое сердце я вплывать не буду, рядышком, около поплаваю».

Туман не мешал мне. Он вроде и не сердился на человека, который собрался доплыть до его сердца.

Впереди я заметил темное пятно. Своей глубиной и бархатностью оно отличалось от всей остальной ночной темноты, и поэтому притягивало к себе. Ударив веслом, я всплеснул воду и вплыл в черный круг, очерченный туманом на воде.

Чистый ночной воздух окружал теперь меня. «Одуванчик» плавно пересекал свободный от тумана пятачок черной воды, окруженный глухими белесыми стенами. Далеко-далеко высоко в небо уходили стены тумана, а там, где кончались они, горели три яркие к земле наклоненные звезды.

Я остановил лодку и сидел, испуганный, в сердце тумана, задрав голову к небу.

Я узнал эти звезды, внезапно открывшиеся мне,— Пояс Ориона. И, пробиваясь сквозь туман, светили в небесах и остальные звезды, и все созвездие Орион стояло надо мной, над озером, над пустым сердцем тумана.

Не знаю отчего, но я всегда радуюсь и волнуюсь, когда вижу созвездие Орион. Мне кажется отчего-то, что созвездие это связано с моей жизнью. Как будто даже Орион — о, небесный охотник! — наблюдает за мной, хоть и маленьким, а живым, и я ни перед кем, а только перед ним отвечаю за все, что делаю на Земле,— за себя, за свою лодку, за плавание в сердце тумана.

Неподвижно сидел я в лодке, не шевелясь стоял вокруг меня туман и не шелохнувшись — волна под килем «Одуванчика», только свет Ориона двигался к нам и достигал нас.

Как некоторые южные люди загорают на Солнце, так и я подставил свое лицо под свет Ориона и чувствовал кожей прикосновения его лучей.

Они не были теплыми или холодными, они касались кожи почти незаметно и все-таки отпечатывались на лице. Не знаю, что изменилось на нем — светлела или темнела кожа, но я чувствовал, как проходит моя усталость и тревога, легче, яснее становится на душе.

«Все не так уж плохо,— думал я.— Вот я даже доплыл до сердца тумана».

Прикрыв глаза, я вспомнил вдруг людей, оставленных в городе,— Орлова, Петюшку, Клару, милиционера-художника, и тех других людей, о которых не пишу здесь, в книжке. И все они казались мне совсем неплохими, и, пожалуй, самыми лучшими, и самыми легкими в мире.

Подремывая и вспоминая, я долго сидел так в лодке, а когда открыл глаза, увидел, что нет уже надо мной Ориона и туман сомкнулся над головой.

За туманом, где-то неподалеку, слышался тихий и жалостный вой.

— Ууууууу...— то ли вздыхал, то ли плакал кто-то так горько и печально, что хотелось немедленно кинуться на помощь.

«Не бесы ли? — подумал я.— Не бесы ли заманивают меня в какую-нибудь жалобную трясину?».

Легонько ударяя веслом, я поплыл поскорее на этот вой и чем быстрее плыл, тем светлее становилось вокруг, развеивался, таял туман.

«Кто же это воет? — думал я.— Неужели капитан-фотограф? Кто-то прихватил его и душит во сне».

Быстро поспешил я, погнал «Одуванчик», и нос его врезался в прибрежный песок. Я бросился к палатке.

— Эй, капитан! — крикнул я, откидывая полог.— Ты чего воешь?

Капитан заворочался, высунул из спального мешка бороду.

— А? — хрипло прорычал он, изумляя меня тем, что можно хрипло прорычать такое простое слово.— А?

— Это ты воешь?

— Чего еще? — недовольно продирая голос, сказал капитан.— Сколько времени?

— Воешь ты или нет?

Бестолково прочищая глаза, капитан чудовищно призевывал.

— Кто воет? — раздраженно расспрашивал он.— Где?

Пока я тормошил капитана, вой и плач прекратились, затихли над озером, пропали. По лицу же капитана ясно было, что выть или рыдать он просто-напросто не умеет.

— Сколько времени-то? — спрашивал неумеющий выть капитан.— Пора, что ль, в макарку?

— Светает,— ответил я.

Капитан выпутался из спального мешка, подполз на коленях к костру и принялся раздувать тлеющую головешку.

— Надо чайку скипятить,— сказал он.

Глава IX

Вторжение в заросшую макарку

Мы медленно плыли по макарке — черному коридору среди болот, заросших таволгой и вехом. Кое-где мелькали и кусты молочая — бесова молока.

Широкая вначале макарка быстро сузилась. Я отложил весло и, цепляясь за болотные травы, подтягивал «Одуванчик» вперед. С кустов, которые я дергал и шевелил, на нас сыпались спящие еще жучки и мотыльки.

— Надо было дождаться солнца,— ворчал капи-

Этот рисунок я сделал как бы со стороны, а сам сидел в лодке.

тан-фотограф.— Того гляди напоремся на корягу. Видишь — коряги впереди!

Кривые и толстенькие коряги, торчащие из воды перед носом «Одуванчика», с шумом хлопнули крыльями и поднялись в воздух, превратившись в утиную стаю. Вода в макарке взволновалась, какая-то рыбина метнулась из-под лодки, покачнув «Одуванчик». Шуршащий взрыв раздался в камышах — вытянув зеленую шею, взмыл в небо запоздавший селезень.

— Все,— сказал капитан,— дальше нам не пройти.

Поперек макарки лежала почерневшая суковатая береза. Как видно, ее принесли сюда рыбаки или охотники, гуляющие в болотах. Береза была как бы мостиком через макарку.

— Попробуй ее утопить,— сказал я.— Тогда проплывем над нею.

Капитан-фотограф поднялся и, упираясь веслом в дно, встал одной ногой на березу. Медленно, неохотно береза затонула под его тяжестью, да и сам капитан ушел в воду по колено.

Я подтянулся за куст, нос лодки въехал на березу. Капитан выхватил из воды ногу, закинул ее в лодку, и береза всплыла, глухо толкнулась в дно «Одуванчика» и подперла нас снизу.

Все стало на свои места. Капитан сидел на своем месте, я — на своем, береза вернулась на свое. И мы сидели на березе.

Впереди, за березой,— капитан, сзади, в корме,— я. При желании мы могли покачаться, как на качелях, но плыть назад или вперед никак не могли.

— Сели, что ль?— достаточно хладнокровно спросил капитан.

Напряженно вглядываясь в дно лодки, я искал пробоин. Мне казалось, что острый сук впился в платье нашей общей теперь с капитаном невесты, вот-вот разорвет его, и мы не то что утонем, а повиснем посреди макарки полумокрые, полузатонувшие.

— Сидим,— ответил я,— пробоин не видно. Надо бы снова утопить березу, тогда прошмыгнем.

— Твоя очередь утапливать,— справедливо указал капитан.

Кое-как приподнявшись, я шагнул из лодки в воздух, стараясь наступить на березу. Она уклонялась от моей ноги, увертывалась. Нога летала в воздухе над водой, замах ее пропадал, она уже не знала, что делать. Вернуться в лодку нога не могла, для этого надо было от чего-то оттолкнуться. Ударом весла капитан подвинул ко мне березу, и нога в отчаянии рухнула на нее.

Береза сразу затонула, и я сделался человеком набекрень. Правая нога уходила в воду, левая подымалась вверх и уплывала вперед с «Одуванчиком».

Схватив себя за колено, я выволок ногу из воды и свалился в лодку. Береза не успела всплыть, как «Одуванчик» шмыгнул вперед, проскочил, и теперь уж никакого пути назад не было. Всплывшая береза покачивалась за кормой.

Я оттолкнулся от нее веслом, направляя лодку вперед.

— Запахло чарусеньшем,— сказал капитан.

В воздухе и вправду почувствовался резкий, едкий запах. Утопленная береза потревожила дно макарки. Со дна всплывали пузыри болотного газа.

— Это не чарусеньш,— сказал я,— это пузыри со дна. Поехали.

— А по-моему, чарусеньш,— настаивал капитан. Он тормозил лодку. Из-за плеча капитана я старался разглядеть, что там, впереди, но признаков чарусеньша не замечал.

— Надо кинуть щепку,— сказал капитан,— засосет или нет? Дай мне какую-нибудь щепку.

— Откуда я возьму щепку?— раздраженно ответил я.

— Отломи от березы.

Подав лодку назад, я изогнулся, отломил от березы черный сучок, отдал капитану. Капитан бросил его в воду перед собой, и давно прогнивший сучок немедленно затонул.

— Засосал, холера,— сказал капитан.— Видно, здорово проголодался.

Я не стал больше слушать капитана, сильно оттолкнулся веслом от березы, и «Одуванчик» влетел в самую середину чарусеныша. Легко и свободно пересекла лодка подозрительное пространство. Мы так и не поняли, что же это было, наверное, псевдочарусеныш.

Петляя в болоте, макарка повела нас дальше. Она то расширялась, и тогда приходилось веслаться, то сужалась резко, и мы двигались вперед, цепляя за травы.

Скоро мы увидели новую преграду, которая перегораживала нам путь. Это была уже не береза, а какой-то еловый крокодил, затопить которого не удалось. Рядом с крокодилом торчали из воды какие-то колья.

— Попробую его поднять,— сказал капитан.— Может, удастся подпереть его колышком.

Балансируя веслом, капитан наступил на высокую болотную кочку, которая сразу закашляла под его сапогом. В болотных сапогах-бреднях, на кашляющих и хрипящих болотных кочках капитан-фотограф стоял как болотный памятник Великому покорителю бревен. Над головой его носились утиные стаи.

Приподняв елового крокодила, капитан подпер его колышком, и получилось что-то вроде медвежьей ловушки. Сибирские охотники, которые хотят завалить медведя, подвешивают иногда над тропой бревно. В нужный момент бревно это и падает медведю на голову.

Съежившись, проплыли мы через ловушку и сразу увидели новое, совсем уже неприятное бревно. Оно чуть высовывалось из воды, и видно было, что та часть, которая оставалась под водой, совершенно непроходима.

— Придется рубить его топором,— сказал капитан.

Он потыкал бревно веслом.

— Его и не сдвинуть,— сказал он, и тут бревно само по себе шевельнулось, лениво высунуло из воды хвост, грянуло хвостом по поверхности и уплыло, возмутив воду в макарке.

С полминуты сидели мы в лодке, охолодев. Руки не хотели двигаться, а голова соображать. Но даже и при всем желании голова моя сообразить ничего, пожалуй, не могла.

— Кошмар!— сообразила наконец голова капитана.— Слушай, а бывают на свете пресноводные киты?

Я промолчал. Голова капитана работала великолепно, и я не хотел ей мешать.

— А, может, Папашка?— продолжала работать чудесная голова.— Как думаешь, он уплыл или под воду спрятался?

Я невольно огляделся, нельзя ли в случае чего выбраться на берег? Но берега не было: крутые и круглые болотные кочки, трясина и вода меж кочками. Надеяться мы могли только на «Одуванчик», на его выносливость и быстроту. Открытая протока была перед нами, и я стал быстро грести, уходя поскорей от опасного места. Черт знает, в кого ткнул веслом капитан — в ожившее ли бревно, в древнейшую ли огромную щуку или впрямь разбудил Папашку.

Не останавливаясь, плыли мы вперед. Макарка то сужалась, то расширялась. Иногда вдруг вплывали мы в болотистое блюдо, утыканное кочками, и плавали меж кочек, отыскивая продолжение макарки.

Капитан то и дел вскрикивал:

— Пахнет чарусеньшем! Право руля!

В некоторых местах завалена была макарка гнилыми травами и сучьями, и мы долго разбирали завал, веслами расчищали дорогу. Иной раз, чтоб протиснуть лодку вперед, капитан с дьявольским скрежетом ломал и выдирал болотные кочки.

Вдруг, внезапно, совсем неожиданно, макарка кончилась. Перед нами была трава, только трава — таволга, вех, молочай — никакой макарки.

— Вот и все,— сказал капитан,— конец плаванию.

Он поднялся в лодке, пошевелил веслом траву перед ее носом, и я увидел, как блеснула в траве за лопастью весла большая вода.

Глава X

Папашка с Багрового озера

Вспугнув стайку синих стрекоз, мы протиснули лодку через заросли травы и оказались в озере.

Небольшое, совсем круглое лежало Багровое озеро среди болотных трав.

Зыбкие берега охватили его, стянули петлей. Далеко, очень далеко отсюда начинался настоящий берег, лесной, земляной.

— Не видно признаков Багровости,— прошептал для чего-то капитан.

Вода в Багровом озере была черна, так черна, что поверхность его почти не отражала неба. Только ближе к средине двигались на поверхности небесные облака, а по краям, у берегов, окружала озеро кайма траурной воды.

Воткнув весла в илистое дно, мы привязали к ним «Одуванчик».

Плюнув на червя, капитан забросил удочку.

— Здешняя рыба, наверно, и в глаза червяка не видала,— сказал он,— надо ее как-то приманить.

Он высыпал в воду горсть геркулеса.

— Мелочь любит геркулес,— пояснил он,— вначале придет мелочь, а за нею — крупная рыба. Хотя здешняя мелочь и геркулеса-то в глаза не видела.

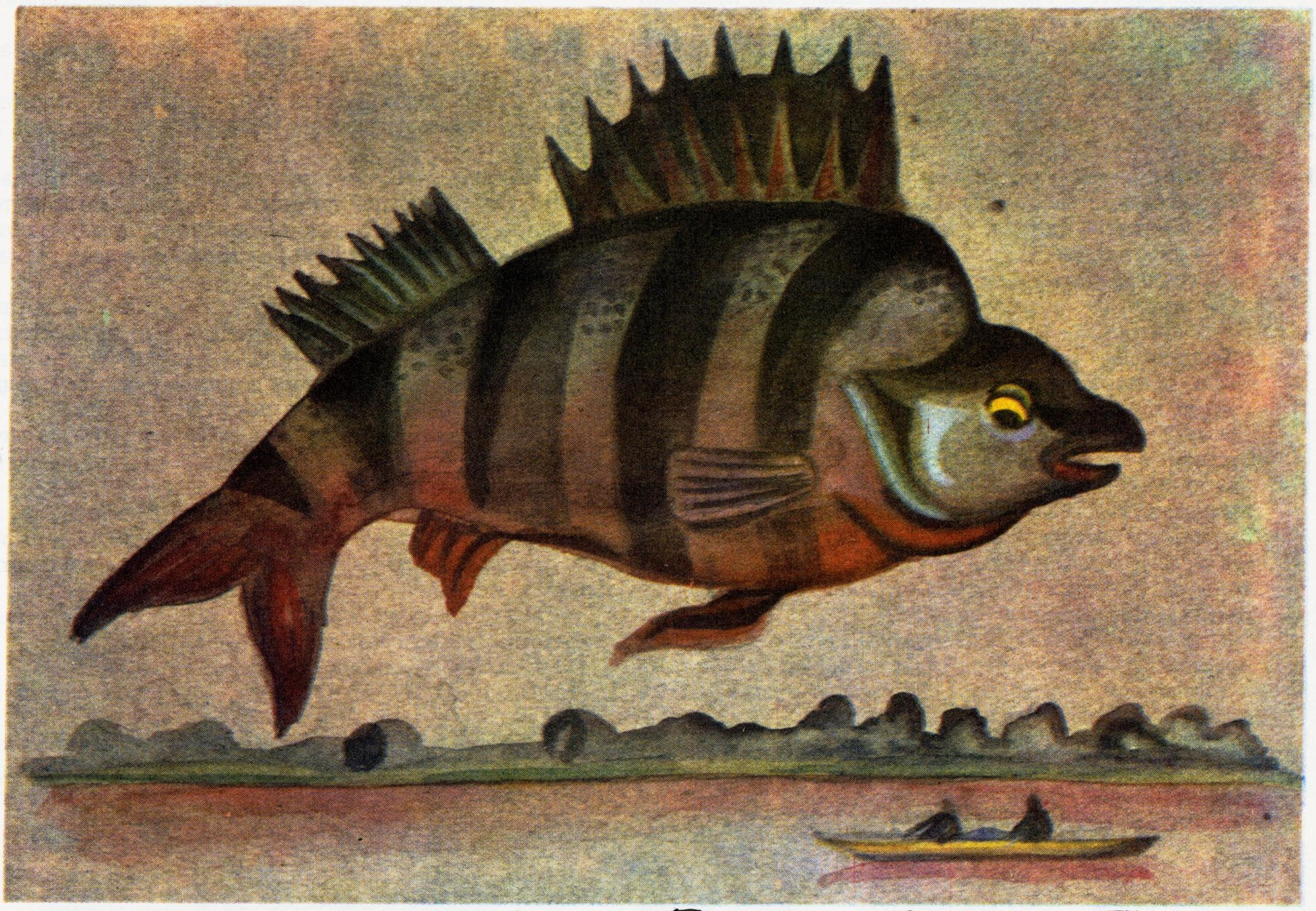
Неожиданно явилось солнце. Пробившись сквозь облака, оно осветило озеро, и тут я понял, как бездонно оно. Лучи совсем не проникали в темные воды. Озеро отталкивало их, не открывало солнцу своей глубины.

Стало как-то не по себе. Показалось, что в озере нет жизни, оно мертво, и кто знает, как глубоко в землю уходит его дно.

Капитан сидел не шевелясь и даже перестал сыпать в воду геркулес. Этот геркулес, наши удочки и червяки, которыми мы собрались приманивать жителей Багрового озера, как-то глупо, мелко выглядели пред спокойным и даже грозным его молчанием.

В тишине послышался шелест.

Я оглянулся и увидел, как из воды высунулся черно-зеленый конический бутон. Из бутона, как из приоткрытого рта, показался ослепительный язычок.



Папашка-Горбач с Багрового озера

Бутон открывался на глазах, превращаясь в кувшинку-лилию с яркой солнечной сердцевиной. И тут же по всему озеру распластались кувшинки. Они таились под водой, ожидая солнца.

Поплавок мой чуть шевельнулся.

Я взволновался, и капитан тревожно покосил глазом.

Кто-то «понюхал червячка». Но кто это? Какая рыба может жить здесь, в Багровом? Да ведь не бесы же «нюхают червячка». Бесы бесами, а рыба рыбой.

Поплавок капитана тоже шевельнулся. «Некто» понюхал и его, чтоб выбрать, какой червячок интересней. Капитан-фотограф немедленно принялся сыпать в воду геркулес.

Но «Некто», очевидно, уплыл — поплавки больше не шевелились. А может, стоял неподалеку и глядел снизу задумчиво на нас? К нему подошли и другие жители Багрового озера, и все они окружили «Одуванчик», рассматривали нас, раздумывали, перешептывались. Казалось, я слышу этот шепот, идущий со дна.

Из воды показалась черная гребенка. Доплыла до моего поплавка, толкнула его и плавно опустилась в глубину. Теперь «Некто» рассказывал, что такое наши поплавки и можно ли пробовать червя. Я знал, что сейчас они посовещаются и пошлют пробовать самого маленького. Так всегда бывает среди водных жителей — первым пробует маленький.

Он, конечно, сопротивляется, прячется за спины старших, но его подталкивают вперед, и в конце концов — эх, пропади все пропадом! — он разом хватает червя.

Поплавок ушел под воду, я подсек, и леска натянулась до предела. Медленно-медленно я вел кого-то к лодке, но только не маленького, а мощного и тугого.

Из воды показалась черная гребенка, и я махнул удилищем. Трепещущее и черное, рот разевающее, с горящими глазами и огненными перьями вылетело из воды существо. Оно летело в лодку, и я не решился перехватить его в полете.

Ударившись об дно, «Некто» запрыгал, забился, заметался.

Он был горбат и крупноглаз, и бока его были черны и чугунны. Двуязыкий хвост горел ярче брусники. Стянутые пленкой колючки росли из горба.

Подскакивая, он хлестал хвостом в спину капитана, тыкался носом в мои резиновые сапоги.

— Неужели Папашка? — взволнованно шептал капитан.

И впрямь какой-то Папашка-Горбач топорщил драконьи колючки, выпучивал золотые глаза с птичьим зрачком.

Капитан задрожал, напрягся и вдруг с каким-то немым воплем выхватил удочку из воды.

И новый Горбач вылетел из озера в воздух и, хлопая колючками, как грач перьями, упал в колени капитана. Капитан закрякал, засопел, ухватывая Грача-Горбача, выдирая изо рта его крючок.

— Это Окунь! — шепотом кричал он. — Какой здоровый! Какой жуткий! Какой горбатый!

Капитан бросил мне под ноги Грача-Горбача, и

теперь вместе с Горбачом-Папашкой они прыгали передо мной, туго отталкиваясь от бортов лодки, пялили на меня свои полуптичьи глаза.

— Таких бы десятка два — уха! — шептал капитан с восторгом и тревогой.

Через полчаса мы и вправду надергали десятка два жителей Багрового озера. Все они были крупны и колючи, и все-таки первый Горбач-Папашка был самый большой, самый златоглазый.

— Хватит, — сказал капитан, — пора на сушу — уху варить.

С трудом вытащили мы весла, засосанные озерным дном, и поплыли потихоньку вдоль берега Багрового озера. Настроение у нас вдруг оказалось прекрасным.

По макарке мы плыли напуганные, в озеро вошли пришибленные, а как взошло солнце, нам стало получше, поймали окуня, — еще лучше.

Солнце и окунь — это ведь всегда счастье, и как давно этого не было в моей жизни. Солнце и окунь приблизили к нам Багровое озеро, оно стал вроде бы нашим, своим.

Окуни успокоились на дне лодки, уснули, и только Папашка-Горбач-Златоглаз все глядел на меня, растопыривал плавники.

Я взял его в руки и за спиной капитана опустил потихоньку в воду. Проплыв за нами на боку, он выпрямился, будто встал на ноги, и разом ушел в глубину Багрового озера.

«Может, и про меня не забудет, — думал я, — заступится в случае чего перед тем, другим, главным Папашкой».

Глава XI

Борьба геркулеса с бесами

Протянув руку за борт, я опустил ее в воду, — в воде рука сделалась красной. Я взялся за скользкий и тугой стебель кувшинки, потянул. Кувшинка нырнула, стала багровой в густой, насыщенной торфом воде.

И все-таки в Москве, когда я задумывал плавание, Багровое озеро казалось мне более багровым. Сколько тайны и мощи в этом слове — «багровый». В нем даже есть кровь.

Теперь, побывав на озере, я назвал бы его попроще — Темно-коричневым.

— Это оно прикидывается Темно-коричневым, — заметил капитан, — как бы оно не повернулось к нам своей багровой стороной.

Постепенно забирая влево, мы совершали осторожный круг вдоль берегов. Я все ждал, вот выскочит кто-нибудь из травы, вот плеснет рыбина, подымется цапля. Но ни плеска, ни взлета птицы, будто жители Багрового притаились и глядели на нас из густой травы, со дна торфяного.

— Бесов что-то не видно, — сказал капитан, — спят, что ли? Наверно, днем они спят, только ночью вылезают на промысел.

— Какой же промысел?

— Заблудших ловить.

Скоро мы замкнули круг, приблизились к месту, где ловили окуней.

— Здесь и макарка, — сказал капитан.

— Чуть дальше, — поправил я.

Мы всматривались в траву, раздвигали ее веслом, но не видели входа в макарку — таволга, вех, гориголова.

— Вот дураки, — сказал капитан, — не поставили вешку.

— Вешка — дело капитанское, — сказал я, — капитан отвечает за корабль и судьбу экипажа.

Фотограф промолчал и стал энергично шарить веслом в траве. Стрекозы и мотыльки сыпались в воду.

— Похоже, что это шуточки бесов, — сказал капитан. Он поднялся на ноги и теперь не просто шарил, а рубил лопастью весла траву, ломал хрупкие стебли. Скоро он искорежил-измял весь берег, входа в макарку, однако, не обнаружив.

Багровое озеро сомкнуло берега. Бесы легко пропустили нас в свои владения, но выпускать обратно явно не собирались. Сколько угодно мы могли плавать по плоскому водяному блину, среди вязких болот. Плавать до ночи, а уж ночью...

Легкое отчаяние коснулось моего сердца. Да что же это такое? Неужто и вправду мы не найдем выхода?

Солнце вдруг потускнело и спряталось, и я окончательно понял, что Багровое озеро заманило нас и теперь уже не выпустит добычу из своих зыбких когтей.

— Озеро похоже по форме на букву «О», — неожиданно и неуместно заметил капитан.

— Скажи что-нибудь более капитанское...

Капитан напрягся. Он вглядывался в берега и воды.

— Следов на воде не остается, — задумчиво, но малокапитански сказал он. — И все-таки нам надо найти место, где мы ловили. Макарка там, рядом.

— Как его найдешь?

— Тут вся надежда только на геркулес, — сказал капитан. — Там, где мы ловили, я сыпал геркулес. Может, остался на воде его след?

— Тьфу!

Геркулес — этот идиотский плод современности — всегда раздражал меня. Когда капитан сыпал его в озеро, мне казалось это глупостью. Геркулес оскорблял потайное недоступное озеро и, конечно, бесов. Каково им было там сидеть на дне, обсыпанным капитанским геркулесом? Оскорбленные и униженные, вот теперь они и придумали эту шутку — спрятать макарку, запереть нас на озере.

Взад-вперед плавали мы вдоль берега, и я волей-неволей шарил глазами по поверхности озера в поисках геркулеса. Но какие могли быть следы? Все геркулесины давно затонули, разбухли, ушли на дно.

Так плавали мы, полагаясь на геркулес, вступивший в борьбу с бесами. Все это напоминало борьбу борьбы с борьбой.

И я вспомнил Клару Курбе, художника Орлова, которые так далеко уплыли теперь от нас. Похожее по форме на букву «О», Багровое озеро все больше превращалось для нас в нуль, внутри которого мы крутились. А что может быть там, внутри нуля? Какой нормальный человек согласится быть заключенным в нуль, окаймленный болотом, с бесами, пожирающими на дне геркулес?

Стоило ли строить лодку, самую легкую в мире, чтобы приплыть к нулю?

Тупо и безнадежно глядел я в глубину нуля, и хоть бы Папашка-Горбач блеснул со дна золотым глазом.

И вдруг в нулевой воде мелькнула багровая точечка, светящаяся, как окуневый глаз.

Белая и разбухшая, это и была геркулесина, застрявшая на подводном листике кувшинки.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ШКОЛЬНАЯ ФОРМА: какой ей быть?

Эксперимент

Этот снимок сделан в начале прошлого учебного года.

Улицы Свердловска еще не остыли от летнего тепла, солнце жарит, как в середине июля, уроки кончились. Впереди свободные полдня. Прекрасное настроение. Поэтому и фотография веселая получилась.

Но вот в школе ребятам было не так уж весело.

Они проводили эксперимент: отправились на уроки не в шерстяных платьях и костюмах, а в летней пионерской форме. Какой будет реакция учителей?

Педагоги останавливали «нарушителей» и восклицали: «Что за безобразие! Разве новая мода появилась?»

— Это совсем не новая,— пытались объяснить ребята.— Мы в пионерской форме. Почему надо жариться в шерстяных брюках и куртках, когда термометр показывает двадцать пять градусов, а то и выше?

— Потому что есть установленная школьная форма,— отвечали учителя и завучи и ссылались на Устав и на приказ Министерства просвещения РСФСР от 30 июня 1982 года № 190-М, в котором подтверждается еще раз, что мальчики с 1-го по 8-й класс обязаны ходить в школу в костюмах модели Д-428.

Мы, школьники, не спорим с утверждением, что форма нужна. Но мы хотим задать вопрос: «Какой должна быть школьная форма?»

Зачем нужна форма

Нам говорят: «Форма вас дисциплинирует. Посмотрите на подтянутых военных, на суворовцев, на моряков и летчиков».

Что же, мы согласны. Ни один летчик или моряк не позволит, чтобы в его присутствии кто-то вел себя недостойно. Он знает: люди видят его форму и ждут от него справедливых поступков. Он не может позорить свое звание.

Но...

Дальше есть смысл процитировать мысли, которые высказали члены редакционной юнкоровской группы при подготовке этого материала.

Дима Пыхтеев: Все правильно. Но на них действительно ФОРМА. А ее задача вовсе не в том, чтобы все выглядели одинаково, а наоборот, чтобы люди отличались по роду профессии и службы. Моряк в ней не похож на железнодорожника, солдат-танкист отличается от солдата-пехотинца, летчик — от пограничника...

Алла Конева: Кроме того, любая форма имеет до десятка знаков различия, по которым, как по книге, можно прочитать звание, род войск, военную профессию и даже стаж военнослужащего...

Матвей Пищальников: А разве не отличаются своей формой люди многих гражданских профессий: работники лесного хозяйства и транспорта, матросы и капитаны речных и морских судов, летчики Аэрофлота, почтовые служащие...

Но разве можно назвать формой одежду школьника?

Одежда школьника

О чем говорит единая одежда для всех школьников?

«О том, что ты учащийся школы»,— отвечают нам. Ну и что? Все ребята с семи и по крайней мере до четырнадцати лет — учащиеся школ. Вот если бы по одежде было видно, в каком классе человек учится, какое у него поручение, какие учебные заслуги, если бы форма подчеркивала принадлежность к **определенной** школе.

Таня Новикова: Абсолютно ни о чем не говорят клеенчатые нашивки с солнышком и книгой на мальчишечьих куртках. Видимо, поэтому ребята их часто спарывают или рисуют на них всякую ерунду. Вот если бы выпускали другие нашивки, с номером школы и класса. Можно даже придумать цветные эмблемки отдельно для отличников и ударников. Их ребята могли бы получать после окончания четверти на классном собрании. Наверное, тогда и кое-кто из троечников задумался бы: а что я, хуже других?

Дима Пыхтеев: Честь школы превратилась бы в ощутимое понятие. Прежде чем что-то сделать, человек бы думал: «У меня на шевроне номер школы. Не подведу ли я ее своим поступком?»

Но все школьники в Российской Федерации одеты одинаково (по крайней мере с первого по восьмой класс). Значит, их одежда — не форма. Если говорить точно, это просто рабочая одежда школьника. То есть специальная одежда для учебных занятий.

Дима Пыхтеев: Спецодежда, конечно, тоже нужна. Иначе может получиться, что школа превратится в Дом мод. Кто-то начнет красоваться новыми джинсами, кто-то — заграничной курточкой, кто-то завидовать начнет (есть ведь и такие «тряпичники»), дома ссоры с родителями: «У него есть, а у меня нет...» Но раз мы в школе заняты учебным трудом, одежда должна быть приспособленной к этому труду...

Вот тут хочется еще раз задать вопрос:

«Какой должна быть форма?»

Прежде всего удобной. Но удобна ли наша школьная форма?

Володя Шардаков: Она треплется и рвется. Быстрее всего расходятся швы под мышками, на спине и локтях. В магазинах очень редко продают раздельно брюки и куртки, только комплектами...

Андрей Игнатьев: Зимой в форме довольно удобно. А в сентябре или в мае? Даже на улице тяжко. Ну, а в школе, когда парты горячие от солнечных лучей и рубашки мокнут под шерстяными пиджаками, вместо того чтобы усваивать материал, только и думаешь о том, как бы досидеть до конца урока. Хорошо бы ученые подсчитали, какой в это время перегрев организма.

Можно, конечно, снять куртки...

Матвей Пищальников: Попробуйте! Является учкомовская комиссия и сообщает: «Снижаем вашему классу оценку за порядок! У вас нарушают форму!» Ну, а если и снимаешь, куда девать эти пиджаки? На парте места нет, вешалок в классах тоже. Да и удобно ли таскать снятые куртки из комнаты в комнату? Ведь каждый урок — в другом кабинете.

Володя Шардаков: Особенно трудно младшим ребятам. Все лето бегали в шортах и футболках — и вдруг сразу в колючее сукно.

Сережа Шульга: На октябрят вообще смешно смотреть: как в мешке, «булькаются» в своей форме. Да еще брюки до колен подвернуты. Филиппки этакие... Неужели нельзя придумать нормальную одежду для их возраста?

Игорь Тимофеев, флагман флотилии «Каравелла»: Кстати, когда появилась синяя форма для мальчишек, она всем понравилась: красивей прежней — серой и неуклюжей. Похожа на повседневную форму штурманов Морфлота. Но Морфлот давно уже сменил свою форму на более удобную и современную. А главное, у моряков предусмотрена форма на все случаи жизни, на всякую погоду.

Лариса Захарова: У взрослых всегда несколько видов форм: парадная и рабочая, зимняя и летняя. У нас всегда одна и та же. Почему нельзя разрешить ребятам ходить в летней форме? Ее даже не надо придумывать, она есть.

Вот она, на снимке. Летняя форма пионера, утвержденная ЦК ВЛКСМ. В ней можно прийти в Дом пионеров, в библиотеку, в театр, в кино, в музей... А в школу нельзя! В пионерской-то форме! Стоять в почетном карауле у знамени, у памятников борцам революции в ней можно, а сидеть на уроках — нет!

Девочкам живется не легче

Девочки с 1-го по 8-й класс и по сей день одеваются, как гимназистки.

Таня Новикова: Не могу понять, зачем нужен фартук. Государство тратит миллионы метров материи впустую...

Лариса Захарова: Учителя делают замечания, если не пришьешь воротничок или манжеты: «Это неаккуратно! Ты же девочка!» Но все эти воротнички — показуха, если само платье стирается самое частое раз в четверть, а надевается ежедневно. Для нас тоже просто необходима форма, в которую входили бы блузки и курточки или жилеты. Блузки можно часто менять, стирать.

Алла Конева: У мальчишек есть много карманов: и на курточке, и на брюках. А у нас ни одного. Некуда положить носовой платок, ключи, деньги.

Лена Смагина: Зимой нам необходимы брюки. Мне кажется, давно прошло то время, когда на девочку в брюках оглядывались, как на чудо. Брюки — вовсе не мода и не украшение, в них удобно и тепло. Форме с брюками обрадовались бы все девочки.

«Сменка»

Идут ребята в школу. Волочат по асфальту мешки с запасными ботинками или сандалетами. А потом из школы. Тоже с мешками. И завтра с ними. И всегда.

Однажды мы с врачом-педиатром областной детской больницы А. Е. Смирновым на десятиградусном морозе десять минут продержали мальчишечий кожаный полуботинок, а потом сунули в него фотографический термометр. Столбик съехал ниже нуля.

— Кто хочет завтра не в школу, а в постель, натягивайте башмачок,— засмеялся Андрей Евгеньевич.

Но он не оценил «закалки» современных школьников. Ведь такие ботинки, кеды и сандалеты, промороженные насквозь, каждое утро натягивают на тонкие носочки миллионы ребят.

Некоторые директора отвечают: «Зимой мы разрешаем ходить без сменной обуви». Другие предлагают: «Боитесь заболеть — оставляйте сменку в школе, здесь тепло». Но заявляют так **не всегда и не везде.** Это во-первых. А во-вторых: где ее оставлять? Раздевалки тесные, общие для всех классов, на хранение обуви никак не рассчитанные.

Прежде чем вводить обязательную сменную обувь, надо было позаботиться о шкафчиках с ячейками для каждого ученика. Или о какой-то другой системе — надежной и разумной. А пока стоят у входа грозные дежурные, отбирают дневники и не пускают «нарушителей» на уроки (хотя это и запрещено).

Промороженная обувь — это простуда, ангины, ревматизм. Это, наверняка, одна из причин, по которой в холодные месяцы в классах пустуют многие места.

* * *

Наверное, нам могут сказать: «Все это пустяки! Есть Устав средней школы и надо его выполнять!»

Но ведь в Уставе не написано, какой должна быть форма.

Совершенно ясно одно: пока форма такая, ее все равно будут нарушать. Невозможно же заставить всех школьников терпеть неудобства и портить здоровье.

Почему никто из работников Министерства просвещения не спросит ребят: какая форма вам нужна? Носить-то ее миллионам школьников.

Для нас, ребят, этот вопрос очень важен. И мы ставим его

ПЕРЕД МИНИСТЕРСТВОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ СССР,
ПЕРЕД ВРАЧАМИ,
ПЕРЕД УЧИТЕЛЯМИ И ДИРЕКТОРАМИ ШКОЛ,
ПЕРЕД РОДИТЕЛЯМИ, которые тоже должны поддержать нас. Перед всеми, кто отвечает за наш школьный быт и наше здоровье. Ставим от имени ребят Свердловска, Первоуральска, Калуги, Обнинска, Каменска-Уральского, Кировской области — от имени всех, с кем мы говорили и обсуждали этот материал.

Статья подготовлена редакционной группой юнкоровского объединения «Звезда» под руководством А. Мясниковой на основе пресс-конференции и юнкоровских слетов 1982 и 1983 годов.

ОТ РЕДАКЦИИ. Дорогие ребята и взрослые! На июньском Пленуме ЦК КПСС шел серьезный разговор о будущем советской школы. Вы знаете, что сейчас страна готовится к реформе школы. В обсуждении реформы будут участвовать педагоги, ученые, писатели, родители — словом, все заинтересованные в том, чтобы наша школа отвечала требованиям современности. Свои предложения могут высказать и школьники.

Юнкоры объединения «Звезда» поднимают, казалось бы, не самый важный вопрос. Но это на первый взгляд. Ребят тревожат детали, которые вредят здоровью учеников, мешают сделать школьную жизнь более удобной, а в итоге мешают главному делу — учению. В статье высказаны разные мнения. На пресс-конференции с заместителем министра просвещения РСФСР Л. К. Балясной в марте прошлого года эти вопросы тоже обсуждались, но окончательного решения тогда найдено не было.

Редакция просит работников министерства, родителей, педагогов, школьников обратить внимание на эту публикацию и прислать в редакцию письма со своими мнениями.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Л. ФАДЕЕВА

Всем коллективом

Я старостой выбрана
В классе своем.
Мы месяц почти
Коллектив создаем.

Удачи и все неполадки
Я отмечаю в тетрадке.

«В кино мы ходили
Всем коллективом.
Мы очень смеялись
Над зайцем пугливым.
Семенов один не смеялся,
Он в ранце зачем-то копался».

«Вчера мы решали
Всем коллективом:
Писать без отрыва
Или с отрывом?
Семенов решать не хотел–
Он пальцем над ухом вертел».

«Субботник задумали
Всем коллективом:
Поможем расти
И березкам,
И сливам,
Расчистим дорожки у кленов».

Пришли
Только я
И... Семенов!

Домашнее задание

Увеличительные суффиксы
Велели в жизни нам найти.
Увеличительные суффиксы?
Так это рядышком почти!
Домище выстроил до тучи
Своей ручищей мощный кранище!

Пойду-ка рассмотрю получше
Свое домашнее заданьище!

Палочка-выручалочка

Вот бы палочку-
Выручалочку!
Всех уроков бы
Выучалочку,
На уроках бы
Отвечалочку.
И в квартире бы
Убиралочку.
Чтобы выручить
Нашу Галочку —
Неумелочку,
Забывалочку.

Рисунок А. ДУГИНА.

Муравейник

Живется трудно муравьям,
Когда их двое-трое.
Броди по склонам гор и ям,
Таскай былинки, хвою.
Век муравейник не собрать
Двоим-троим.
Но муравьев выходит рать —
«Мы победим!»
Вмиг муравейник поднялся,
До неба будет скоро!..

Я это думала, неся
Макулатуру в школу.

Небо

Большое небо не гнушается
купаться в маленькой воде.
Во всех канавах отражается,
такое щедрое везде.
И вовсе не боится сузиться
и размельчиться, на ходу
роняя в маленькую лужицу
под вечер крупную звезду.
И лужам с берегами рваными
без исключенья шепчет всем:
«Вы только станьте океанами —
тогда вам звезды —
насовсем».

* * *

...И снова я иду в мои леса,
В мои нетемные, за Тосною рекою,
Где добродушно светят над ольхою
Домашние, родные небеса.
Лишь тишина, да клюква, да берез
Не очень стройных робкое свеченье,
Но чувствуешь, как эта жизнь всерьез
И как светло земное притяженье.

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1—9.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава одиннадцатая

Северные гости

Под утро был первый зазимок. Землю припорошил легкий снежок, а лужи затянуло льдом — не толще папиросной бумаги.

Когда же Валерка возвращался из школы, не осталось и следа ни от бледно-мерцающего ледка, ни от кисейного, полупрозрачного савана, прикрывшего в ночную глухомань землю.

А вот сейчас, под вечер, дождь, похоже, собирается. Вон какую черную наволочь тащит ветрище из гнилого угла от гиблых Волчьих болот.

Еще глубже натянул Валерка фуражку на лобастую голову и совсем было собрался бежать к калитке, да за спиной в этот миг кто-то трогательно-нежно протянул:

— Люб-люб-люб фью! Люб-люб-люб фью!

Оглянулся, а по кусту шиповника в палисадничке прыгали снегири. Срывали с веток ягоды и тотчас с ними расправлялись.

Красавцы снегурушки, оказывается, принесли на своих крыльях первый зазимок! Раненько пожаловали в эту осень из студеных северных краев.

А ведь лишь неделю назад наведывались во двор скворцы. Часа три сидели, нахохлившись, и на крыше скворечника, и на сухой вязовой ветке, то и дело тоскливо посвистывая. Тяжко, ох как тяжко расставаться с отчим краем!.. А когда вспорхнули, заспешили к опушке березняка, где готовились к отлету на юг их сородичи.

Еще раз оглянулся Валерка на куст шиповника, по которому прыгали снегири в розовых камзолах, и понесся к Петьке.

Валерка старательно натягивал резиновые сапоги. У порога стояла пузатая кошелка, обвязанная крученым бельевым шнуром.

— Мать на Якимкин услон посылает.

Подивился Валерка: на ночь-то глядя, да на Якимкин услон? А до него — не ближний свет — километра четыре.

— У дяди Алексея, папиного братана, жена заболела,— продолжал Петька,— лекарства повезу. Да еще гостинцев всяких мамка натолкала в кошелку.

— На велосипеде? — спросил Валерка.

Петька кивнул, облачаясь в пиджак.

— Я с тобой. Вдвоем веселее!

Якимкин услон затаился среди лесистых холмов в противоположной от речки Сони стороне.

Через село, по укатанной дороге, мальчишки неслись лихо. Помогал им и попутный напористый ветер.

Нет-нет да ради потехи бросал он в спины ребят то пригоршни тяжелых, точно картечь, ледяных дождинок, то снежной — тоже увесистой — крупы.

А дорога за Марфинкой поползла в гору. Над опушкой леса сквозь плотные тучи — чугунно-вороненые — внезапно дерзко пробилось алое пятнышко. Авось разведрится. Да через миг-другой исчезло, как бы испарилось, это пронзительно-алое пятнышко, и небо стало похоже на глубоко взрыхленную пашню с крупными бороздами.

Изволок забирал вправо и вправо, в сторону Якимкиного услона. Наконец Петька-Петушок, сильно притомившись, спрыгнул с велосипеда. Оглядевшись, решил прислонить машину к молоденькому, сверху донизу золотому клену.

И лишь привалил велосипед к стволу деревца, как звонкие листья враз осыпались, будто райские птахи с него вспорхнули.

Валерка тоже приставил свою машину — по другую сторону тропы к голенастой березе, расставшейся с летним нарядом.

— Теперь недалеко,— сказал Петька.— Носом чую — грибным духом тянет, видно, у дяди Алексея грибоварня еще на полном ходу!

Уже начинал меркнуть октябрьский денек, когда ребята, катя возле себя потяжелевшие велосипеды, пришли на Якимкин услон — бывший кордон лесника.

Отрывисто-хриплым тявканьем встретил мальчишек лохматый пес.

Стоило же Петьке прикрикнуть: «Хватит, не бесись! Или своих не признал?» — как свирепый волкодав добродушно завилял хвостом.

На крыльце появилась скрюченная в три погибели сухонькая старушка, пряча под передник зябнущие руки.

— Бабаня Фрося, мы лекарство тете Клаве привезли,— сказал Петька.— Как она там?

Покряхтела бабка, скрипуче прошамкала:

— После укола ее сон сморил.

Петька отвязал от рамы велосипеда кошелку.

— Лекарства в пакете. Там и записка, когда что принимать. И еще мама гостинцы вам прислала.

Он передал старухе тяжелую кошелку.

Та покачала головой.

— Экая же у тебя мать...

Спросила:

— Чайком али борщиком попотчевать вас, мужички?

Петька отказался.

— Торопимся. С дядей Алексеем поздороваемся и назад покатим. Он в грибоварне?

— Где же еще? Замаялся. Скорее бы эти грибы кончались!

Петька дернул Валерку за рукав куртки, и приятели со всех ног понеслись к ельничку, откуда тянуло смолким дымком и густым грибным духом.

У дощатого навеса совершенно нежданно-негаданно для себя мальчишки встретились с Мишкой Михляевым-Вихляевым.

Парнишка подбрасывал в печурку пригоршни еловых шишек. А над печуркой высился огромный чугунный котел.

Все трое сначала опешили.

— Ты... чего тут? — спросил Валерка. С нескры-

Парнишка подбрасывал в печурку пригоршни еловых шишек.

ваемым любопытством глядел он в перепачканное золой лицо Мишки.

— А он у меня с августа. Самый заглавный грибовар! — весело прогудел плотный, плечистый мужчина, показываясь из-под навеса, где белели бочки. — На мопед деньги копит.

Мужчина, припадая на левую ногу, приблизился к ребятам и пожал им крепко-крепко руки.

— Ко мне в сезон со всей округи столько ребят наведывалось! Одни с ведрами, другие с плетушками, третьи с пластиковыми кулями... А вы, соколы, впервой вот пожаловали.

— Да мы, дядь Алеша... мы редко когда по грибы-то хаживали, — затараторил Петька.

Обращаясь к Валерке, дядя Алексей заговорил:

— Артиллеристом служил. И сном-духом не ведал, что в грибовары запишусь под уклон жизни. Вернулся с фронта на кордон инвалидом. Лесником, как батя был, тяжеленько мне... К чему, думаю, руки приложить? И принялся бондарничать. Отец когда-то обучил. Кадки да бочата — эх, и позарез нужны были в крестьянском хозяйстве в то время! А потом еще освоил профессию сезонную — грибовара.

Он положил на его плечо сильную, большую руку, пропахшую, как и он сам, грибным рассолом. И подвел к одной из бочек, уже заполненной доверху маленькими крепенькими опятками.

— Закругляется грибной сезон. Одни лисички и опята остались. Они, между прочим, и в ноябре попадаются.

В сумерках возвращались мальчишки в Марфинку. Впереди катил Мишка. Велосипед у него был с электрическим фонариком. А тропу продувал злющий северяк, старательно посыпая землю снежной крупой.

«Неужто рано так зима ляжет? — гадал Валерка, не спуская глаз с Петькиной спины, маячившей впереди него. — А может, еще и смягчится погода? Дедушка днями сказывал: «Снежок в октябре всего-навсего начальная запевка зимы».

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Назови главную часть барометра...

Ученик. Погода!

Света Чужина,
г. Жуковский,
Московская область.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Какое войско было у Дария III?

Ученик. У него были слоны и тачанки!

Лена Гоферман,
г. Москва.

* * *

Учительница. Кто такие патриции и плебеи?

Ученик. Это две сестры!

Саша Артемьев,
г. Каунас.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Образуйте прилагательное от слова «чудо».

Ученица. Страшное!

Наташа Переда,
пос. Козыревск,
Камчатская область.

* * *

Учитель. Придумай предложение со словом «уха».

Ученик. Мы в речке поймали большую уху.

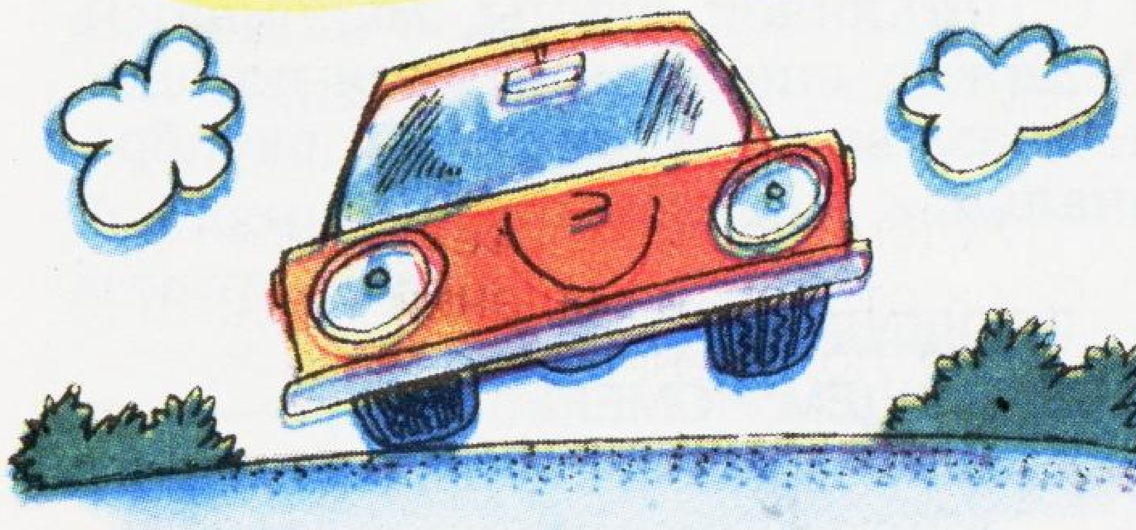
Алеша П.,
г. Новороссийск.

* * *

Учитель. Придумай предложение с деепричастным оборотом.

Ученик. Бабушка, читая книгу, смотрела телевизор.

Коля Люляков,
г. Новосибирск.



Из школьных сочинений

«Птицы тоже являются природой».

«Чацкий смотрел на крепостное право сердито».

«Машина подпрыгнула, фыркнула, втянула в себя свежий воздух и понеслась по шоссе».

«За пазухой Коля нес котенка, от этого его куртка сильно пищала».

«На этой картине мы видим домашнюю корову, которая вместе с зеленью доедает свой хвост».

«Катя покраснела от корки до корки».

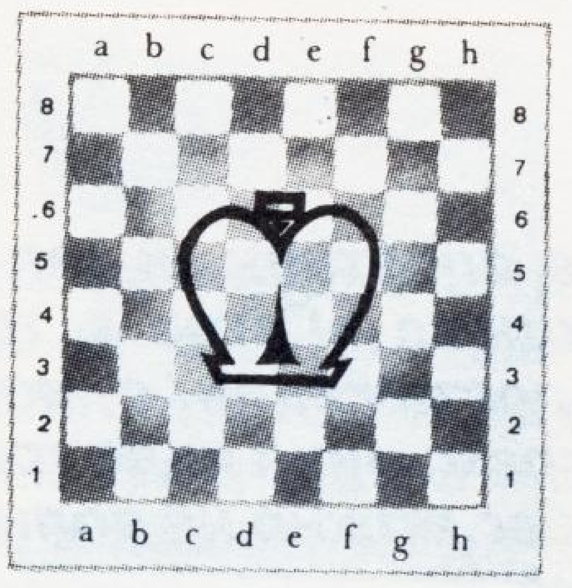
«С испугу кошка убежала в разные стороны».

«Около дороги стояли две ивы: одна — береза, другая — сосна».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает
Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

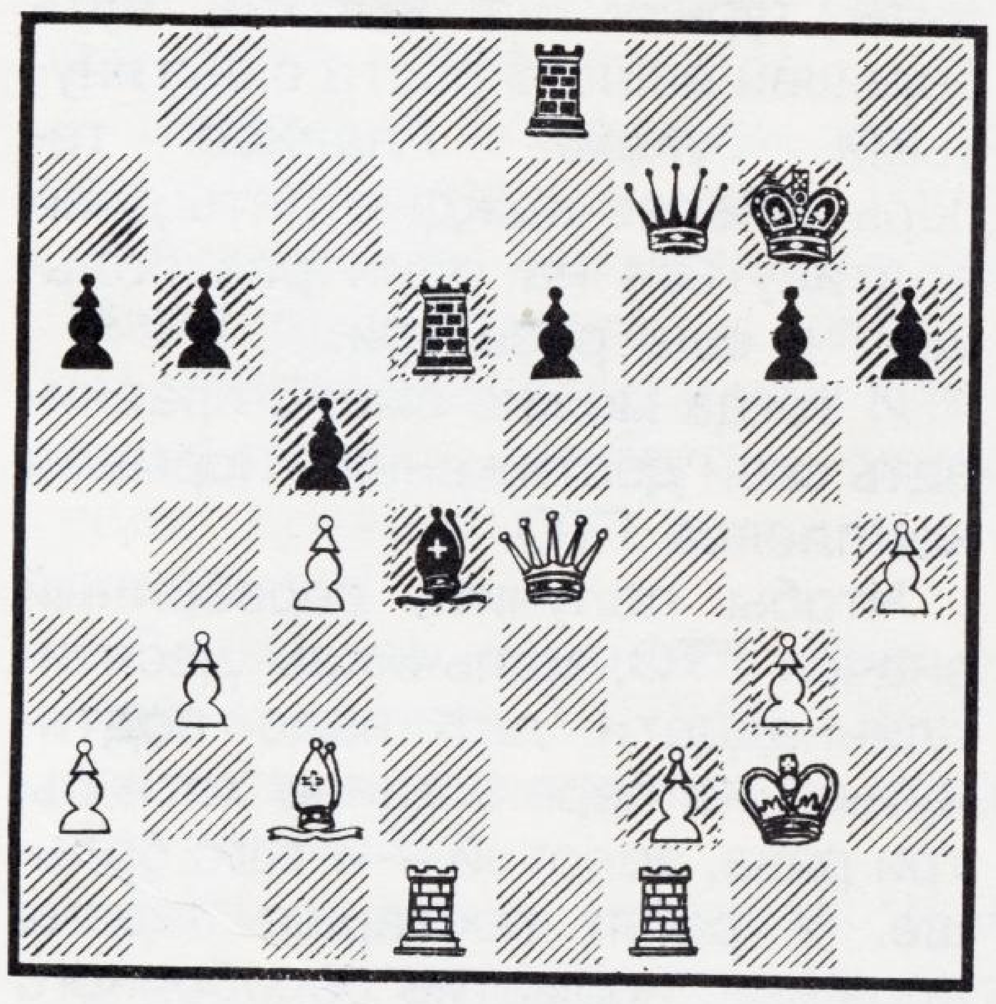
В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.



Знакомьтесь: Жужа Полгар

Жуже Полгар всего тринадцать лет, но ее имя уже широко известно любителям шахмат не только в Венгрии. Будапештская школьница отлично выступает в крупных шахматных соревнованиях и год назад выполнила норму международного мастера.

Жужа играет в боевом стиле, любит смелые атаки и находчиво защищается. Недавно она участвовала в «открытом чемпионате» Вены, где победу одержал советский гроссмейстер Адриан Михальчишин. Вот как развивалась партия Жужи Полгар и гроссмейстера, который играл белыми.



Позиция белых активнее, но Жужа находит лучшие возможности обороны: 38... h6—h5! (необходимо предупредить прорыв h4—h5) 39. Лd1—d3 e6—e5 40. Лd3—f3 Фf7—d7 41. Лf1—e1 Фd7—e6 42. Фe4—e2 Лe8—f8 43. Сс2—e4 Фe6—e8 44. Лf3:f8 Фe8:f8 45. Сe4—d5 Фf8—f5 46. f2—f4! Сd4—c3! (плохо 46... ef 47. Фe7+) 47. f4:e5 Лd6—d8 48. Лe1—f1 Фf5:e5 49. Лf1—f7+ Крg7—h6 50. Фe2—f3 Лd8—e8 51. Крg2—h3 Фe5—e3 52. Лf7—b7.

Шансы соперников уравнялись, и здесь была зафиксирована ничья.

Жужа Полгар мечтает принять участие в каком-нибудь крупном турнире в Советском Союзе. Но не думайте, что круг ее интересов замыкается на шахматах. Жужа владеет тремя иностранными языками — русским, немецким и английским, многим интересуется и увлекается. Секрет ее успехов — в трудолюбии и любознательности.

Десять тысяч участников

Столько учеников первых — четвертых классов выступали в первом чемпионате младших школьников города на Неве.

Победителями массового турнира стали ученик 236-й школы перворазрядник Костя Сакаев (мы уже рассказывали о нем в журнале) и Андрюша Петелин из 124-й школы. Они набрали по 9 очков.

Вот одна из интересных партий. Белыми играл А. Петелин, черными — М. Демидов.

1. e2—e4 e7—e5 2. Кg1—f3 Кb8—c6 3. Кb1—c3 Кg8—f6 4. d2—d4 e5:d4 5. Кc3—d5 Кf6:e4.

Так называемый «белградский гамбит». Жертвуя пешку, белые создают опасные угрозы.

6. Фd1—e2 f7—f5 7. Сc1—f4 (большие осложнения возникают после 7. Кg5) 7... d7—d6 8. 0—0—0 Сc8—e6 9. Кf3:d4 Кc6:d4 10. Лd1:d4 c7—c6.

Черные организовали надежную оборону, Андрей находит остроумную возможность атаки.

11. Лd4:e4 f5:e4 12. Фe2:e4 Фd8—d7? (ход 12... Крf7! ставил замысел белых под сомнение) 13. Сf1—c4! c6:d5.

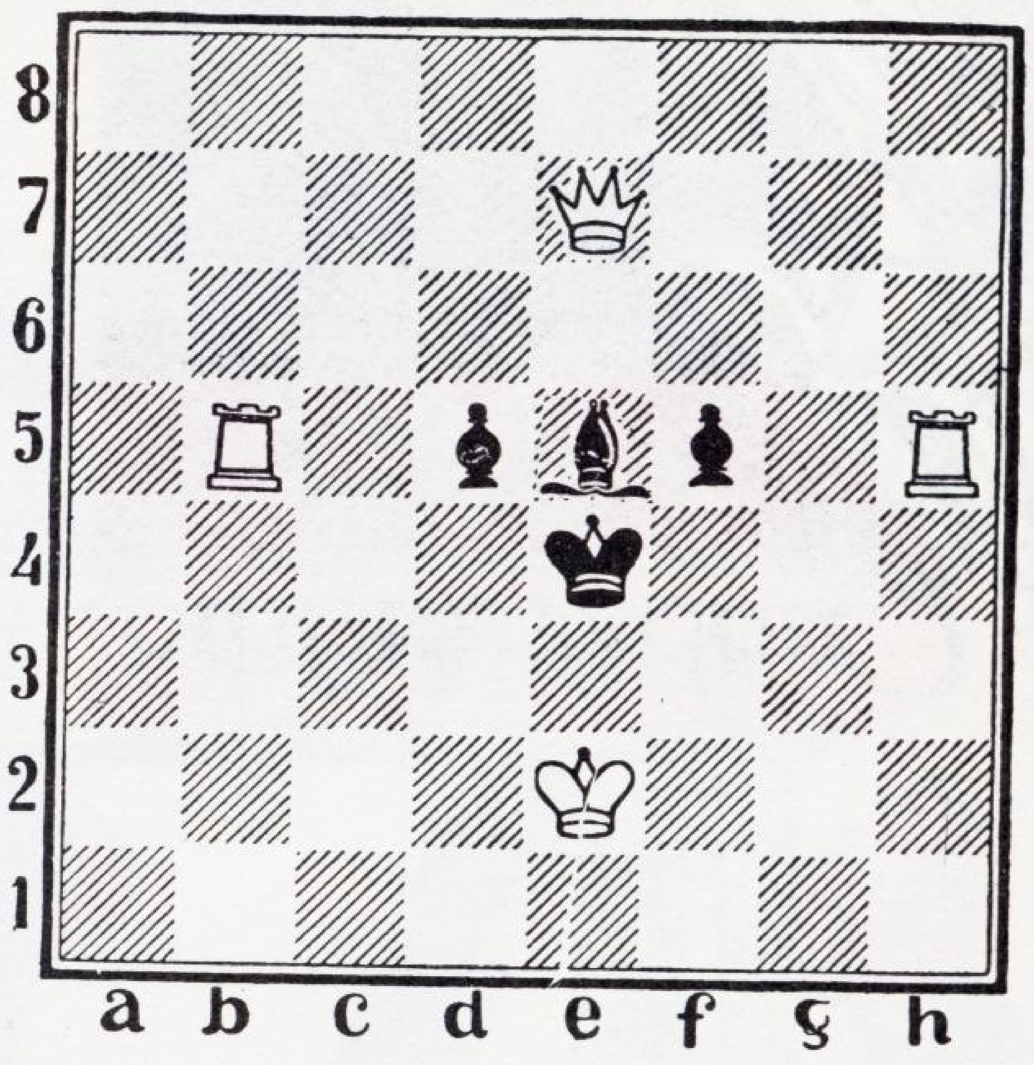
Положение черных стало очень трудным. Плохо 13... 0—0—0 из-за 14. Кb6+! ab 15. С:e6 или 13... Крf7 14. Кb6!, и если 14... ab, то 15. Фf5+.

14. Сc4:d5 Сf8—e7 15. Сd5:e6 Фd7—c7 16. Лh1—e1 Крe8—f8 17. Сe6—d5 Сe7—f6 18. Фe4—e6 Лa8—d8 19. Сf4:d6+! Черные сдались.

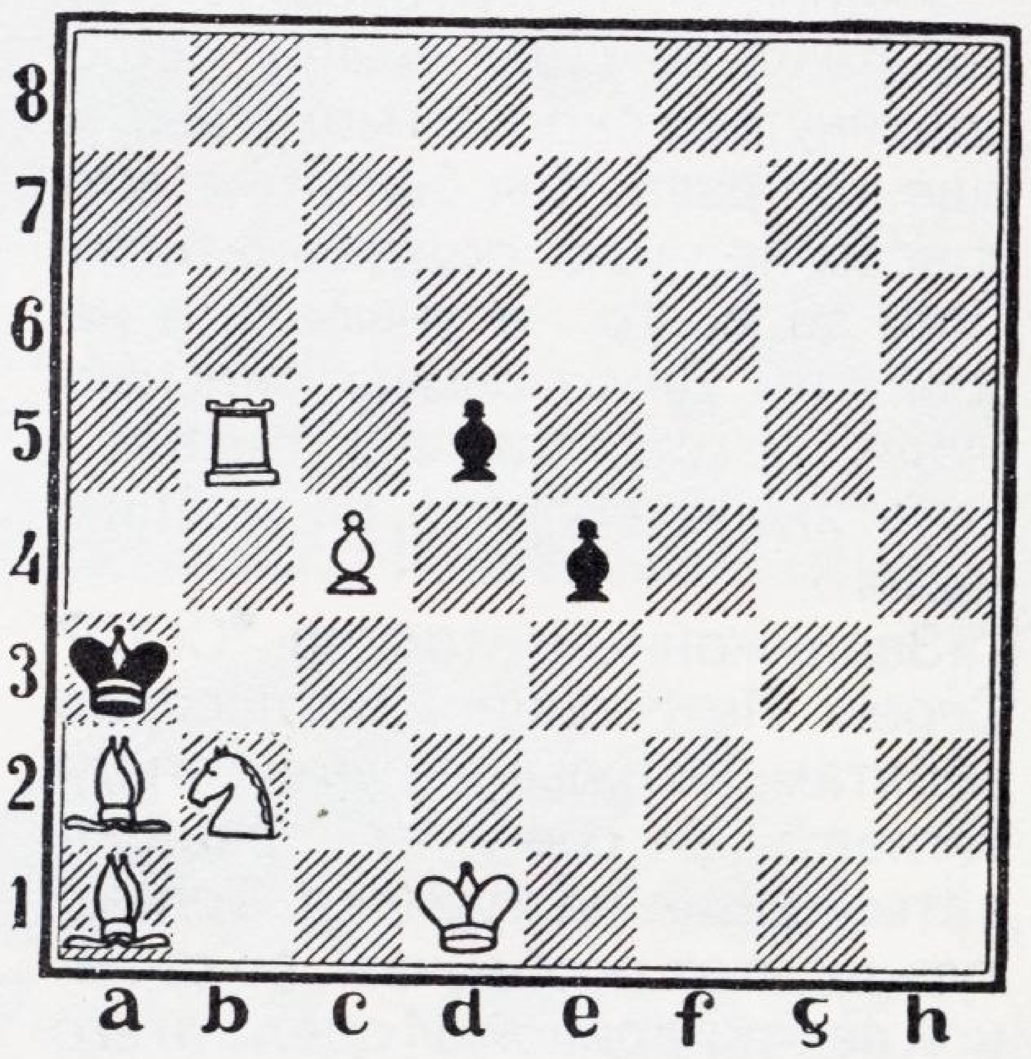
На закрытии турнира новых успехов в учебе и спорте пожелали ребятам Герой Советского Союза Ф. Дьяченко, Герой Социалистического Труда Е. Моряков. О том, как совершенствоваться в шахматах, рассказала четырехкратная чемпионка СССР гроссмейстер И. Левитина.

Двадцать пять премий

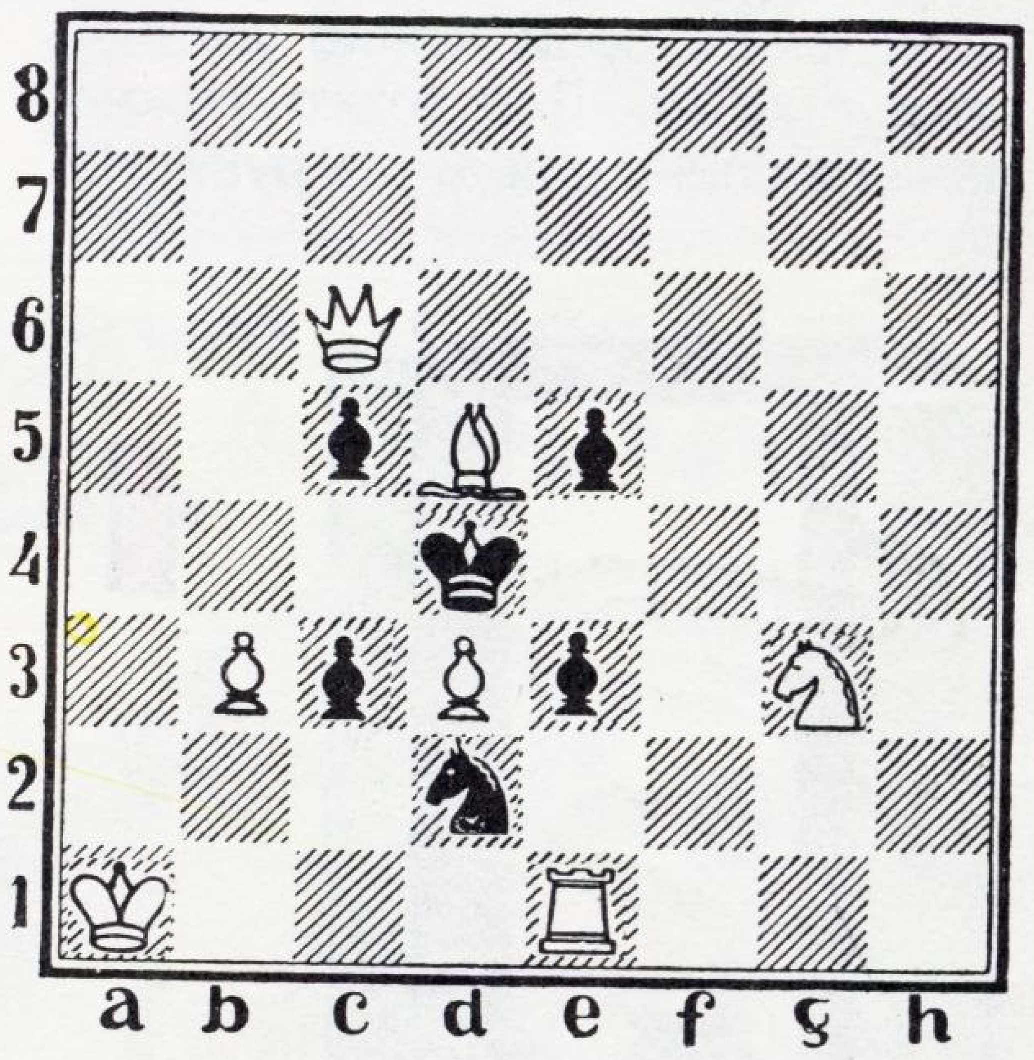
Кто правильно решит три задания нашего конкурса и напишет нам о своих занятиях шахматами, расскажет, в каких турнирах он играл во время каникул, тот и получит эти премии.



Найдите, как белые дают мат в два хода. И в этой и в следующих задачах игру начинают белые.



А здесь мат достигается в три хода.



Эта красивая задача составлена много лет назад чешским гроссмейстером Ольджихом Дурасом. И здесь белые дают мат в три хода.

Ждем ваших писем, ребята! Срок отправки решений — месяц после получения журнала.

Почти в каждой школе перед входом в спортивный зал висит стенд «Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне». Сравнишь свои спортивные достижения с нормами комплекса, и сразу видно, в каком виде упражнений надо тренироваться больше. Скажем, за плавание или бег можно не волноваться — здесь все в порядке. А подтягивание...

Вот, например, какое письмо пришло в наш «Пионерский спортзал»: «Мне очень хочется стать сильным, сдать нормы ГТО. Но у меня не все получается. Я не умею подтягиваться, даже одного раза не могу» (Петя Горелов, г. Саратов).

Занятия в пионерском спортзале ведет врач, мастер спорта В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Откуда силы берутся

Ученые в шутку говорят: чтобы развить силу мышц, надо подтянуться сколько можешь... и еще три раза. Как быть тем, кто совсем не умеет подтягиваться? Прежде всего не унывать и не спешить. Даже самые сильные люди, рекордсмены в тяжелой атлетике или борьбе, начинали с малого.

Заслуженный тренер СССР Сурен Петросович Багдасаров ребятам, которые не умеют подтягиваться, советует тренироваться дома на турнике. Только турник этот особенный, со съемной перекладиной. И сделать его вы можете сами в любом дверном проеме вашей квартиры.

Прежде всего определите высоту, на которой нужно установить планку. Для этого нужно лечь на спину и поднять руки. На уровне кистей привинтите по обеим сторонам дверной рамы железные крючки. На крючки положите гимнастическую палку. Турник готов. Правда, пока только для первого упражнения.

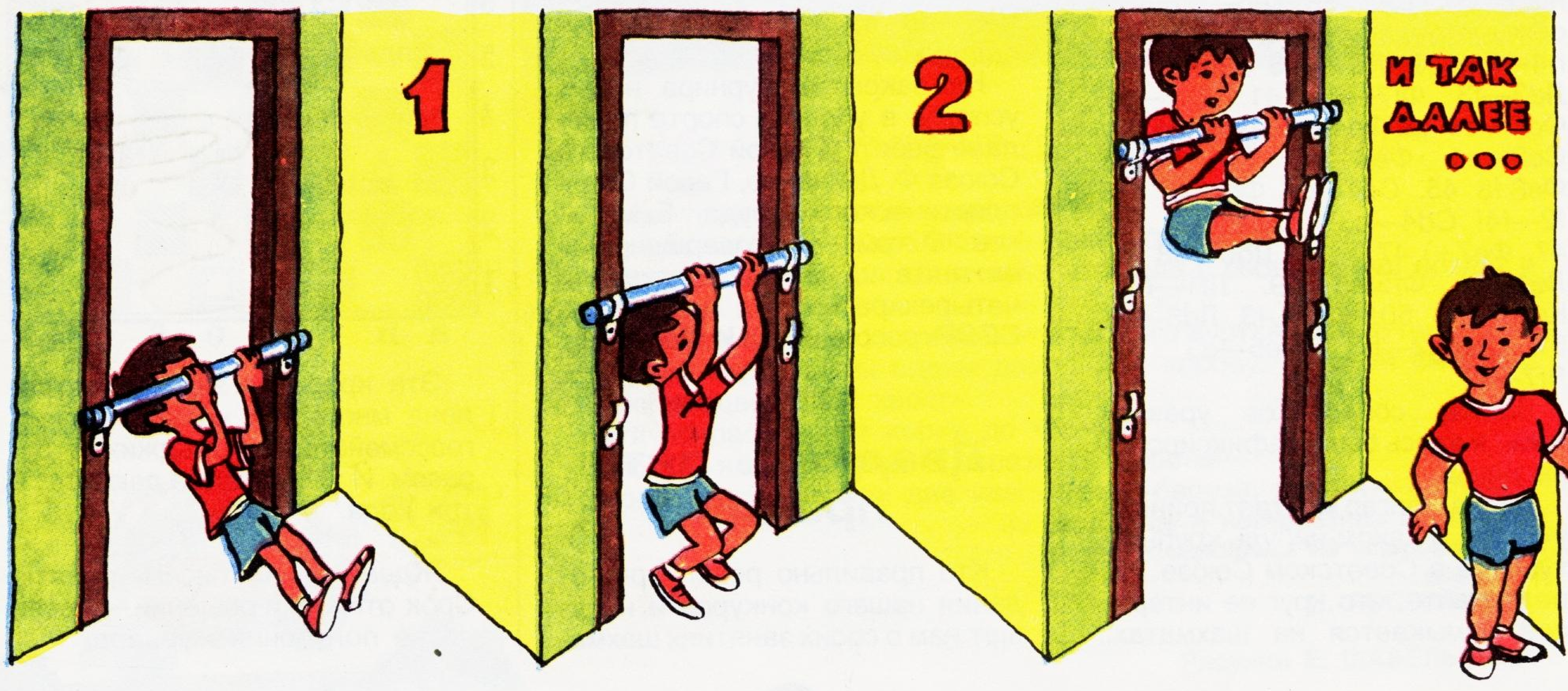
1. Ухватитесь за перекладину руками и подтягивайтесь, опираясь пятками о пол. До тех пор, пока хватит сил. Каждый день это упражнение надо делать по два-три раза. Когда вы сможете подтянуться таким образом двенадцать — пятнадцать раз подряд, перекладину можно установить уже повыше.

Сядьте на корточки, поднимите руки и на уровне кистей привинтите с обеих сторон двери еще два крючка. Перенесите на них перекладину и приступайте ко второму упражнению.

2. Сначала будет нелегко, поэтому немного помогите себе: подтягиваясь, выпрямляйте ноги. Постепенно вы научитесь подтягиваться и без помощи ног. Вот тогда самое время соорудить турник на высоте, чуть большей вашего роста с вытянутыми руками. Главное теперь — через каждые пять дней подтянуться на один раз больше... и еще раза три.

И тогда можно смело сравнивать свои достижения с нормами комплекса ГТО.

Чтобы получить серебряный значок ГТО, мальчикам десяти-одиннадцати лет надо подтянуться на перекладине хотя бы три раза, золотой — и того больше. У ребят постарше задача сложнее: норматив серебряного значка — пять подтягиваний, а золотого — семь!



РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА...

Сколько часов в сутках? Любой ответит: «Двадцать четыре!» В том-то и дело — для всех одинаково! Тогда почему одни успевают многое, а другим времени не хватает?

Галя Глущенко из села Ольгино Саратовской области так прямо и пишет: «Я ничего не успеваю! Напечатайте, пожалуйста, режим дня».

Рисунки Д. БАРАБАША.

Некоторые ребята думают, что стоит написать режим дня, повесить листок с распорядком на видное место, и время само собой станет послушным. Но чаще бывает так: висит себе листок, а времени все равно не хватает. Словно время — летучая жидкость, которая быстро испаряется. Знать бы, куда испаряется?

Попробуй вспомнить, где ты сегодня время понапрасну потерял. Ага! Из школы домой долго возвращался: заболтался с товарищами по дороге. Мама просила хлеб к ужину купить — во дворе с мальчишками заигрался. Еле-еле в магазин успел! Все в спешке, все бегом — устал! Но что поделаешь, если времени не хватает... Никакой режим не поможет.

Верно, не поможет! Только почему ты забыл старую истину: ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ. Она-то как раз и поможет научиться строить день так, чтобы все успевать.

День «строят», как дом. Чтобы подвести дом под крышу, нужны стены, на которых крыша будет держаться. Для стен необходим фундамент. С него начинается дом. А с чего начинается день? Представь, с вечера!

Накануне как следует продумай, что предстоит сделать завтра: какие дела обязательные, а какие второстепенные? Самые важные пусть станут фундаментом — с них начни свой день. Эти дела и сил, и времени больше требуют. Зато сделал их — гора с плеч. Теперь не страшно и на «мелочи» время потратить.

Мелкие дела можно совмещать. Ну, например, сделал ты уроки и решил отдохнуть, погулять на улице. А почему бы заодно мамину просьбу не выполнить? По дороге и в магазин забежать можно, и младшего братишку или сестренку из детского сада забрать...

Поначалу нелегко придется. Но постепенно ты научишься правильно распределять время. Только не стремись наметить как можно больше дел. Лучше планировать столько, сколько по силам выполнить. А чтобы поменьше уставать, чередуй работу с отдыхом. Словом, всему свое время. Тогда и листок с режимом дня не понадобится.

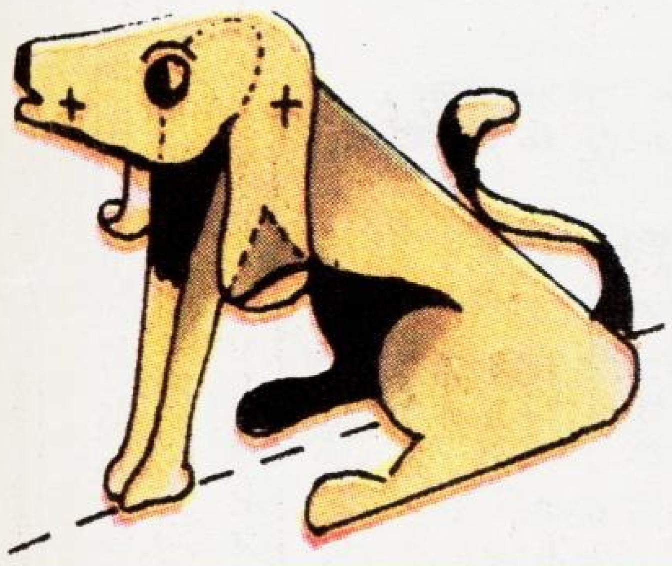
А. МИХЕЕВ,
кандидат педагогических наук.

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

БУМАЖНЫЙ ЩЕНОК

— Подарю тебе собаку,—
Обещал мне наш сосед.
Время тянется, однако,
А собаки нет и нет.

Не подаришь ли пока
Хоть бумажного щенка?
Вот развертка, вот макет.
Жду с надеждой.
Всем привет.



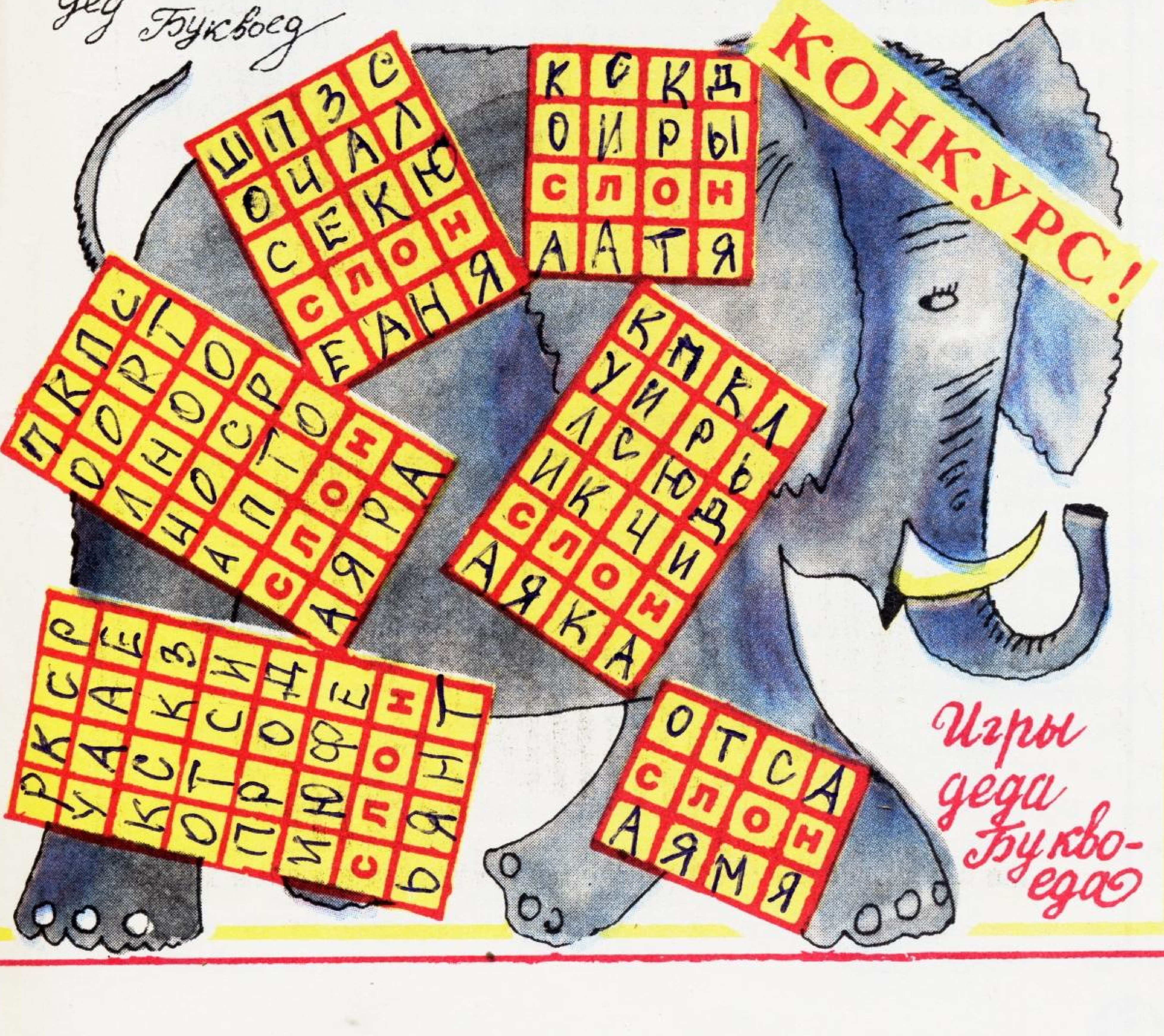
Все на ловлю слонов!

Ловить слонов — не шуточное дело!
Здесь надо действовать проворно и умело.
Все на охоту! Стадо перед вами.
Слонов стреножьте точными словами!

Примечание: пойманным считается «слон», захваченный по вертикали словами, состоящими из трех, четырех, пяти и т. д. букв. Смотрите, как я поймал тигра. Я был бы рад также получить от вас самых больших слонов, которых вы сможете поймать словами из девяти-десяти букв. Но сначала стреножьте тех, что на рисунке. Отличившиеся охотники будут премированы!

В борьбе за званье лучшего ловца
Будь терпелив и стоек до конца!

Дед Буквоед



МАГИЧЕСКИЙ ЗАКОН

Девять марок перед вами,
Все с джерсийскими гербами
Давних рыцарских времен.
Так расставить их попробуй,
Чтобы виден был особый
И магический закон!

Примечание: номиналы (цены на марках) обозначены цифрами от единицы до девяти. Попробуйте распределить марки так, чтобы в каждом горизонтальном, в каждом вертикальном ряду и на каждой диагонали квадрата сумма чисел равнялась одному и тому же числу. Три номинала уже стоят на своих местах.

6	7	2
1	5	9
8	3	4

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

Игры Деда Буквоеда

Варим щи: щипцы, ящик, ямщик, клещи.

Игры Лупы и Пинцета

Правильный подход: задачу все ребята решили верно.

Капитан Перо ищет помощника

Буйный ветер: ветер срывал сушившееся белье.

КОЛУМБА ТОЖЕ НЕ ПОНИМАЛИ

Часто во время каникул наш класс отправляется путешествовать. Последний раз мы были в Кабардино-Балкарии. Приехали к подножию Эльбруса и прямо за голову схватились: вершина скрыта облаками, словно нарочно от нас спряталась. А как хотелось ее разглядеть! Один выход у нас все же был: влезть на соседнюю гору Чегет и посмотреть оттуда на Эльбрус.

Легко сказать — влезть. Внизу, у подножия, температура двадцать градусов тепла, а там, наверху, холодно, снег лежит, кое-где лед. И гора оказалась не из лучших. Вся какая-то гладкая, ухватиться не за что.

...Ползем на четвереньках. Каждый камень будто живой, так и скачет из-под ног.

Чем выше лезли, тем меньше нас становилось. Кто-то кубарем скатился вниз, кто-то отдохнуть присел, кто-то просто испугался.

Наконец, нас осталось четверо. Добрались до небольшой площадки, посмотрели вниз. А там учителя беспокоятся, кричат: «Спускайтесь!».

Что ж, Колумба тоже не понимали. Посовещавшись, мы решили все же не отступать и лезть дальше. Еще я заметил, что мой товарищ Илья, стоя внизу рядом с учителями, показал мне нос. Я тут же слепил снежок и кинул его в Илью. Но попал в девчонок. Они подняли ужасный крик и писк, стали грозить нам кулаками.

Наконец, мы влезли на Чегет, насмотрелись на Эльбрус и, захватив в качестве сувениров по булыжнику с вершины, двинулись вниз... Так нам «покорился» Эльбрус. Хотите верьте, хотите нет.

Правда, учителя пообещали, что ни в одну поездку мы больше не поедем.

Сейчас наш класс собирается в Киев. Мы, четверо покорителей Чегета, включены в список туристов одними из первых.

Игорь ПОПОВ,
г. Москва.

«ПИОНЕР» Я ЧИТАЛА УКРАДКОЙ

У меня есть двоюродная сестра Ира. Она старше меня на два года. Когда я была во втором классе, а Ира — в четвертом, я полюбила читать журнал «Пионер». Читала от Иры украдкой. Вы спросите: «Почему же так?» Я была еще октябренком, и Ира мне говорила: «Ты же не пионерка. Поэтому не прикасайся к моему журналу». Я, конечно, очень обижалась.

Сейчас Ира в шестом классе, а в седьмом ее примут в комсомол. И она мне уже говорит, что подпишется на «Комсомольскую правду», а мне читать ее не даст. Все взрослые газеты и журналы, кроме «Пионера» и «Пионерки», у меня отбирает.

Но я думаю, раз интересно, все газеты и журналы читать можно. Родители со мной тоже согласны.

Наташа В.,
4-й класс, г. Вологда.

СОДЕРЖАНИЕ

«Не отступать!» — Рисунок Н. Н. Жукова ... II обл.
Главный документ партии
Молчаливая клятва. — Интервью с З. И. Воскресенской ... 1
В комсомольском строю
Бригадир с Ижорского. — О. Тихомиров ... 4
Что нам читать? ... 7
Шаг в бессмертие. — Отрывки из поэмы В. Скомаровского ... 8
Боевой листок ... 10
Добро пожаловать. — Главы из документального повествования для детей и взрослых Л. Симоновой. Окончание. Рисунки С. Трофимова ... 12
Считать грамотность — делом чести! — Письмо П. А. Заломова. Публикация Л. Симоновой ... 20
Одна лошадиная сила. — Приключенческая повесть И. Стрелковой. Окончание. Рисунки Е. Медведева ... 23
Отряд говорит с отрядом ... 32
Я люблю тебя, Артек! ... 34
«Кораблик» ... 36
Самая легкая лодка в мире. — Повесть-сказка Ю. Коваля. Продолжение. Рисунки автора ... 38
Дискуссионный пионерский клуб «За и против»
Школьная форма: какой ей быть? — А. Мясникова, юнкоровское объединение «Звезда» ... 51
Всем коллективом. Домашнее задание. Палочка-выручалочка. Муравейник. Небо. ...И снова я иду в мои леса. — Стихи Л. Фадеевой. Рисунок А. Дугина ... 54
Валеркин календарь. — Повесть В. Баныкина. Продолжение. Рисунок М. Петрова ... 56
Переменка ... 58, III обл.
В стране шаха — владыки черных и белых полей ... 59
Путешествие в Спортландию ... 60
Ума палата ... 62
Сами о себе ... 64
Осень. — Стихотворение М. Чернявского ... IV обл.

На обложке:
Осень. — Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1983.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 01.08.83.
Подписано к печати 12.08.83. А 02759. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 2107. Заказ № 1188.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Мы знаем, что вы помните девочку Катю из фильма «Вам и не снилось». Помните и Василису Премудрую из фильма-сказки «Там на неведомых дорожках». Ваши письма, ребята, адресованные не только «Переменке», но и самой исполнительнице этих ролей, наш корреспондент Марина Потоцкая передала актрисе Центрального детского театра Татьяне АКСЮТЕ и пригласила ее в гости к «Переменке»...

Аксюта. Как вы думаете, ребята, можно ли сыграть... стакан с квасом? А стакан с молоком? Это ведь абсолютно разные роли! А гвоздь можно сыграть, а трамвайный билет?.. У нас в театральном институте были такие специальные занятия: мы должны были без слов изобразить все эти предметы, как бы превратиться в них. Такие упражнения я больше всего любила. И они мне очень пригодились. В детском театре нам, актерам, часто приходится играть необычные роли. Вообще-то, когда я училась в институте, мечтала играть взрослых, солидных людей. Но вот уже три года играю детей! Каких детей? Мальчиков и девочек от девяти и до семнадцати лет. С моим ростом меня и в жизни часто принимают за девочку...

Корреспондент. А какой у вас рост, если не секрет?

Аксюта. Не секрет — метр и пятьдесят сантиметров! Так что пусть девочки, читательницы «Пионера», которые невелики ростом, не унывают! Даже очень хорошо быть маленькой. Когда я училась в школе, меня все мальчишки из нашего класса опекали и защищали.

Корреспондент. Значит, быть высокой вам никогда и не хотелось?

Аксюта. Ну, может быть, только один раз. Тогда в перерыве между съемками фильма «Вам и не снилось» я вместе с настоящими школьниками, участниками съемок, пошла в кино. На тот сеанс дети до шестнадцати лет не допускались. Так вот, моих друзей-акселератов билетерша пропустила, а меня ни за что не хотела пускать: «А ты, девочка, иди домой! Ты в каком классе учишься? В пятом, в крайнем случае в шестом...» А я тогда уже на четвертом курсе института была...

Корреспондент. Таня, какие вопросы задают вам в письмах ребята?

Аксюта. Ну, ребята меня спрашивают о самом разном. Многие шестиклассники и семиклассники принимают меня за свою ровесницу, предлагают дружить. Спрашивают, в какой школе я учусь, какие у меня отметки и что я люблю делать в свободное время...

Корреспондент. В самом деле, что вы любите делать в свободное время?

Аксюта. Во-первых, его у меня почти нет. Если выпадает такой день, что у меня нет ни репетиции, ни спектакля, ни съемок, ни записи на радио и я остаюсь дома, то моя бабушка, уже привыкшая, что я работаю без выходных, волнуется: «Танечка, неужели тебе роль не дали? Неужели забыли про тебя?»

А вообще-то в свободное время я люблю вязать и шить. Могу сшить платье за день! А перед съемками «Кинопанорамы», где мы должны были рассказывать о фильме «Вам и не снилось», я за два дня связала свитер и снималась в нем.

Еще люблю плавать. В детстве занималась плаванием довольно серьезно. Рекордов, правда, у меня не было, я была самой маленькой, на всех соревнованиях обычно приплывала последней, и мне торжественно вручали поощрительный приз — за смелость, наверное. А спорт актеру обязательно нужен. Нужно всегда быть в «форме» — бодрым, подтянутым, выносливым.

Корреспондент. Всем читателям «Переменки» хочется, чтобы их знакомство с вами продолжалось. В каком новом фильме, новом спектакле ребята могут вас увидеть?

Аксюта. В фильме «Сказка странствий». Только что закончились его съемки. Я в этом фильме играю девочку Марту, которая много лет ищет своего брата. Мой партнер по фильму — Андрей Миронов. А в театре... Читали роман Виктора Гюго «Отверженные»? Так вот, по этому роману у нас, в Центральном детском, ставится спектакль. Я репетирую роль Козетты.

Корреспондент. У «Переменки» есть традиция: все ее гости дарят ребятам свои веселые пожелания...

Аксюта. А можно, я свои пожелания выскажу стихами? Только, ребята, не судите их слишком строго: это ведь экспромт!

Дорогие читатели,
искусства почитатели!
Хочу вам пожелать
никогда не уставать
от учебы и спорта.
Пусть любая работа
будет сделана только
на „пять"!
Т. Аксюта

Корреспондент. ...А потом звенит первый звонок на спектакль — звонок для актеров. Таня Аксюта надевает смешное коротенькое платьице, заплетает косички... И вот уже она — девочка Оля из спектакля «Шишок», и ей снова — девять лет...

Фотография И. ГНЕВАШЕВА.

Цена 30 коп. Индекс 70694.

ISSN 0130—8009

Микола ЧЕРНЯВСКИЙ

ОСЕНЬ

Хлеб в амбарах,
поле сжато,
Кончен дружно обмолот.
Кое-где овес лохматый
Рыжей гривою трясет.
В копнах мятая солома,
Свекла вялится в буртах.
А стога — крутые стромы
С ястребами на шестах.
Табунятся птичьи стаи,
Путь нелегкий впереди.
Подберезовики встали,
Рады — дождик разбудил.
Бабье лето оплетает
Паутиною кусты.
...Смолкли горны,
Потухают
Пионерские костры.